
ЛАТВИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
ПЕТРА СТУЧКИ
ЭКОНОМИКО-ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОГО
И ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
СОВЕТСКОЙ ЛАТВИИ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗВАЙГЗНЕ»
РИГА 1965

ЛАТВИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
ПЕТРА СТУЧКИ
ЭКОНОМИКО-ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Ученые записки, юридические науки, том 70

ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОГО
И ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
СОВЕТСКОЙ ЛАТВИИ

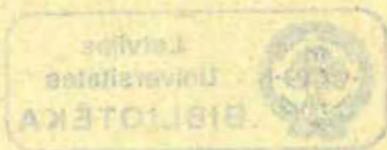
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗВАЙГЗНЕ»
РИГА 1965

5969

1 AA

Редакционная коллегия:

доц. Я. Страутманис, доц. А. Паварс, доц. Э. Удрис.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

1. Введение	5
2. Доц. канд. юрид. наук. А. Я. Паварс — «О новом Гражданском кодексе Латвийской ССР»	7
3. Доц. канд. юрид. наук Я. Я. Страутманис — «Правовое регулирование имущественных отношений колхозов»	39
4. Канд. юрид. наук Я. Р. Веберс — «Соотношение гражданского и семейного законодательства»	71
5. Ассистент Я. А. Розенберг — «О регулировании основных институтов гражданского процессуального права в ГПК Латвийской ССР»	89
6. Ст. преп. О. Я. Зонне — «Из истории трудового законодательства Советской Латвии»	111

ВВЕДЕНИЕ.

Значительным событием в жизни Латвийской ССР было принятие 27 декабря 1963 года на сессии Верховного Совета Латвийской ССР первого Гражданского кодекса и Гражданско-процессуального кодекса Латвийской ССР. Эти кодексы были введены в действие с 1 июня 1964 г.

Новые кодексы, регулирующие гражданские и гражданско-процессуальные отношения в нашем обществе, которое вступило в период развернутого строительства коммунизма, имеют исключительно важное значение. Они призваны регулировать и укреплять такие общественные отношения, которые постепенно приобретают характер коммунистических отношений, гарантировать и защищать имущественные и личные права граждан, воспитывать нового человека коммунистического общества. Не менее важная роль Гражданскому кодексу и Гражданско-процессуальному кодексу принадлежит в деле правового регулирования отношений между государственными, кооперативными и общественными организациями в интересах дальнейшего укрепления государственной дисциплины и социалистической законности, принципа реального исполнения обязательств, принципа экономического исполнения обязательств и принципа всемерного содействия сторон в исполнении обязательств.

В настоящее время, когда завершен важнейший этап кодификации всесоюзного и республиканского гражданского и гражданско-процессуального законодательства, необходимо не только глубоко изучать и усвоить новое законодательство, но еще важнее обеспечить его правильное применение в судебно-прокурорской и административной практике. Учитывая эти обстоятельства, кафедра Гражданского права и гражданского процесса ЛГУ им. П. Стучки подготовила ряд статей посвященных новым ГК и ГПК Латвийской ССР. Эти статьи в основном имеют целью изучать и анализировать важнейшие положения и особенности упомянутых кодексов, а также дать некоторые предложения по дальнейшему усовершенствованию советского законодательства, так как процесс кодификации, систематизации и усовершенствования нашего законо-

дательства продолжается и впредь следует решать еще много важных законодательных проблем.

В сборнике включена также одна статья, посвященная вопросам истории трудового законодательства Советской Латвии, учитывая, что положительный опыт прошлого должен быть использован и в настоящее время для правильного решения актуальных вопросов кодификации и усовершенствования трудового законодательства.

Книга рассчитана на судей, прокуроров, адвокатов, юристов-консультантов, работников государственного управления, студентов и преподавателей высших учебных заведений, а также на лиц, интересующихся вопросами права.

А. Я. Паварс,
доцент, канд. юрид. наук

О НОВОМ ГРАЖДАНСКОМ КОДЕКСЕ ЛАТВИЙСКОЙ ССР.

Вступление Латвии в состав союзных республик Советского Союза позволило трудящимся ее уже в 1940 году встать на путь социалистического строительства своего будущего. Этому в высокой степени, кроме нового экономического базиса, способствовало внедрение нового советского социалистического права.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 ноября 1940 г. действие уголовного, гражданского и трудового законодательства РСФСР было распространено на территории Латвийской ССР. В соответствии с этим, Совет Народных Комиссаров Латвийской ССР 25 ноября 1940 г. постановил, что, начиная с 26 ноября 1940 г., временно, до издания общесоюзных кодексов, применять на территории Латвийской ССР кодексы РСФСР: уголовный, уголовно-процессуальный, гражданский, гражданско-процессуальный, законов о труде, законов о браке, семье и опеке.

Развитие институтов советского гражданского права было прервано в 1941 г. вероломным нападением Германии на Советский Союз, подвергшим гнету оккупации и Латвийскую ССР до изгнания оккупантов победным шествием Советской Армии в 1944/45 г.

Возвращаясь к мирному строительству, среди прочих задач особое место занимало и обновление гражданского законодательства, каковое — по Конституции Советского Союза 1936 года — предусматривалось в качестве единого общесоюзного гражданского кодекса, одинакового для всех союзных республик.

Впоследствии же, в видах расширения прав союзных республик, этот принцип был изменен, и законом от 11 февраля 1957 г. Верховный Совет СССР отнес к ведению Союза ССР установление Основ гражданского законодательства; принятие же кодексов гражданских законов было отнесено к веде-

нию союзных республик. В связи с этим были предприняты работы по составлению проекта Гражданского кодекса Латвийской ССР, несмотря на отсутствие Основ гражданского законодательства.

Исторические решения XXII съезда КПСС, принятие новой Программы КПСС, особо подчеркнувшей необходимость обеспечения соблюдения и укрепления социалистической законности, послужили важным стимулом к дальнейшему развитию кодификационных работ в области гражданского законодательства. Они, прежде всего, способствовали изданию предусмотренных законом Верховного Совета СССР от 14 февраля 1957 года Основ этого законодательства.

Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик*, как и Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик, принятые Верховным Советом СССР 8 декабря 1961 г. и вступившие в действие 1 мая 1962 г., наравне с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1962 г. «О порядке введения в действие Основ гражданского законодательства и Основ гражданского судопроизводства», в свою очередь, явились основанием для создания гражданских и гражданско-процессуальных кодексов в союзных республиках, в том числе и Латвийской ССР. Сам факт наличия Основ, а, в особенности, их вступление в действие с 1 мая 1962 г., потребовали усиления и ускорения работы по составлению гражданских кодексов. В Латвийской ССР этот труд завершен 27 декабря 1963 г. принятием закона «Об утверждении гражданского кодекса Латвийской ССР». Этим же законом и было установлено введение в действие Гражданского кодекса Латвийской ССР с 1 июня 1964 г. и было поручено Президиуму Верховного Совета Латвийской ССР установить порядок введения в действие гражданского кодекса Латвийской ССР, равно и утвердить перечень законодательных актов Латвийской ССР, утративших силу в связи с введением в действие Гражданского кодекса Латвийской ССР**. Ныне выполнены и эти требования закона от 27 декабря 1963 г., 27 мая 1964 г. изданы три Указа Президиума Верховного Совета Латвийской ССР: «О порядке введения в действие Гражданского и Гражданского процессуального кодексов Латвийской ССР», «О внесении изменений в законодательные акты в связи с введением в действие Гражданского и Гражданского процессуального кодексов Латвийской ССР» и «О признании утратившими силу законодатель-

* В дальнейшем под «Основами» подразумеваются Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик.

** В дальнейшем — ЛатГК.

ных актов в связи с введением в действие Гражданского и Гражданского процессуального кодекса Латвийской ССР». 12 июня 1964 г. издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О признании утратившими силу законодательных актов СССР в связи с принятием Гражданского и Гражданского процессуального кодексов Латвийской ССР» с приложением перечня этих актов, полностью или частично утративших силу.

При составлении ЛатГК были учтены отзывы, поступившие от министерств, ведомств, органов суда и прокуратуры, общественных организаций, научных и других учреждений республики, научных конференций и совещаний по законодательству.

Учен также опыт братских республик по подготовке своих кодексов. Особенно это в высокой степени относится к содержанию Проекта 1963 года Гражданского кодекса РСФСР.

Кодификация ЛатГК осуществлена и кодекс составлен в строгом соответствии с Основами. Основами же правовое регулирование институтов гражданского права предусмотрено в тройном виде. Ряд институтов отнесен лишь к общесоюзному законодательству; ряд других — лишь к республиканскому законодательству, но ряд институтов оставлен предметом регулирования как общесоюзного, так и республиканского законодательства. Таким образом решен в общих чертах один из важнейших вопросов кодификации гражданского законодательства — вопрос о соотношении общесоюзного и республиканского законодательства.

В связи с этим в гражданский кодекс союзной республики следовало прежде всего воспринять обязательные общесоюзные нормы, преподнесенные Основами. Следующей задачей республиканского законодательства явилось восполнение кодекса нормами, создаваемыми исключительно в порядке республиканского законодательства. Это была область, в особенности, обязательственного права — отдельные виды обязательств, поскольку они Основами не были отрегулированы вовсе, как, например, договоры поручения, займа, дарения, хранения и др., или же не отрегулированы полностью, как, напр., договор найма жилого помещения, имущественного найма и др.

Республиканскому законодательству оставалось восполнить кодекс и нормами третьей категории, поскольку в ряде случаев регулирование не было дано Основами.

Ставя перед собою таковые задачи, оставалось еще решить вопрос о структуре кодекса. В известной степени решение этого вопроса облегчала структура самих Основ. Она и была положена в основу деления ЛатГК на разделы, каковых в ЛатГК восемь. Создавая в этих 8 разделах 51 главу и рас-

пределяя в них 592 статьи, приходилось учитывать характер и содержание переходных норм, включая сюда и вопрос об обратной силе закона, а также и вопрос об отсылочных нормах. Гражданское право находится в постоянном движении. Это вызывает необходимость ряд конкретных гражданско-правовых отношений регулировать подзаконными актами. Этим и объясняется сравнительно большое количество отсылочных норм в гражданских кодексах. Это обстоятельство, конечно, не освобождает законодателя от обязанности устанавливать, где только возможно и необходимо, незыблемые нормы, это движение предопределяющие, в особенности, когда дело касается существенных принципов гражданского права.

Оставалось при составлении кодекса решить вопрос и о том, в каких случаях предпочитать материальную норму перед процессуальной или наоборот.

Опыт работы по кодификации уголовного и уголовно-процессуального законодательства показал, что в ряде случаев унифицированные нормы предпочтительнее, нежели разнообразие их. В связи с этим большое значение при окончательном отредактировании гражданских кодексов союзных республик имели предложенные Юридической Комиссией при Совете Министров СССР рекомендации, таковое единообразие устанавливающие. Этим был сделан крупный шаг вперед как в упрощении, так и в укреплении гражданско-правового оборота. Кроме того, тем самым и устранялась необходимость в излишних коллизионных нормах, поле деятельности которых и без того останется достаточно широким при наличии гражданских кодексов пятнадцати союзных республик.

В свете вышеизложенных аспектов протекала работа по составлению гражданского кодекса.

Как уже было отмечено, наименее сложной она являлась в тех областях, которые были предопределены Основами, как области общесоюзного законодательства. Поэтому, например, такие разделы ЛатГКса, как V — Право на открытие, VI — Изобретательское право и VIII — Правоспособность иностранцев и лиц без гражданства, — как и те главы отдельных видов обязательств, которые согласно Основам составляют предмет общесоюзного законодательства, воспроизводят лишь нормы Основ.

Кропотливая работа предстояла республиканскому законодательству тогда, когда предстояло восполнить кодекс нормами, исключительно находящимися в ведении этого законодательства, когда предстояло выступить с собственным правотворчеством.

Ознакомиться с тем, как с этой задачей справилось зако-

нодательство Латвийской ССР, целесообразнее всего путем обзора разделов ЛатГК.

Повторив почерпнутую из Основ преамбулу, ЛатГК свой I раздел — Общие положения — делит на 6 глав. Из них 1-ая глава отведена Основным положениям. Воспроизводя и основные положения из Основ, ЛатГК не повторяет положений ст. 3 Основ, а довольствуется лишь указанием, что: «По отношениям, которые в соответствии с частью второй статьи 3 Основ регулируются гражданским законодательством Союза ССР, настоящим кодексом и иными актами гражданского законодательства Латвийской ССР разрешаются вопросы, отнесенные к ведению Латвийской ССР законодательством Союза ССР». При такой редакции ст 3 ЛатГК возникает вопрос о том, что, пользуясь ЛатГК, необходимо иметь под рукою и Основы, так как без них нельзя себе представить, что и какие именно гражданско-правовые отношения регулируются «частью второй статьи 3 Основ». Представляется поэтому, что правильнее построена соответствующая статья в гражданских кодексах тех союзных республик, которые часть вторую статьи 3 Основ воспроизводят полностью, как, например, кодексы Украинской ССР, Эстонской ССР, Литовской ССР.

В строгом соответствии с Основами ЛатГК регулирует имущественные и личные неимущественные правоотношения в целях создания материально-технической базы коммунизма и все более полного удовлетворения материальных и духовных потребностей граждан (ст. 1) между социалистическими организациями, между этими организациями и гражданами и между гражданами (ст. 2). При осуществлении гражданских прав и исполнении обязанностей важно соблюдение в качестве основного принципа, чтобы такое осуществление не находилось в противоречии с назначением гражданских прав в социалистическом обществе в периоде строительства коммунизма (ст. 5). Перечисляя способы защиты гражданских прав (ст. 6), ЛатГК особо (ст. 7)) выделяет защиту чести и достоинства гражданина. Как особенность ЛатГК следует отметить, что принцип, выраженный в Основах (и в первой части ст. 4 ЛатГК), что гражданские права и обязанности возникают из оснований, предусмотренных законодательством Союза ССР и Латвийской ССР, а также из действий граждан и организаций, которые хотя и не предусмотрены законом, но в силу общих начал и смысла гражданского законодательства порождают гражданские права и обязанности, нашел выражение и в части четвертой статьи 6 ЛатГК: «Отсутствие закона не может явиться основанием для отказа в судебной защите гражданских прав. В этих случаях применяется закон, регулирующий сходные отношения, а при отсутствии такого

закона спорное отношение разрешается, исходя из общих начал и смысла советского гражданского законодательства». Ст. ст. 4 и 6 ЛатГК закреплено применение аналогии закона и аналогии права в качестве существенного принципа материального гражданского права. Также нормой материального права в ЛатГК в третьей части статьи 7 предусмотрен предел — до пятидесяти рублей — налагаемого штрафа на нарушителя чести и достоинства гражданина в случае, если им не выполнено решение суда. Гражданские кодексы РСФСР, Эстонской ССР и Литовской ССР относят установление размера такого штрафа к своим гражданско-процессуальным кодексам.

Свою первую главу об Основных положениях ЛатГК включает перенесенными из Основ коллизионными нормами (ст. 8 ЛатГК).

2-ая глава ЛатГК о лицах — с подразделением их на граждан и на юридические лица — открыла достаточно широкое поприще в республиканском законодательстве. Так, в отношении дееспособности граждан в случаях, когда закон допускает вступление в брак до достижения восемнадцатилетнего возраста, лицо, не достигшее восемнадцати лет, приобретает дееспособность в полном объеме со времени вступления в брак (часть вторая статьи 11 ЛатГК). Существенно отодвижение начального порога частичной дееспособности с четырнадцати лет до пятнадцати лет (ст. 13 ЛатГК). Признание гражданина недееспособным может состояться лишь в судебном порядке (ст. 15 ЛатГК). Новый вид попечительства установлен в отношении лиц, которые вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими веществами ставят свою семью в тяжелое материальное положение. Эти лица могут быть по суду ограничены в дееспособности. В таком случае над ними устанавливается попечительство, и сделки по распоряжению имуществом они могут совершать лишь с согласия своих попечителей, за исключением мелких бытовых сделок (ст. 16 ЛатГК). Лишь в судебном порядке может состояться признание гражданина безвестно отсутствующим (ст. 18) и объявление гражданина умершим (ст. 21). В отношении объявления гражданина умершим ЛатГК в качестве нормы материального права устанавливает, что: «На основании вступившего в законную силу решения суда об объявлении гражданина умершим производится запись о его смерти в книге записей актов гражданского состояния» (часть третья статьи 21). Относительно последствий, вытекающих из явки гражданина, признанного безвестно отсутствующим или объявленного умершим, следует подчеркнуть, что Основы в четвертой части статьи 10 указали, что: «В случае явки или

обнаружения места пребывания гражданина, признанного безвестно отсутствующим или объявленного умершим, соответствующее решение отменяется судом. При этом восстановление имущественных прав гражданина производится в соответствии с законодательством союзных республик». Основы, следовательно, обязывают республиканское законодательство решить вопрос одинаково, как в отношении признанного безвестно отсутствующим, так и объявленного умершим гражданина. Но ЛатГК, как и ряд гражданских кодексов других союзных республик, ограничивается лишь тем, что устанавливает (ст. 22) лишь последствия явки гражданина, объявленного умершим. При этом увеличен объем прав такого гражданина (по сравнению с прежним законодательством): независимо от времени своей явки гражданин вправе потребовать от любого лица возврата сохранившегося имущества, которое безвозмездно перешло к этому лицу после объявления гражданина умершим; лица, к которым имущество объявленного умершим гражданина, перешло по возмездным сделкам, обязаны возвратить ему это имущество, если доказано, что, приобретая имущество, они знали, что объявленный умершим гражданин находится в живых. Оставлены без надлежащей защиты имущественных прав из явившихся те граждане, которые были признаны только безвестно отсутствующими. Ввиду того, что Основами предусмотрена защита интересов и этой категории граждан, остается в таких случаях по аналогии применять ст. 22 ЛатГК.

В отношении юридических лиц ЛатГК виды их (ст. 24) делит на пять подвидов; в Основах и в ряде гражданских кодексов союзных республик ограничиваются лишь делением в три группы.

В видах усиления борьбы с туеядцами ЛатГК, разграничивая ответственность кооперативной, межколхозной, государственно-колхозной и иной государственно-кооперативной или общественной организации и ее членов, устанавливает, что: «Если в судебном порядке будет признано, что паевой взнос члена жилищно-строительного или дачно-строительного кооператива внесен за счет нетрудовых доходов или за счет незаконного использования средств государственных, кооперативных или общественных организаций, то сумма паевого взноса обращается в доход государства либо возвращается соответствующей организации» (ст. 36 ЛатГК). Подобная норма имеется и в ГК Украинской ССР, но отсутствует в ряде позднее изданных гражданских кодексов, как-то: РСФСР, Эстонской ССР, Литовской ССР.

Весьма существенная 3-ья глава ЛатГК о сделках развивает значительно подробнее Основы, которыми даны лишь

основные вехи для построения этой главы. Во-первых, решен вопрос о форме сделок (ст. ст. 42—47), при чем обязательность письменной формы для сделок граждан между собой установлена лишь тогда, если сумма сделок превышает сто рублей. Особую оговорку в отношении формы ЛатГК устанавливает следующим образом: в тех случаях, когда сделки между организациями или между организацией и гражданином совершаются не в письменной форме, организация, оплатившая товары или услуги, должна получить от другой стороны письменный документ, удостоверяющий получение денег и основание их получения (вторая часть ст. 44 ЛатГК).

В этой же главе ЛатГК установлены категории недействительных сделок и указаны последствия совершения их.

В ЛатГК в одной главе (4-ой) объединены нормы, посвященные представительству и доверенности. По поводу всей этой главы следует сказать, что она является существенной предпосылкой для главы о договоре поручения в разделе Обязательного права. Весьма существенной поэтому является норма, регулирующая последствия прекращения доверенности (ст. 71), поскольку соответствующая норма отсутствует в главе о договоре поручения.

Совершенно правильно нормам об исчислении сроков отведена в ЛатГК отдельная глава (5-ая), в которую перенесены нормы из прежнего Гражданского процессуального кодекса РСФСР, устанавливающие исчисление сроков. Время — весьма существенный фактор в гражданском праве, так как течение и истечение его сроков в одних случаях создает гражданские права, в других — прекращает. Поэтому узаконение течения времени и составляет содержание гражданского права в материальном смысле.

Существенные изменения вносит новый ЛатГК и в институт исковой давности (6-ая глава). В соответствии с Основными для юридических лиц общий срок исковой давности установлен в один год (ст. 79). В отношении течения исковой давности установлено, что течение срока ее начинается со дня возникновения права на иск; право на иск возникает со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права (первая часть ст. 83 ЛатГК). Отсутствует в кодексе такая норма, как вторая часть статьи 45 прежнего ГК РСФСР, по которой по обязательствам, подлежащим исполнению по требованию кредитора, течение исковой давности начиналось со времени возникновения самого обязательства.

Следует отметить, что предусмотрено приостановление, перерыв и восстановление также сокращенных сроков исковой давности (ст. 89 ЛатГК).

Посвящая второй раздел праву собственности, ЛатГК отдельную главу (7-ую) уделяет общим положениям, устанавливая содержание права собственности (ст. 92) и виды и формы собственности (ст. 93). В соответствии с Основами и во изменение статьи 5 Конституции СССР 1936 года установлены три формы социалистической собственности: государственная (общенародная) собственность, собственность кооперативных организаций и собственность общественных организаций. В отношении личной собственности граждан указано, что она служит одним из средств удовлетворения их потребностей; другими средствами удовлетворения этих потребностей — в осуществление новой Программы КПСС — является возрастающие все в большей степени общественные фонды.

В главе (8-ой) ЛатГК о государственной собственности в качестве единого собственника ее установлено лишь само государство, в собственности которого может находиться любое имущество. Исключительную же государственную собственность составляют земля, ее недра, воды и леса. Имущество, закрепленное за государственными организациями, состоит в оперативном управлении этих организаций, осуществляющих, в соответствии с целевым назначением их деятельности, права владения, пользования и распоряжения имуществом. На то имущество, которое относится к основным средствам государственных организаций, нельзя обратить взыскание по претензиям кредиторов (ст. 98 ЛатГК).

В главе (9-ой) ЛатГК о собственности колхозов и иных кооперативных организаций, равно как и в главе (10-ой) о собственности профсоюзных и общественных организаций установлено, что каждая из этих организаций является самостоятельным собственником. В защиту интересов этих организаций установлен весьма широкий круг объектов их имущества, на которое нельзя обратить взыскание по претензиям кредиторов (ст. ст. 101 и 104 ЛатГК).

В главе (11-ой) ЛатГК о личной собственности особенно подчеркнут потребительский характер ее и тот принцип, что имущество граждан не может быть использовано для извлечения нетрудовых доходов.

Среди объектов этого имущества весьма подробно урегулировано право личной собственности граждан на жилой дом или часть его. В соответствии с Основами, у семьи, состоящей из совместно проживающих супругов и их несовершеннолетних детей, может быть на праве личной собственности только один жилой дом или часть дома. Поскольку установление предельных размеров такого дома отведено Основами республиканскому законодательству, ЛатГК (часть четвертая ст. 106) определил, что этот размер не должен пре-

вышать шестидесяти квадратных метров жилой площади. Однако, по ходатайству гражданина, имеющего большую семью либо право на дополнительную жилую площадь, исполнительный комитет местного Совета депутатов трудящихся может разрешить постройку либо приобретение дома или сохранить в собственности дом, жилая площадь которого превышает шестьдесят квадратных метров, но не превышает размера, определенного для данной семьи по установленной местным Советом депутатов трудящихся норме (шестая часть ст. 106). Указ Президиума Верховного Совета Латвийской ССР от 27 мая 1964 г. «О порядке введения в действие Гражданского и Гражданского процессуального кодексов Латвийской ССР» своей ст. 11 определил, что правила ЛатГК о предельном размере жилого дома (части дома), который может находиться в личной собственности гражданина, не распространяются на дома (части дома), приобретенные или возведенные до 1 августа 1958 года.

ЛатГК (ст. 107) предусматривает способы прекращения права личной собственности на жилые дома сверх одного. Предоставляя собственнику право, оставить за собою по своему выбору любой из этих домов, ст. 107 обязывает его к отчуждению путем продажи, дарения или иным способом в течение одного года со дня возникновения права собственности на жилой дом. Если собственник в течение года этим правом не воспользуется, дом по решению исполнительного комитета местного Совета подлежит принудительной продаже; вырученные от продажи суммы после покрытия расходов, с продажей связанных, передаются бывшему собственнику дома. Если продажа дома в принудительном порядке не состоится из-за отсутствия покупателей, дом по решению исполнительного комитета местного Совета безвозмездно переходит в собственность государства.

В соответствии с потребительским характером личной собственности ст. 108 ЛатГК устанавливает несовместимость права личной собственности с наличием квартиры в доме жилищно-строительного кооператива, предлагая такому собственнику по своему выбору оставить за собой дом (часть дома) или квартиру в доме жилищно-строительного кооператива.

Ст. 109 ЛатГК лишает права собственности на дом гражданина, построившего этот дом или часть его без установленного разрешения или без надлежащим образом утвержденным проектом или же с грубым нарушением основных строительных норм и правил. В то время, как ст. 109 ЛатГК лишает такого гражданина права пользования и распоряжения домом, характерно отметить, что гражданские кодексы

РСФСР, Украинской ССР, Эстонской ССР и Литовской ССР* лишают такого гражданина лишь права распоряжения (дом продавать, дарить, сдавать в наем и т. п.), но в этих кодексах не предусмотрено лишение права пользования.

Особенное внимание борьбе с тунеядцами и стяжателями ЛатГК уделил в плоскости регулирования права личной собственности граждан. В этом отношении ЛатГК принадлежит к числу гражданских кодексов союзных республик, установивших в этих целях особую норму. Ст. 110 ЛатГК предусматривает, что дома, дачи и другие строения, возведенные или приобретенные на нетрудовые доходы или за счет незаконного использования средств государственных предприятий, учреждений, колхозов и иных кооперативных и общественных организаций, а также автомобили, приобретенные на нетрудовые доходы, подлежат безвозмездному изъятию постановлением суда по материалам исполнительного комитета местного Совета депутатов трудящихся. Изъятые дома, дачи и другие строения подлежат передаче в коммунальный фонд местного Совета, или колхозу или иной кооперативной или общественной организации, а изъятые автомобили — в собственность государства. И в отношении применения ст. 110 ЛатГК существенно ст. 15 Указа Президиума Верховного Совета Латвийской ССР от 27 мая 1964 г. «О порядке введения в действие Гражданского и Гражданского процессуального кодексов Латвийской ССР», по которой: «Правила ст. 110 ЛатГК о безвозмездном изъятии домов, дач и других строений, возведенных или приобретенных гражданами на нетрудовые доходы или за счет незаконного использования средств государственных предприятий, учреждений, колхозов и иных кооперативных и общественных организаций, а также автомобилей, приобретенных на нетрудовые доходы, применяются независимо от того, когда были возведены или приобретены дома, дачи и другие строения или приобретены автомобили.

Материалы, указанные в ст. 110 ЛатГК, рассматриваются в порядке, установленном Указом Президиума Верховного Совета Латвийской ССР от 3 августа 1962 года «О безвозмездном изъятии домов, дач и других строений, возведенных или приобретенных гражданами на нетрудовые доходы».

Существенна также статья 111 ЛатГК, предусматривающая в судебном порядке по иску исполнительного комитета местного Совета безвозмездное изъятие дома, дачи или иного имущества, систематически используемого собственником для

* Ст. 109 ГК РСФСР.
Ст. 105 ГК Украинской ССР.
Ст. 113 ГК Эстонской ССР.
Ст. 114 ГК Литовской ССР.

извлечения нетрудовых доходов. Это правило не распространяется на жилые дома и дачи, в которых помещения сдаются внаем с соблюдением всех условий, сдачу внаем допускающих.

Право личной собственности на жилой дом обязывает гражданина надлежащим образом содержать этот объект. В противном случае, ст. 143 ЛатГК устанавливает, что, если гражданин без уважительных причин не производит необходимого ремонта дома, допуская его разрушение, то суд, по иску исполнительного комитета местного Совета, предупредившего гражданина о необходимости ремонта, может изъять безхозяйственно содержимый дом безвозмездно и передать его в коммунальный фонд местного Совета.

Если же гражданин безхозяйственно обращается с принадлежащим ему имуществом, имеющим историческую, художественную или иную ценность для общества, государственные организации, ведающие охраной такого имущества, вправе предупреждать собственника о прекращении безхозяйственного отношения к этому имуществу. Если гражданин продолжает относиться безхозяйственно, то суд по иску соответствующей организации может это имущество изъять и передать в собственность государства; при этом гражданину возмещается стоимость имущества в размере, установленном соглашением, а в случае спора — судом. В случае неотложной необходимости иск об изъятии указанного имущества может быть предъявлен без предварительного предупреждения.

В статье 113 ЛатГК урегулирована личная собственность члена колхозного двора, которая не должна быть смешиваема со второю формой личной собственности, т. е. с собственностью колхозного двора.

Под видом личной собственности граждан ст. 115 упоминает и собственность кустарей, ведущих мелкое хозяйство, основанное на личном труде, без использования чужого труда.

Новизной отличается глава (12-ая) ЛатГК об общей собственности. В соответствии с Основами ст. 116 ЛатГК допускает общую собственность только между социалистическими организациями или только между гражданами в обоих ее подвидах — как долевую, так и совместную. Поскольку исключается общая собственность организаций с гражданами, ст. 124 ЛатГК устанавливает четыре способа прекращения ее: 1) раздел имущества в натуре, если таковой возможен, 2) выкуп государством, колхозом или иной кооперативной или общественной организацией доли, принадлежащей гражданам, 3) продажу гражданам доли, принадлежащей государству или организации, и 4) продажу всего имущества, с последующим распределением вырученной суммы между участниками общей собственности.

Большое внимание ЛатГК уделяет гражданско-правовому регулированию собственности колхозного двора (13 глава) в качестве совместной собственности его членов. Устанавливая принцип равенства долей всех членов двора, определяя в отношении их порядок владения, пользования и распоряжения имуществом, равно и выдел из колхозного двора и его раздел, ЛатГК этим решил ряд проблем колхозного строительства гражданско-правовыми методами, что должно быть учтено при предстоящей дальнейшей разработке организационных внутриколхозных отношений в других отраслях советского права.

Следует отметить, что статьей 127 ЛатГК собственность единоличного крестьянского двора, принадлежащая его членам на праве совместной собственности, приравнена, в общем, в правовом регулировании к совместной собственности колхозного двора.

Новое имеется и в главе (14-ой) ЛатГК о приобретении и прекращении права собственности. В отличие от прежнего законодательства ст. 136 ЛатГК момент возникновения права собственности у приобретателя устанавливает момент передачи ему вещи, если только иное не предусмотрено законом или договором. Тем самым для начального момента возникновения права собственности теряет значение деление вещей на родовые и индивидуально-определенные.

В отношении прекращения права собственности ст. 145 ЛатГК устанавливает порядок поступления безхозяйного имущества в собственность государства по решению суда, вынесенному по заявлению финансового органа; однако, такое заявление может быть подано лишь по истечении одного года со дня принятия этого имущества на учет. Безхозяйное же имущество, принадлежавшее колхозному двору, поступает в собственность того колхоза, на территории которого оно находится, но также по решению суда, вынесенному по заявлению колхоза, поданному по истечении одного года со дня принятия этого имущества на учет исполнительным комитетом сельского Совета депутатов трудящихся.

По новому урегулирован вопрос о праве нашедшего вещь на вознаграждение. Ст. 148 ЛатГК дает ему лишь право на возмещение расходов. Нашедшему же клад по ст. 150 ЛатГК выдается вознаграждение в размере 25% стоимости сданных ценностей, если только раскопки или поиски таких ценностей не входили в круг служебных обязанностей этого лица.

В главе (15-ой) ЛатГК о защите права собственности в ст. 153 в качестве общего правила установлен виндикационный иск собственника по отношению к чужому незаконному владению. В ст. 154 иначе и полнее защищается собственник

против добросовестного приобретателя, чем это было в прежнем законодательстве. Не только в случае утраты или похищения вещи собственник вправе ее виндигировать у добросовестного приобретателя, но и тогда, когда вещь выбыла из владения собственника или того лица, которому она была передана собственником, помимо их воли. Если же вещь безвозмездно приобретена кем-либо от лица, которое не имело право ее отчуждать, собственник вправе истребовать имущество от приобретателя во всех случаях. Ст. 155 ЛатГК — в соответствии с Основами — установила виндигацию от всякого приобретателя не только государственного имущества, но также и имущества колхозов и иных кооперативных и общественных организаций, отчужденного каким бы то ни было способом.

Из этого принципа ст. 156 ЛатГК изымает лишь деньги и ценные бумаги на предъявителя, не допуская их виндигацию от добросовестного приобретателя.

Попрежнему собственник защищен и негаторным иском (ст. 158 ЛатГК).

Аналогично собственнику защищается и владелец, не являющийся собственником, но владеющий имуществом в силу закона или договора (ст. 154).

Широкое поле деятельности республиканскому законодательству было отведено в создании III раздела Гражданского кодекса — обязательственного права. Динамика гражданского права сосредоточена именно в обязательственном праве. Поскольку этот раздел призван урегулировать в установлении и выполнении обязательств проявления энергии любого из субъектов гражданского права, будь-то организация или гражданин, естественно, что количество глав и статей на этот раздел приходится самое большое. Более того, раздел обязательственного права нуждается в собственном введении — в своей «общей части». Поэтому то весь III раздел разбит на две части: I — общие положения об обязательствах, которые в значительной степени предопределены Основами, и II — отдельные виды обязательств.

Посвящая вводную главу (16-ую) возникновению обязательств, ЛатГК дает в ст. 160 понятие обязательства и в ст. 161 — основание его возникновения, выделяя ст. 162 акты планирования народного хозяйства, как существенный источник возникновения обязательств.

В дальнейшем структура ЛатГК такова, что следующей является глава (17-ая) об обеспечении исполнения обязательств, за тем следует глава (18-ая) о перемене лиц в обязательствах, т. е. об уступке требования и переводе долга, и лишь после этого помещена глава (19-ая) об исполнении обя-

зательств. Устанавливая в ст. 202, что обязательства должны исполняться надлежащим образом в срок и в соответствии с указаниями закона, актов планирования, договоров или обычно предъявляемыми требованиями, ЛатГК в ст. 204 регулирует и исполнение тех обязательств, в которых срок не установлен вовсе либо определен моментом востребования кредитором. В последнем случае должнику для исполнения предоставляется семидневный льготный срок.

Весьма существенна глава (20-ая) ЛатГК об ответственности за нарушение обязательств. Как и раньше (см. ст. 117 прежнего ГК РСФСР), ст. 224 ЛатГК устанавливает, что в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства должником он обязан возместить кредитору причиненные убытки. И попрежнему указано, что убытки имеют две составные части: произведенные кредитором расходы, утрата или повреждение его имущества, и — кроме этого — неполученные им доходы. Но большое значение наряду с этой статьей приобретает ст. 225 ЛатГК. Поставленная в одинаковый уровень с предыдущей нормой об обязанности нарушившего исполнение обязательства должника возместить кредитору убытки, ст. 225 предусматривает, что законом или договором может быть предусмотрен случай, когда допускается взыскание только санкций, но не убытков. Существенной для гражданско-правового оборота между организациями, в особенности, в исполнении хозяйственных договоров, является ст. 226 ЛатГК об уменьшении чрезмерно больших санкций по сравнению с действительными убытками.

В качестве общего и весьма важного принципа, включенного в общие положения об обязательствах, ст. 229 ЛатГК устанавливает наличие вины, как основания ответственности за неисполнение обязательства, и раскрывает понятие вины в виде умысла или неосторожности.

Ст. 231 ЛатГК учитывает и вину кредитора, что в нашем гражданском праве особенно существенно в правоотношениях социалистических организаций, требующих товарищеской солидарности как кредитора, так и должника в выполнении заключенных договоров.

Шире и подробнее, чем в прежнем законодательстве, ст. 232 ЛатГК устанавливает последствия неисполнения двухстороннего договора.

Соответствующее внимание уделено в ЛатГК просрочке, будь-то просрочка должника (ст. ст. 233 и 234) или просрочка кредитора (ст. 235).

В главе 21-ой ЛатГК приведены установившиеся в нашем гражданском обороте и в судебной и арбитражной практике признанные способы прекращения обязательств.

С договора купли-продажи открываются в ЛатГК конкретные виды обязательств. Вполне обосновано серию их начать с того договора, в силу исполнения которого меняются собственники, т. е. с договора приобретения-отчуждения. В главе (22-ой) ЛатГК развивает нормы Основ, адресованные купле-продаже, и особенно уточняет ответственность продавца за ненадлежащее исполнение договора и подробнее разграничивает сроки предъявления претензий покупателя к продавцу.

В связи с тем, что большое значение для удовлетворения увеличивающихся потребностей граждан приобретает продажа им предметов длительного пользования в рассрочку, соответствующая норма в ЛатГК (ст. 261) отводит Совету Министров Латвийской ССР установление случаев и порядка этого вида продажи. Следует только отметить, что по силе ст. 136 ЛатГК всякий приобретатель, в том числе и приобретший право собственности по договору купли-продажи в кредит в порядке, установленном Советом Министров Латвийской ССР, становится собственником приобретенной вещи уже в момент передачи ему самой вещи. В силу возрастающего количества недобросовестных приобретателей вещей в кредит, уклоняющихся от выполнения своих обязанностей по договору, назревает вопрос о необходимости ограничения таких приобретателей в их правомочии распоряжаться купленными в рассрочку вещами в отношении отчуждения вещей до полной оплаты стоимости их.

В отношении договора поставки глава (23-ья) ЛатГК повторяет лишь содержащиеся в Основах нормы этого договора. Это и вполне понятно, поскольку поставка, как важнейший хозяйственный договор, статьей 3 Основ отнесена к области общесоюзного законодательства. Правовое регулирование поставки, не только в отношении положений и инструкций, но и вплоть до выработки особых условий поставки, необходимо регулировать нормативными актами общесоюзного значения. Поэтому и республиканскому законодательству тут нечего прибавить, разве только в вопросах, отнесенных к его ведению законодательством Союза ССР (третья часть статьи 3 Основ).

Равным образом вышесказанное относится и к главе (24-ой) ЛатГК о государственной закупке сельскохозяйственной продукции у колхозов и совхозов, каковая осуществляется ныне посредством договора контракции.

Глава (25-ая) ЛатГК о договоре мены устанавливает единственной ст. 273, что к этому договору применяются соответственные правила договора купли-продажи.

Новое дано ЛатГК в главе (26-ой) о договоре дарения. Ст. 275 в отношении формы договора требует нотариального удостоверения, если совершается дарение на сумму свыше пяти-

сот рублей. Однако, дарение имущества гражданином социалистической организации может быть совершено в простой письменной форме, независимо от суммы.

Новой является глава (27-ая) ЛатГК, предусматривающая договор отчуждения дома с условием пожизненного содержания отчуждателя. Не уподобляя этот договор купле-продаже, а создавая отдельную главу, ЛатГК в ст. 276 устанавливает, что одна сторона, являющаяся по возрасту или состоянию здоровья нетрудоспособным лицом, передает принадлежащий ей дом или часть дома в собственность другой стороне, взамен чего приобретатель обязуется предоставлять отчуждателю, а в случаях, специально предусмотренных договором, отчуждателю и нетрудоспособным членам его семьи пожизненно или до восстановления их трудоспособности материальное обеспечение в натуре в виде жилища, питания, ухода и необходимой помощи. В правовом регулировании этого договора выразилась в высокой степени гуманность законодателя, стремящаяся гарантировать отчуждателю преимущественно защиту его интересов, учитывая его возраст или нетрудоспособность. Однако, и при таком подходе к регулированию договора пожизненного содержания в ЛатГК, останавливается внимание на статье 284, по которой: в случае смерти приобретателя договор прекращается и дом возвращается отчуждателю. Этот же принцип нашел отражение и в гражданских кодексах РСФСР, Эстонской ССР и Литовской ССР.* Представляется все же, что более правильно этот вопрос решен в ГК Украинской ССР, ст. 429 которого устанавливает: «В случае смерти приобретателя имущества обязанности по договору переходят к тем наследникам, к которым переходит отчужденный по договору пожизненного содержания дом. При отсутствии у приобретателя имущества наследников или при отказе их от договора пожизненного содержания дом, ранее отчужденный с условием пожизненного содержания, возвращается отчуждателю». Следует отметить также, что далеко не все кодексы обязывают приобретателя содержать по особому соглашению кроме самого отчуждателя других нетрудоспособных членов его семьи, как это установлено в ст. 276 ЛатГК и в ст. 432 ГК Эстонской ССР.

В главе (28-ой) ЛатГК для заключения договора займа устанавливает письменную форму, если заем заключается на сумму свыше пятидесяти рублей. В новом ЛатГК исключено взимание процентов по договорам займа, заключенным лишь

* Ст. 254 ГК РСФСР.
Ст. 437 ГК Эстонской ССР.
Ст. 288 ГК Литовской ССР.

между гражданами. Взимание процентов оставлено лишь в тех договорах займа, где займодавец является юридическое лицо — банк, ломбард или касса общественной взаимопомощи.

В главе (29-ой) ЛатГК регулирует договор имущественного найма, устанавливая, что срок этого договора не должен превышать десяти лет (ст. 293). Государственная, кооперативная или общественная организация, исправно выполнившая принятые на себя обязательства по договору найма, по окончании договора имеет преимущественное право на возобновлении его. Существенно изменен по сравнению с прежним законодательством поднаем. Таковой допускается лишь с согласия наймодателя (ст. 303). Отдельная статья (309) отводит утверждение типовых договоров бытового проката Совету Министров Латвийской ССР, но с оговоркой, что отступления от условий типовых договоров, ограничивающие право пользователей, недействительны.

Весьма существенной, затрагивающей интересы любого гражданина, является глава (30-ая) ЛатГК, регулирующая договор найма жилого помещения. По числу своих 49 статей это самый обширный из всех конкретных договоров. Устанавливая новый порядок предоставления жилых помещений трудящимся, ст. 311 включает представителей профсоюзных и общественных организаций в решение вопроса о выдаче ордера на занятие жилого помещения гражданином. Часть третья ст. 311 устанавливает, что ордер, выданный с нарушением нового порядка предоставления жилой площади, может быть судом признан недействительным.

Особый порядок установлен и для предоставления служебных жилых помещений, которые предоставляются гражданам, вынужденным по роду своей трудовой деятельности проживать по месту работы или в служебном здании (дворники, отопники, работники медицинского учреждения и т. п.). Такое жилое помещение, независимо от принадлежности дома, в котором оно находится, включается в число служебных помещений по решению исполнительного комитета местного Совета и предоставляется по выдаваемому этим исполнительным комитетом специальному ордеру (ст. 312).

Особо подчеркнуто, что в домах местных Советов, государственных, кооперативных и общественных организаций по договору найма может быть сдано лишь изолированное помещение, состоящее из квартиры, либо одной или нескольких комнат. В этих домах не могут быть самостоятельным предметом договора найма часть комнаты или комната, связанная с другой комнатой общим ходом, а также подсобные помещения (кухни, коридоры и т. п.), (ст. 315).

Различное вкладывалось содержание в понятие семьи в гражданско-правовом отношении. Ст. 316 ныне устанавливает, что к членам семьи нанимателя относятся: супруг, дети (в том числе усыновленные) и родители (усыновители). Другие же родственники, а также нетрудоспособные иждивенцы нанимателя могут быть признаны членами семьи при условии, что они проживают совместно с нанимателем и ведут с ним общее хозяйство. Важно отметить, что, если упомянутые граждане перестают быть членами семьи нанимателя, но продолжают проживать в нанимаемом помещении, они имеют такие же права и обязанности как наниматель и члены его семьи.

Помимо вышеизложенного понятия семьи ЛатГК в ст. 317 идет широко навстречу нанимателю в вопросе о вселении членов семьи. Наниматель вправе в установленном порядке в любое время вселить в нанятое им жилое помещение независимо от размера занимаемого помещения: своего супруга; нетрудоспособных или престарелых родителей; несовершеннолетних и нетрудоспособных детей; совершеннолетних детей, если они не имеют своих семей, проживающих в других местностях; несовершеннолетних и нетрудоспособных братьев и сестер, если они состоят на иждивении нанимателя. Другие члены семьи, родственники и нетрудоспособные иждивенцы могут быть вселены нанимателем при условии соблюдения нормы жилой площади. Вселение нанимателем этих граждан в помещение, нанятое в доме, принадлежащем наймодателю на праве личной собственности, допускается только с согласия наймодателя, кроме вселения нанимателем своего супруга и несовершеннолетних детей, если предметом найма является изолированное помещение.

Статья 318 допускает вселение нанимателем членов семьи и других граждан лишь с письменного согласия всех совершеннолетних членов семьи, проживающих в жилом помещении. Лишь на вселение несовершеннолетних детей к их родителям не требуется согласия остальных членов семьи. Вселенные в соответствии со статьей 317 ЛатГК приобретают равное с остальными членами семьи нанимателя право на жилую площадь, если они признаются членами семьи нанимателя и если при вселении между ними не было иного соглашения.

Ставки квартирной платы установлены в тесной связи с заработной платой трудящегося или находятся в зависимости от заслуг перед Родиной, пройденного трудового стажа и т. д. Впредь до установления бесплатного пользования жилыми помещениями наниматель обязан своевременно квартирную плату вносить. Ее размеры установлены законодательством Союза ССР и не могут быть изменяемы республиканским законодательством (ст. 319).

Защита интересов нанимателя гарантирована и ст. 320 ЛатГК, устанавливающей, что плата за пользование жилыми помещениями в домах, принадлежащих гражданам на праве личной собственности, не может превышать предельных ставок, установленных Советом Министров Латвийской ССР.

Ст. 322 ЛатГК наделяет нанимателя правом на возобновление договора найма жилого помещения, если этот договор был заключен на определенный срок. Такое же право принадлежит нанимателю жилого помещения в доме, принадлежащем гражданину, за исключением случаев: когда наниматель проживает по договору, заключенному на срок не свыше одного года с обязательством освободить помещение по истечении этого срока, и когда судом будет установлено, что помещение необходимо для личного пользования собственника дома и членов его семьи.

Широко поставлена защита интересов нанимателя и членов его семьи при временном их отсутствии из жилого помещения, каковое может длиться и весьма продолжительный срок, как, напр., срочная военная служба, пребывание в высшем учебном заведении студентов, аспирантов и т. п. (ст. 323) ЛатГК в ст. 327 предусматривает бронирование жилого помещения в связи с командировкой нанимателя или членов его семьи на работу за границу или в районы Крайнего Севера или в приравненные к ним местности.

ЛатГК предоставляет возможность изменения договора найма по требованию совершеннолетнего члена семьи, имеющего самостоятельный источник средств (ст. 331), замену нанимателя членом его семьи (ст. 332) и изменение условий договора по требованию нанимателей, объединяющихся в одну семью (ст. 333).

В соответствии с Основами ст. 334 ЛатГК предоставляет нанимателю право заселить самому в трехмесячный срок образовавшуюся у него излишнюю жилую площадь в виде изолированной комнаты. Определяя, что норма жилой площади в домах местных Советов, государственных, кооперативных и общественных организаций устанавливается в девять квадратных метров на одного человека и что установление нормы дополнительной жилой площади предоставлено Совету Министров Латвийской ССР, ЛатГК дает наймодателю право требовать по суду изъятия излишней жилой площади от нанимателя при следующих условиях: если излишняя жилая площадь составляет отдельную изолированную комнату размером не менее девяти квадратных метров, и если в результате изъятия излишней площади лица разного пола, кроме супругов не будут вынуждены проживать в одной комнате, либо супруги — в разных комнатах. Ново и то, что, если

излишняя изолированная комната образовалась в квартире, предоставленной в пользование одной семье, наниматель вправе либо заселить ее, либо требовать переселения его в отдельную квартиру меньшего размера. Если же в квартире, в которой проживает наниматель, освободилась комната, не изолированная от занимаемого им жилого помещения, а смежная с ним, эта комната подлежит передаче в его пользование.

Переустройство и перепланировка жилого помещения, равно и подсобных помещений, может производиться только в целях повышения благоустройства квартиры или более рационального использования проходных комнат общего пользования. И в этом случае допускается она лишь с согласия нанимателя, членов его семьи и наймодателя и с разрешения исполнительного комитета местного Совета. Возникающие при этом споры разрешаются в судебном порядке (ст. 336).

Вселенное нанимателем на образовавшуюся излишнюю жилую площадь лицо становится самостоятельным нанимателем (ст. 335).

Особое место занимает право нанимателя на обмен жилого помещения (ст. 339), каковой допускается лишь с согласия наймодателя и при письменном согласии проживающих с нанимателем совершеннолетних членов, в том числе и тех отсутствующих, за которыми сохраняется право на жилую площадь. Устанавливая случаи, в которых обмен жилого помещения не допускается (ст. 340), ЛатГК устанавливает в судебном порядке разрешение споров в случаях: отказа наймодателя или жилищных органов в согласии на обмен помещений в домах местных Советов, государственных, кооперативных и общественных организаций, равно и при отсутствии согласия на обмен тех граждан, чье письменное соглашение необходимо (ст. 341).

Защита прав нанимателя особенно выражена в урегулировании выселения. Устанавливая принцип, что административное выселение не допускается (ст. 353), ЛатГК в виде исключения таковое применяет в случае угрозы обвала дома (ст. 354), самоуправного занятия жилого помещения (ст. 355), выселения из служебных помещений (ст. 356), общежитий (ст. 357) и гостиниц (ст. 358). Но и при выселении в случае угрозы обвала дома нанимателю предоставляется другое благоустроенное жилое помещение. При административном выселении из служебных помещений (ст. 356) установлены девять категорий нанимателей, которых можно выселить лишь в судебном порядке и с предоставлением другой жилой площади. Эти же 9 категорий также лишь в судебном порядке с предоставлением другой жилой площади могут быть выселяемы из общежитий.

Особые случаи выселения предусмотрены в домах предприятий и учреждений важнейших отраслей народного хозяйства и отдельных ведомств, если эти предприятия или учреждения включены в списки, составленные Правительством. В домах этих предприятий и учреждений рабочие и служащие, получившие жилую площадь из-за их трудовых отношений, могут быть выселены в судебном порядке без предоставления жилой площади в случаях прекращения трудовых отношений в связи с увольнением по собственному желанию или за нарушение трудовой дисциплины или за совершение преступления. Но и в этом случае ст. 352 предусматривает 6 категорий нанимателей, которых нельзя выселить без предоставления жилой площади.

Договор жилищного найма наниматель вправе расторгнуть в любое время (ст. 347). Наймодателем же договор не может быть расторгнут иначе, как в судебном порядке и по установленным законом основаниям (ст. 348). При этом нанимателю, выселяемому по таким основаниям из домов местного Совета, государственных, кооперативных или общественных организаций, наймодатель должен предоставить другое благоустроенное жилое помещение (ст. 349); предоставляемое жилое помещение должно находиться в черте данного населенного пункта, в доме капитального типа, быть благоустроенным применительно к условиям данного населенного пункта и такого же размера. Если наниматель занимал отдельную квартиру или более одной комнаты, ему соответственно должна быть предоставлена отдельная квартира или помещение, состоящее из того же числа комнат. Однако, если наниматель имел излишки жилой площади, помещение предоставляется в соответствии с установленными нормами жилой площади.

Выселение без предоставления другого жилого помещения (ст. 351) возможно лишь в случаях, когда наниматель или член его семьи систематически разрушает или портит жилое помещение либо систематическим нарушением правил социалистического общежития делает невозможным для других проживание с ним в одной квартире или в одном доме, а меры предупреждения и общественного воздействия оказались безрезультатными в отношении виновных. Наймодатель вправе требовать по суду расторжения договора и выселения нанимателя без предоставления другого жилого помещения в случаях, когда наниматель и члены его семьи отсутствуют сверх установленных законом сроков и когда наниматель владеет на праве личной собственности в том же населенном пункте жилым домом, пригодным для постоянного проживания, и имеет возможность в нем поселиться; в доме, принадлежащем гражданину на праве личной собственности, наймодатель

вправе выселить нанимателя из-за систематического неплатежа квартирной платы.

Новая глава (31-ая) в ЛатГК открыта договору о безвозмездном пользовании имуществом. Получивший имущество в безвозмездное пользование вправе предоставить это имущество в пользование третьему лицу лишь с согласия передавшего имущество и оставаясь ответственным перед ним (ст. 363). ЛатГК особо регулирует расторжение этого договора, если не указан срок действия его и договор заключен между гражданами. Договор в этом случае прекращается и имущество возвращается немедленно собственнику по первому его требованию (ст. 365).

В главе (32-ой) о договоре подряда ЛатГК устанавливает, что гражданин может принять на себя выполнение работы по договору подряда лишь в случаях, не запрещенных законом, и при условии выполнения этой работы личным трудом (ст. 368). Нормы данной главы направлены на преимущественную защиту интересов заказчика. Особое значение в гражданско-правовом обороте приобретает договор бытового подряда. Типовые договоры его, ввиду их разнообразия по отдельным видам обслуживания граждан, их установление и утверждение ЛатГК отводит Совету Министров Латвийской ССР с оговоркой, что отступления от условий типовых договоров, ограничивающие права заказчиков, недействительны (ст. 384).

Глава (33-тья) ЛатГК о договоре подряда на капитальное строительство, воспроизводя Основы, указывает лишь на главные правоотношения между подрядчиком и заказчиком, перенося центр тяжести правового регулирования на соответствующие правила, установленные общесоюзными нормативными актами по отдельным видам капитального строительства.

Договору поручения отведена отдельная глава (34-ая) ЛатГК, но применение норм этой главы тесно связано с главой (4-ой) общей части ЛатГК о представительстве и доверенности.

Отдельной главой (35-ой) ЛатГК регулирует обязательства, возникающие из деятельности в интересах другого лица без поручения, распространяя на возникающие при этом правоотношения нормы договора поручения.

Глава (36-ая) ЛатГК регулирует договор комиссии. Поскольку договор этот находит применение для обслуживания нужд граждан в случаях продажи ими предметов домашнего обихода и личного пользования через государственные комиссионные магазины, подробное урегулирование взаимоотношений комитента и комиссионера устанавливается прави-

лами, утвержденными Министерством торговли Латвийской ССР. Отношения же, возникающие из договора комиссии на продажу сельскохозяйственной продукции между колхозом, как комитентом, и организацией потребительской кооперации, как комиссионером, в вопросах (установления пределов) выдачи авансов колхозу регулируются законодательством Союза ССР.

В главе (37-ой) ЛатГК урегулирован договор хранения. Если обеими сторонами или только одной стороной договора хранения является гражданин, при стоимости сдаваемого имущества свыше ста рублей, договор должен быть заключен в письменной форме, за исключением сдачи вещей на краткосрочное хранение в гардеробы учреждений, зрелищных предприятий, музеев, стадионов и т. п., с выдачей хранителем номера или жетона. В случае спора о тождестве вещей, принятых на хранение, и вещей, возвращаемых хранителем, допускаются свидетельские показания. Также свидетельскими показаниями вне зависимости от стоимости сданного на хранение имущества может быть доказываема сдача имущества на хранение при чрезвычайных обстоятельствах (пожар, наводнение и т. п.) (ст. 422). Весьма существенна для защиты интересов граждан ст. 428, по которой гостиницы, дома отдыха, санатории, общежития и тому подобные организации отвечают за сохранность имущества проживающих в них граждан, находящегося в отведенных им помещениях, хотя бы это имущество, кроме денег и драгоценностей, не было особо сдано на хранение этим организациям. Ново и то, что ЛатГК регулирует договор хранения вещей, определенных родовыми признаками (ст. 431). В этом случае, при отсутствии особого соглашения, принятые на хранение вещи переходят в собственность или оперативное управление хранителя, который обязан вернуть сдавшему на хранение равное или обусловленное сторонами количество вещей того же рода и качества.

Глава (38-ая) ЛатГК регулирует договор о совместной деятельности, каковой договор в прежнем законодательстве именовался договором простого товарищества. Ныне этот договор предназначен для совместной деятельности как юридических лиц, так и граждан в видах достижения общей хозяйственной цели. Не допускается только договор о совместной деятельности между гражданами и юридическими лицами.

Глава (39-ая) ЛатГК регулирует договоры перевозки. Если в отношении железнодорожного, водного, морского и воздушного транспорта — в соответствии с Основами — условия перевозки устанавливаются общесоюзными кодексами, уставами и правилами, то регулирование автотранспорта предоставлено республиканскому законодательству. И в этом отношении

ЛатГК (ст. ст. 441—447) установил ответственность контрагентов за невыполнение плана грузовых перевозок, порядок погрузки и выгрузки грузов, размер ответственности автотранспортной организации за утрату, недостачу и повреждение груза и т. п., предоставляя более подробное регулирование автомобильной перевозки уставу автомобильного транспорта Латвийской ССР.

Как глава (40-ая) ЛатГК о государственном страховании, так и глава (41-ая) о расчетных и кредитных отношениях построены в строгом соответствии с Основами, и республиканское законодательство ничего своего тут не приносит. Существенно лишь установленное Основами новое правило о взыскании в отношении вкладов в силу решения суда по иску о взыскании алиментов (при отсутствии заработка или иного имущества плательщика, на которое можно обратить взыскание) либо о разделе вклада, являющегося совместным имуществом супругов (ст. 459).

Новый институт в гражданское право вводит глава (42-ая) ЛатГК о конкурсе, регулирующая гражданско-правовые отношения между юридическим лицом, объявившим конкурс, и гражданином или другим юридическим лицом, лучшим образом выполнившим определенную работу согласно объявленному конкурсу. По своему содержанию эта глава весьма соприкасается с IV разделом ЛатГК об авторском праве и VI разделом об изобретательском праве.

Весьма существенной является глава (43-ья) ЛатГК об обязательствах, возникающих из причинения вреда. Устанавливая основной принцип, что вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также причиненный организации вред, подлежит возмещению в полном объеме причинившим вред лицом, ст. 465 освобождает причинившего вред от его возмещения, если он докажет, что вред причинен не по его вине. Лишь в случаях, предусмотренных законом, причиненный правомерными действиями вред подлежит возмещению.

ЛатГК — в соответствии с Основами, значительно расширившими защиту интересов граждан в сфере возмещения причиненного вреда — устанавливает ответственность организаций за вред, причиненный их работниками (ст. 466) при исполнении ими своих трудовых (служебных) обязанностей. Особо установлена ответственность государственных учреждений за вред, причиненный действиями их должностных лиц в области административного управления. Таковая ответственность установлена на общих основаниях, если иное не предусмотрено специальным законом (ст. 467). По прежде действовавшему законодательству государственные учреждения отвечали за вред, причиненный действиями их должностных лиц

в сфере административного управления лишь при наличии особых об этом законов и, кроме того, при соблюдении еще специальных условий. ЛатГК предусматривает и ответственность за вред, причиненный неправильными служебными действиями должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, — но соответствующие государственные органы несут имущественную ответственность лишь в случаях и пределах, специально предусмотренных законом (ст. 468).

Особо в ЛатГК установлена ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. Устанавливая обязанность организаций и граждан, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих, возместить причиненный источником повышенной опасности вред, кроме случаев непреодолимой силы или умысла потерпевшего, ЛатГК (во второй и в третьей части ст. 469) освобождает владельца источника повышенной опасности от ответственности за причиненный вред, если владелец докажет, что указанный источник вышел из его владения не по его вине, а в результате противоправных действий других граждан. В этом случае за причиненный вред отвечает противоправные действия совершивший гражданин. Если вред причинен источником повышенной опасности, выбывшим из обладания его владельца в результате противоправных действий других граждан, но при наличии также виновного поведения владельца, ответственность за причиненный вред может быть возложена как на лицо, использовавшее источник повышенной опасности, так и на его владельца соразмерно степени вины каждого из них.

Иначе, чем в прежнем законодательстве, ЛатГК решил вопрос о возмещении вреда, причиненного малолетними. За вред, причиненный несовершеннолетним, не достигшим пятнадцати лет, отвечают его родители или опекун, если не докажут, что вред возник не по их вине. Если же такой несовершеннолетний причинил вред в то время, когда он состоял под надзором учебного заведения, воспитательного или лечебного учреждения, они отвечают за вред, если не докажут, что вред возник не по их вине (ст. 472).

ЛатГК, защищая интересы потерпевшего, учитывает также степень его вины в причинении вреда: если грубая неосторожность самого потерпевшего содействовала возникновению или увеличению вреда, то в зависимости от степени вины потерпевшего — а также и степени вины причинителя — размер возмещения должен быть уменьшен либо в возмещении вреда должно быть отказано. Суд может уменьшить размер возмещения вреда, причиненного гражданином, в зависимости от его имущественного положения (ст. 485).

Отдельная глава (44-ая) ЛатГК гарантирует теперь возмещение вреда, понесенного гражданином при спасании социалистического имущества, возлагая возмещение вреда той организации, имущество которой потерпевший спасал (ст. 492).

Глава (45-ая) ЛатГК об обязательствах, возникающих из неосновательного приобретения или неосновательного сбережения имущества, устанавливает обязанность таковое имущество возвратить (ст. 493). Но не подлежит возврату в качестве неосновательно приобретенного: 1) имущество, переданное во исполнение обязательства до наступления срока исполнения; 2) имущество, переданное во исполнение обязательств по истечении срока исковой давности в случаях, когда такое исполнение допускается законом; 3) выплаченное излишне или по отпавшему впоследствии основанию авторское вознаграждение или вознаграждение за открытие, изобретение, на которое выдано авторское свидетельство, или рационализаторское предложение, если выплата произведена организацией добровольно, при отсутствии счетной ошибки с ее стороны и недобросовестности со стороны получателя; 4) выплаченная излишняя сумма в возмещении вреда в связи с повреждением здоровья или причинением смерти, если выплата произведена при отсутствии недобросовестности со стороны получателя (ст. 495).

Имущество, приобретенное не по сделке, но в результате других действий, заведомо противных интересам социалистического государства и общества, если оно не подлежит конфискации, взыскивается в доход государства (ст. 496).

Гордость советского гражданского права всегда составляло то, что в своей системе оно включало такие существенные разделы, как авторское и изобретательское право, призванные регулировать творческую деятельность человека. Ныне эти разделы включены Основами и в систему гражданских кодексов союзных республик. Так, IV раздел ЛатГК посвящен авторскому праву. В этом разделе имеется глава (46-ая) общих положений, приложимых к любой отрасли творческой деятельности автора. Гуманностью отличается ст. 499 ЛатГК, предоставляющая авторское право на произведение, впервые выпущенное в свет на территории ССР либо не выпущенное в свет, но находящееся на территории СССР в какой-либо объективной форме, авторам и его наследникам независимо от гражданства. Автору гарантировано право на опубликование, воспроизведение и распространение его произведения, на неприкосновенность этого произведения и на получение вознаграждения за использование произведения другими лицами (ст. 501). Сочетая интересы автора с интересами общества, в

видах распространения достижений культуры в широкие массы, необходимо предусматривать и случаи, когда произведение автора может быть использовано без согласия автора и без уплаты авторского вознаграждения (ст. 514).

Повышена защита прав автора в случаях перевода его произведения на другой язык. Как и прежде, в интересах распространения культуры, любое изданное произведение автора может быть переведено на другой язык без согласия автора. Ново то, что автор должен быть уведомлен о состоявшемся переводе, в котором должна быть сохранена целостность произведения и его смысл. Таковое уведомление должно быть автору направлено соответствующей организацией немедленно после одобрения ею перевода к использованию. По требованию автора ему должен быть предоставлен для просмотра экземпляр перевода (ст. 512).

Устанавливая, что авторское право автору принадлежит пожизненно (ст. 518), ЛатГК отводит действие авторского права наследникам автора в течение пятнадцати лет, считая с 1 января года смерти автора (ст. 521) и — в соответствии с Основами — устанавливает, что наследники вправе получить авторское вознаграждение не свыше пятидесяти процентов того, что причиталось бы самому автору (ст. 522).

Отдельная глава (47-ая) ЛатГК отведена авторским договорам, каковые заключаются в соответствии с типовыми договорами, утверждаемыми по согласованию с заинтересованными ведомствами и творческими союзами Советов Министров Латвийской ССР, кроме случаев, когда законодательство Союза ССР относит утверждение этих договоров к ведению Союза ССР.

В раздел ЛатГК регулирует право на открытие. Право на открытие имеет ввиду научное открытие, т. е. решение известной научной проблемы путем обнаружения законов, закономерности, свойств и явлений материального мира. Советское государство впервые в мире установило систему государственной проверки и регистрации открытий. Гражданско-правовое регулирование права на открытие выражается в том, что оно предоставляет в главе (48-ой) ЛатГК автору открытия право требовать признания его авторства и приоритета в данном открытии путем выдачи ему диплома; в имущественном отношении автор открытия имеет право на вознаграждение, выплачиваемое при получении им диплома и на известные льготы, предусмотренные Положением об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях (ст. 540).

Крупнейшие достижения в области изобретательства, утверждающие приоритет советской социалистической культуры в ряде важнейших технических отраслей и выдвинувшие

Советский Союз на первое место в мире, как, напр., в космонавтике и др., — в высокой степени были возможны благодаря надлежащему регулированию советского изобретательского права. VI раздел ЛатГК, посвященный изобретательскому праву, построен в строгом соответствии с Основами. Часть вторая статьи 3 Основ и впредь относит отношения, возникающие в связи с изобретениями и рационализаторскими предложениями к общесоюзному законодательству, что не отнимает, однако, у этих отношений их гражданско-правовой характер, как, напр., в спорах об авторстве или о выплате вознаграждения (ст. 549).

В VII разделе — наследственное право — ряд правовых позиций предстояло конкретизировать республиканскому законодательству. Глава (50-ая) ЛатГК распространяет круг граждан, которые могут быть наследниками, тем, что среди наследников по завещанию, помимо граждан, находящихся в живых к моменту смерти наследодателя, упоминает также зачатые при его жизни и родившиеся после его смерти лица (ст. 553).

ЛатГК исключает из круга наследников лиц, которые своими противозаконными действиями, направленными против наследодателя, кого либо из наследников или против осуществления выраженной в завещании последней воли наследодателя способствовали призыванию их к наследованию, если эти обстоятельства подтверждены в судебном порядке. Не могут также наследовать по закону родители после смерти детей, в отношении которых они лишены родительских прав и не восстановлены в таковых на момент открытия наследства, а также родители и совершеннолетние дети, злостно уклонившиеся от выполнения своих обязанностей по содержанию наследодателя, если это обстоятельство подтверждено в судебном порядке (ст. 554).

Расширен и круг наследников по закону. К наследникам второй очереди отнесены дед и бабушка умершего как со стороны отца, так и со стороны матери, в силу чего в законные наследники включены родственники не только по боковой линии — братья и сестры, но и по восходящей-второй степени. Иждивенцы наделены правом наследовать наравне с наследниками той очереди, которая призывается к наследованию. Усыновление прекращает право наследования у усыновленного с его кровными родственниками, равно как и прекращено наследование кровных родственников от усыновленного (ст. 555).

Изменено и наследование предметов домашней обстановки и обихода, каковые переходят наследникам по закону, проживавшими совместно с наследодателем, независимо от их

очереди и наследственной доли, если они проживали совместно с наследодателем до его смерти не менее одного года (ст. 556).

Существенно расширено наследование по завещанию, так как каждый гражданин может оставить по завещанию все свое имущество или часть его — включая сюда и предметы домашней обстановки и обихода — одному или нескольким лицам, как входящим, так и не входящим в круг наследников по закону, а также государству или отдельным государственным, кооперативным и общественным организациям. Завещатель может в завещании лишить права наследования одного, нескольких или всех наследников по закону (ст. 557).

В отношении несовершеннолетних или нетрудоспособных детей наследователя, нетрудоспособного супруга, родителей и иждивенцев умершего установлена, независимо от содержания завещания, обязательная доля в размере двух третей той доли, которая причиталась бы каждому из них при наследовании по закону, при чем при определении размера обязательной доли учитывается и стоимость наследственного имущества, состоящего из предметов обычной домашней обстановки и обихода (ст. 555).

В соответствии с расширением завещательных прав наследодателя, ЛатГК расширил и возможности завещательного отказа. Отказополучателями ныне могут быть лица, как входящие, так и не входящие в число наследников по закону. На наследника, к которому переходит жилой дом, завещатель вправе возложить обязательство предоставить другому лицу пожизненное пользование этим домом или определенной части его, при чем, в случае перехода права собственности на дом или часть его, право пожизненного пользования сохраняет силу. Завещательный отказ должен исполнить наследник лишь в пределах действительной стоимости перешедшего к нему имущества после вычетов падающей на его доли долгов наследодателя. Если же наследник по завещанию, на которого возложен завещательный отказ, имеет право на обязательную долю в наследстве, то завещательный отказ он исполняет лишь в пределах той стоимости перешедшего к нему имущества, которое превышает размер обязательной доли. В случае смерти до открытия наследства того наследника, на которого было возложено исполнение завещательного отказа, либо в случае непринятия им наследства обязательство исполнения завещательного отказа переходит на других наследников, получивших его долю (ст. 561).

Завещание должно быть составлено письменно с указанием места и времени его составления, собственноручно завещателем подписано и нотариально удостоверено (ст. 563), но к нотариальным ЛатГК теперь — среди прочих четырех слу-

чаев, указанных в ст. 564 — приравнивает и завещания граждан, постоянно проживающих на территории сельского, поселкового Совета, удостоверенные исполнительным комитетом данного сельского, поселкового Совета депутатов трудящихся.

В отношении принятия наследства ЛатГК не делит более наследников на присутствующих и отсутствующих. Для приобретения наследства наследник должен его принять, причем не допускается принятие наследства под условием или с оговоркой. Признается, что наследник принял наследство, когда он фактически вступил во владение или управление наследственным имуществом или когда он подал нотариальному органу по месту открытия наследства заявление о принятии. Указанные действия должны быть совершены в течение шести месяцев со дня открытия наследства. Лица, для которых право наследования возникает лишь в случаях непринятия наследства другими наследниками, могут заявить о своем согласии принять наследство в течение оставшейся части срока для принятия наследства, а, если эта часть менее 3 месяцев, то она удлиняется до трех месяцев. Принятое наследство признается принадлежащим наследнику со времени открытия наследства (ст. 569).

Наследник в течение 6 месяцев со дня открытия наследства вправе от наследства отказаться. При этом он может указать, что отказывается от наследства в пользу других лиц из числа наследников, в пользу государства или государственной, кооперативной или общественной организации. Отказ не допускается, если наследник подал в нотариальную контору заявление о принятии им наследства или о выдаче ему свидетельства о праве на наследство (ст. 573).

В отношении вкладов в государственных трудовых сберегательных кассах или в Государственном банке СССР ЛатГК сохраняет нынешний порядок, в силу которого договор вклада может быть превращен в договор в пользу третьего лица распоряжением вкладчика, в каком случае вклад не входит в состав наследства. Правила наследования применяются в том случае, если вкладчик такого распоряжения не делал (ст. 584).

При отсутствии наследников по закону и по завещанию, при непринятии ими наследства, равно и при лишении их наследования имущество умершего по праву наследования переходит к государству (ст. ст. 550 и 575).

VIII раздел — глава (51-ая) ЛатГК — в соответствии с Основами — регулирует правоспособность иностранцев и лиц без гражданства и применение гражданских законов иностранных государств, международных договоров и соглашений. Гуманность советского права распространяет — в прин-

ципе — как на иностранных граждан, (ст. 585), так и на проживающих в СССР лиц без гражданства гражданскую правоспособность наравне с советскими гражданами.

Обозревая — при том лишь в весьма общих чертах — разделы нового Гражданского кодекса Латвийской ССР, приходится признать, что его составлением завершён большой труд по обновлению нашего гражданского законодательства и что дан новый субстрат для дальнейшего развития нашего гражданского права.

Поскольку гражданское право — это физиология всей общественной жизни, надлежащее урегулирование гражданско-правовых институтов, упрочение гражданско-правовых отношений приобретает не только не маловажное, но первенствующее значение для создания роста и развития общества — в особенности, в переживаемый нами ответственный период развернутого строительства коммунизма.

Новому кодексу, который вступил в действие накануне 25-летия Советской Латвии, предстоит выдержать испытание временем.

И тут свое слово скажет судебная и арбитражная практика и еще предстоящее изучение эффективности применения норм Гражданского кодекса Латвийской ССР.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ КОЛХОЗОВ.

Развернутое строительство коммунизма связано с разрешением целого комплекса правовых вопросов, среди которых особое место занимают вопросы правового регулирования имущественных отношений в социалистическом обществе в период перехода к коммунизму. Интересы успешного выполнения Программы КПСС, принятой XXII съездом Партии, требуют уделить особое внимание правовому регулированию имущественных отношений колхозов.

Согласно Программе КПСС важнейшей задачей периода развернутого строительства коммунизма в нашей стране является создание материально-технической базы коммунистического общества, обеспечивающей изобилие материальных и культурных благ и все более полное удовлетворение потребностей общества и его членов. От успешного разрешения этой задачи во многом зависит и решение остальных коренных проблем коммунистического строительства: постепенное преобразование социалистических общественных отношений в коммунистические и воспитание граждан в духе высокой коммунистической морали, коммунистического отношения к труду и общественному хозяйству.

Создание материально-технической базы коммунизма связано с крупным подъемом всех отраслей социалистического народного хозяйства, в частности, сельского хозяйства, темпы развития которого по настоящее время нас не удовлетворяют. Поэтому Программа КПСС предусматривает гигантский скачок вперед по производству сельскохозяйственных продуктов — в течение двадцати лет увеличить общего объема сельскохозяйственной продукции три с половиной раза¹. Выполнение этой громадной задачи в первую очередь зависит от успешной производственной деятельности колхозов, которые

¹ Программа Коммунистической Партии Советского Союза, Госполитиздат, М., 1962, стр. 77—78.

производят основную часть сельскохозяйственных продуктов в СССР.

Производственная деятельность колхозов связана с использованием орудий и средств производства, находящихся как в государственной собственности (земля, леса, воды и др.), так и в колхозно-кооперативной собственности (средства неделимого фонда, семенного, фуражного и др. общественных фондов колхозов). С развитием общественного хозяйства колхозов постепенно увеличивается число средств производства, находящихся в собственности самых колхозов. Это явление особенно заметное после реорганизации МТС в 1958 году, когда колхозам было представлено право приобретать в свою собственность тракторы, комбайны и другие сельскохозяйственные машины, исходя из своих производственных нужд. В связи с этим значительно выросли производственные фонды колхозов. Например, в Латвийской ССР колхозы имели в 1953 году только 100 тракторов, в 1961 году — 7,7 тыс.; — в 1953 году — ни одного зернового комбайна, — в 1961 году — 1,2 тыс.; в 1953 году — 2,8 тыс. грузовых автомобилей, в 1961 году — 5 тыс. Одновременно увеличивались и денежные доходы колхозов республики с 68 млн. руб. в 1953 году до 171 млн. руб. в 1961 году¹. Таким образом можно сказать, что дальнейшее развитие производства сельскохозяйственных продуктов в колхозах связано с увеличением колхозной собственности, как в натуральной, так и в денежной форме. Увеличиваются не только производственные фонды колхозов, но также и культурные фонды и др. общественные фонды непродовольственного характера.

В дальнейшем развитии колхозного строя громадное значение имеют решения декабрьского (1963 г.) и февральского (1964 г.) Пленумов ЦК КПСС о химизации и интенсификации сельскохозяйственного производства путем широкого применения удобрений, развития орошения, комплексной механизации и внедрения достижений науки и передового опыта. Эта историческая задача интенсификации сельского хозяйства становится практически осуществимой в широких масштабах потому, что теперь коренным образом изменилась материально-техническая база колхозов и совхозов². За годы после сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС круто вырос не только машинно-тракторный парк колхозов, но также произошли огромные перемены в состоянии финансового

¹ Центральное статистическое управление при Совете Министров Латвийской ССР «Развитие народного хозяйства Латвийской ССР», статистический сборник, Госстатиздат, Рига, 1962, стр. 179—180.

² Постановление Пленума ЦК КПСС, принятое 15 февраля 1964 года, «Известия», 1964 г. 16 февраля.

хозяйства колхозов, в составе их кадров и в деле государственного руководства колхозами.

Советское государство осуществляет плановое руководство развитием сельскохозяйственного производства в колхозах при помощи ленинского принципа материальной заинтересованности колхозов и колхозников в дальнейшем развитии производства, укрепляя и развивая оперативную и имущественную самостоятельность колхозов и инициативу колхозников.

Колхозы принимают широкое участие в договорных отношениях с государственными и кооперативными организациями. Обширная правоспособность колхозов дает им возможность вступать в самые разнообразные договорные отношения. В настоящее время договор является единственной правовой формой государственной заготовки продукции колхозов. На основании договора колхозы обеспечиваются сельскохозяйственной техникой, запасными частями, нефтепродуктами, минеральными удобрениями и другими орудиями и средствами производства. Договор является основной правовой формой оказания производственной помощи колхозам по мелиорации, ирригации и ремонту сельскохозяйственной техники. Договоры заключаются с организациями потребительской кооперации по продаже продукции колхозов на комиссионных началах.

Можно смело сказать, что в настоящее время договор является важнейшим правовым средством осуществления решений партии о химизации и интенсификации сельского хозяйства. Поэтому в колхозном строительстве первостепенную роль приобретают нормы права, регулирующие договорные обязательства, в частности нормы новых гражданских кодексов союзных республик и нормы колхозного законодательства, регулирующие хозяйственную деятельность колхозов.

В колхозном строительстве в настоящее время важное место занимают также такие рычаги развития экономики, как хозяйственный расчет, деньги, цена, себестоимость, прибыль, торговля, кредит, финансы, объединение средств колхозов в межколхозных организациях.

Эти упомянутые очень разнообразные явления деятельности колхозов связаны с определенными имущественными отношениями как внутри колхоза, так и вне колхоза. Эти отношения возникают в разных сферах деятельности колхозов и являются объектом правового регулирования. От правильного правового урегулирования имущественных отношений колхозов во многом зависит успешное осуществление Программы КПСС в части развернутого строительства коммунизма в сельском хозяйстве, и можно даже сказать — во всем народном хозяйстве, так как уровень развития всего

народного хозяйства в значительной степени зависит от развития сельского хозяйства.

При решении проблем правового регулирования имущественных отношений колхозов возникают следующие вопросы:

1. Какие отношения колхозов являются имущественными отношениями?

2. Каковы основные направления развития имущественных отношений колхозов?

3. Какова роль колхозно-правовых и гражданско-правовых норм в регулировании имущественных отношений колхозов?

В данной статье автор считает своей задачей на основе анализа практики колхозного строительства, действующего законодательства и в частности нового гражданского законодательства делать некоторые выводы, которые помогли бы найти правильные ответы на упомянутые вопросы.

Понятие имущественных отношений колхозов.

Выделение имущественных отношений колхозов из всего комплекса общественных отношений необходимо для правильного выбора правовых методов и форм регулирования этих отношений. Научно обоснованное определение понятия данных отношений помогает законодательным органам установить надлежащее место правовых норм, регулирующих колхозное строительство, отнести эти нормы к соответствующей отрасли советского права и подвести их под определенные правовые институты. Данный вопрос является весьма актуальным в настоящее время, когда проводится большая работа по кодификации всех отраслей советского социалистического права, в частности гражданского права. В процессе кодификации необходимо точно установить, какими правовыми способами регулируется тот или иной тип имущественных отношений в советском обществе.

В последние годы советскими цивилистами опубликовано ряд интересных работ, в которых освещается проблема понятия имущественных отношений¹. Все эти работы в основном

¹ С. С. Алексеев. «Предмет советского социалистического гражданского права», Уч. труды Свердловского юрид. ин-та, т. 1, серия «Гражданское право», Свердловск, 1959.

С. Н. Братусь «Предмет и система советского гражданского права», Госюриздат, Москва, 1963.

С. Н. Братусь «Имущественные и организационные отношения и их регулирование в СССР», Вопросы общей теории советского права, под ред. С. Н. Братуся, Госюриздат, Москва, 1960.

В. А. Тархов «О понятии имущественных отношений», «Известия высших учебных заведений, Правоведение», 1962, № 3.

посвящены определению круга имущественных отношений, регулируемых советским гражданским правом, и они помогают расшифровать понятие имущественных отношений в социалистическом обществе, в том числе и имущественных отношений колхозов.

Для определения понятия имущественных отношений много дают Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик. В ст. 1 Основ установлено: «Основой имущественных отношений в советском обществе являются социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства». Из этого вытекает, что имущественные отношения возникают и развиваются вместе со системой нашего народного хозяйства, важной частью которой является колхозная система. Социалистическая система хозяйства определяется и направляется государственным народнохозяйственным планом. Поэтому имущественные отношения в нашем обществе, в том числе и в колхозах развиваются согласно народнохозяйственному плану. С другой стороны, имущественные отношения возникают как отношения собственности. Эти два критерия очень важны для правильного понятия имущественных отношений.

Народнохозяйственный план, исходя из экономических законов развития социалистического общества, регулирует как процесс производства материальных ценностей, так и процесс их распределения. Поэтому можно сказать, что имущественные отношения возникают в процессе производства и распределения. Оба эти процесса связаны с производственными отношениями, которые согласно учению марксизма-ленинизма складываются помимо воли и сознания человека, как результат (форма) деятельности человека, направленной на поддержание его существования¹. Эти отношения соответствуют определенной степени развития материальных производительных сил.²

Из всей совокупности производственных отношений выделяются отношения людей к орудиям и средствам производства, т. е., отношения собственности. Поэтому С. Н. Братусь, С. С. Алексеев и другие советские цивилисты совершенно правильно подчеркивают, что имущественные отношения — это прежде всего отношения между собственниками или отношения, связанные с собственностью³. Отношения социалистической собственности на орудия и средства производства в

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 134.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. 1, Госполитиздат, М., 1955, стр. 322.

³ С. Н. Братусь, «Предмет и система советского гражданского права», стр. 10, 11.

советском обществе составляют ядро имущественных отношений, и около этого ядра развиваются все остальные имущественные отношения, как, например, отношения, связанные с собственностью граждан и юридических лиц на предметы потребления, и другие имущественные отношения, возникающие в сфере распределения.

Процесс и система распределения обуславливаются процессом и системой производства. Однако следует учесть, что система распределения имеет большое обратное влияние на производство. Так после социалистической революции путем национализации и обобществления средств производства (т. е. путем перераспределения средств производства) возник новый социалистический способ производства. В настоящее время с помощью правильного, экономически обоснованного распределения общественного дохода, обеспечивается развитие социалистического расширенного воспроизводства как в промышленности, так и в сельском хозяйстве.

Так как отношения собственности охватывают процесс производства и процесс распределения материальных ценностей, то следует сделать вывод, что правовое регулирование отношений собственности имеет первостепенное значение в выполнении народнохозяйственного плана и всей программы развернутого строительства коммунизма.

После сказанного возникает вопрос: почему при данных обстоятельствах необходимо понятие «имущественные отношения», если его можно заменить понятием «отношения собственности»? Однако здесь следует учитывать, что понятие имущественных отношений значительно шире понятия отношений собственности. В отношениях собственности всегда в качестве хотя бы одного субъекта отношения должен быть собственник: государство, колхоз, кооперативная организация, общественная организация и гражданин, имеющие право собственности на определенные объекты.

Однако бывают такие общественные отношения, объектом которых является материальная ценность (имущество), а субъекты этих отношений не имеют права собственности на данный объект. Например, договорные отношения между государственными организациями по поставке, капитальному строительству, контрактация сельскохозяйственных продуктов и т. п. В этих отношениях субъекты имеют только отдельные элементы права собственности, как право владения, пользования имуществом или право оперативного управления имуществом.

¹ С. С. Алексеев «Предмет советского социалистического гражданского права», стр. 73.

Однако говоря об имущественных отношениях колхозов, следует подчеркнуть, что колхоз в отличии от государственных предприятий и организаций имеет не только право оперативного управления имуществом, но и является собственником тех объектов (имущества), которые согласно закону могут быть его собственностью. Так ст. 23 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик и ст. 100 ГК Латвийской ССР определяют, что собственностью колхозов и иных кооперативных организаций, их объединений являются их предприятия, культурно-бытовые учреждения, здания, сооружения, тракторы, машины, транспортные средства, рабочий и продуктивный скот, произведенная этими организациями продукция и иное соответствующее целям деятельности этих организаций имущество.

Таким образом колхоз вступает в имущественные отношения не только как юридическое лицо, обладающее обособленным имуществом, но как собственник определенного имущества. Это обстоятельство является характерным признаком имущественных отношений колхозов, которое обуславливает и порядок правового регулирования данных отношений. Оно имеет большое значение в процессе государственного руководства колхозами, влияет на выбор правовых методов и форм руководства. В настоящее время одной из важнейших задач государственного руководства колхозами является обеспечение правильного регулирования процесса производства и распределения сельскохозяйственной продукции и других материальных ценностей в колхозах. При решении этой задачи государство из года в год расширяет применение метода рекомендаций, который дает возможность лучше раскрывать и использовать производственные возможности колхозов и укрепить экономику колхозов.

Здесь следует указать, что в имущественных отношениях колхоз не всегда приобретает или отчуждает право собственности на имущество, являющегося непосредственным объектом данного отношения. Например, в отношениях, возникающих из договора на выполнение работ по ремонту сельскохозяйственных машин, объектом правоотношения является сельскохозяйственная машина. По данному договору колхоз не отчуждает машину во время ремонта, а сохраняет право собственности на нее. Однако согласно договору колхоз обязуется уплатить за ремонт машины другой стороне определенную сумму своих денежных средств. Таким образом в результате выполнения договорных обязательств колхоз обязан отчуждать часть своей собственности (денежных средств) в пользу другой стороны. Даже по договору безвозмездного пользования имуществом, заключенному колхозом с другой

организацией, колхоз своей собственностью гарантирует другой стороне, от которой имущество получено, сохранность этого имущества и возмещение убытков в случае утраты, повреждения и невозвращения имущества в установленный срок или по первому требованию.

В социалистическом обществе всякое имущество, находящееся в гражданском обороте, принадлежит определенному собственнику. Поэтому все имущественные отношения, возникающие в связи с гражданским оборотом, непосредственно или косвенно связаны с правом собственности. С этой точки зрения можно сказать, что все имущественные отношения в социалистическом обществе являются отношениями собственности. Можно согласиться с выводом С. Н. Братуся, что «имущественные отношения — это отношения собственности. Но не только отношения между собственниками. Имущественные отношения включают в себя такие отношения, но не исчерпываются ими. Это валовые отношения, связанные с различными формами использования объектов собственности».¹

Важно и подчеркнуть волевой характер имущественных отношений. Однако при этом нельзя забыть, что материальное содержание имущественных отношений составляют производственные отношения, которые возникают и развиваются согласно требованиям экономических законов и независимо от воли отдельных членов общества.

Сказанное можно отнести и к отношениям распределения общественного продукта, так как эти отношения обуславливаются производственными отношениями. Так, например, в настоящее время, когда еще не построена материально-техническая база коммунизма, невозможно решением общего собрания колхоза преобразовать социалистические производственные отношения в колхозе в коммунистические, ввести коммунистический принцип распределения колхозной продукции среди колхозников по потребностям. Это невозможно даже в законодательном порядке, так как нет соответствующих экономических предпосылок.

Однако то обстоятельство, что весь комплекс производственных отношений и отношений распределения развивается независимо от воли отдельных членов общества, не исключает роли их воли при вступлении в конкретные имущественные отношения, например, при вступлении крестьянина в члены колхоза средства и орудия производства обобществляются в добровольном порядке; колхоз сам через свои органы управления решает, какие сельскохозяйственные машины

¹ С. Н. Братусь. «Предмет и система советского гражданского права», стр. 28.

покупать и т. п. Волевое действие сторон играет большую роль в осуществлении принципа реального исполнения договоров между социалистическими организациями. В этой связи С. С. Алексеев правильно пишет, что «имущественные отношения как волевые отношения собственности являются юридическим выражением производственных отношений потому, что они способны на реагирование со стороны права».¹

Нас интересуют только те имущественные отношения, которые регулируются правом. Такими являются почти все имущественные отношения в социалистическом обществе, так как они прямо или косвенно связаны с реализацией права собственности в различных формах. В каждом правоотношении, в том числе имущественном правоотношении необходимым элементом является субъект правоотношения, который владеет определенными правами и имеет определенные обязанности.

Субъективная сторона имущественных отношений имеет важное значение при классификации этих отношений. Необходимость классификации имущественных отношений возникает в связи с тем, что разные виды имущественных отношений регулируются разными отраслями советского права. Для классификации имущественных отношений вышеуказанный критерий, что эти отношения являются отношениями собственности, недостаточно конкретный. Поэтому целесообразно наряду с этим критерием для оценки имущественных отношений ввести и другой критерий — **правосубъектность имущественных отношений**. Исходя из этого критерия, в каждом имущественном отношении следует установить, какими имущественными правами и обязанностями владеют субъекты данного отношения.

Колхоз как юридическое лицо имеет специальную правоспособность, содержание которой определяется уставом колхоза. Значительный круг прав и обязанностей колхоза имеет имущественный характер, как например, право владеть, пользоваться и распоряжаться колхозной собственностью, обязанность выполнить государственные плановые задания по продаже государству сельскохозяйственных продуктов, право пользоваться государственной землей, представленной колхозу на вечное и безвозмездное пользование, обязанность беречь и охранять социалистическую собственность и т. п. В процессе осуществления этих прав и выполнения указанных обязанностей колхоз вступает в разные имущественные отношения. В зависимости от того, какими имущественными правами колхоз владеет и какие имущественные обязанности он

¹ С. С. Алексеев. «Предмет советского социалистического гражданского права», стр. 27.

выполняет в данном отношении, определяется и вид имущественного отношения и метод его правового регулирования. Например, особый вид имущественных отношений колхоза составляют отношения колхозной собственности. К ним в основном применяются колхозно-правовой и гражданско-правовой методы регулирования. Совсем другой вид имущественных отношений составляет отношение колхозного землепользования, к которым применяется земельно-правовые методы регулирования. В качестве отдельного вида из имущественных отношений колхоза можно также выделить отношения по уплате налогов, обязательному окладному страхованию, которые регулируются финансовым правом и т. д.

Учитывая изложенное, можно сказать, что имущественные отношения колхозов очень разнообразны, но все они имеют общий характерный признак, что объектом этих отношений является имущество или действие имущественного характера, т. е. действие, которое подлежит денежной или другой имущественной оценке. Например, за строительство жилых домов, хозяйственных построек, ремонт машин следует платить определенную сумму денег. Также подлежит оплате в деньгах или продуктах труд колхозников или других лиц, работающих в колхозе.

В имущественных отношениях колхозов всегда одним из субъектов отношения является колхоз. Другим субъектом этих отношений может быть любой гражданин или любое юридическое лицо. Однако следует подчеркнуть, что в отдельных видах имущественных отношений колхозов, этот круг субъектов значительно уже. Самое обширное число разных субъектов имеется в имущественных отношениях гражданско-правового характера, а самый узкий в отношениях колхозно-правового характера.

А. А. Рускол в своей монографии «Колхозные правоотношения в СССР» дает характеристику имущественных отношений, складывающихся в колхозах в связи с организацией общественного хозяйства и использованием колхозных средств производства. Он пишет, что «необходимо различать два вида правоотношений: а) правоотношения между колхозом в целом, как самостоятельным субъектом права, и его отдельными хозяйственными единицами и б) правоотношения, возникающие внутри отдельных хозяйственных единиц. Субъектами первого вида отношений являются колхоз, с одной стороны, и производственные бригады, животноводческие фермы и другие хозрасчетные звенья артели, с другой стороны. Субъектами второго вида отношений выступают хозрасчетные предприятия колхоза и отдельные колхозники, работающие в этих

предприятиях».¹ Из этого видно, что автор считает возможным существования внутриколхозного имущественного правоотношения, где только одна сторона является самостоятельным субъектом права (колхоз, колхозник), а другая сторона (бригады, фермы, звенья колхоза) такой самостоятельности не имеет. Разумеется, что автор говорит об имущественной самостоятельности субъекта. А если так, то можно делать вывод, что в имущественном отношении может выступить и субъект, не обладающий обособленным имуществом, т. е. какой-то субъект, которого нельзя считать ни гражданином, ни юридическим лицом. А. А. Рускол пишет: «Закрепляя имущество за своими предприятиями, колхоз предоставляет им известную имущественную и оперативную самостоятельность, которая может быть охарактеризована как право по оперативному управлению имуществом».²

Ст. 21 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик и ст. 94 ГК ЛССР раскрывают легальное понятие и содержание права по оперативному управлению имуществом, определяя, что в это право входят права владения, пользования и распоряжения имуществом, закрепленным за государственными организациями. Можно ли право оперативного управления имуществом распространить и на бригады, фермы и другие хозяйственные звенья колхоза, за которыми по решению правления колхоза закреплено определенное количество средств и орудий производства в постоянном пользовании? Указанные хозяйственные единицы колхоза не имеют права отчуждать закрепленное за ними имущество, т. е. они лишены права распоряжения имуществом в гражданско-правовом смысле этого понятия. Поэтому нет оснований отнести право оперативного управления имуществом к бригадам, фермам и другим внутрихозяйственным образованиям колхоза, которые имеют только право оперативно организовать использование закрепленных за ними средств и орудий производства.

Прав И. В. Павлов, считая, что у бригад, ферм и других общественных предприятий колхозов нет и не может быть своего баланса, расчетного счета в банке. Они сами ничего не покупают и не продают, не заключают договоров, не платят налогов и не выполняют каких-либо других обязательств перед государственными и общественными организациями.³

¹ А. А. Рускол «Колхозные правоотношения в СССР». Госюриздат, Москва, 1960, стр. 173. (подчеркнуто мною. Я. С.).

² Там же, стр. 173.

³ И. В. Павлов «Колхозное право», Госюриздат, М., 1960, стр. 197.

По нашему мнению субъектом имущественного правоотношения может быть только субъект права, имеющий полномочия распоряжаться имуществом.

Те отношения, которые складываются в процессе организации общественного производства между колхозом в целом и его отдельными производственными единицами, по существу являются отношениями между юридическим лицом и его составными частями, лишенными правосубъектности. В этих отношениях на передний план выступает не имущественный, а организационный признак. При организации бригад, ферм и других производственных единиц колхоза создаются организационные предпосылки для сельскохозяйственного производства и тем самым и для экономически правильного использования средств и орудий производства. Самые же производственные отношения в колхозе создаются между колхозом как собственником средств и орудий производства и членами колхоза (или рабочими и служащими, работающими в колхозе на основании трудового договора), которые используют эти средства и орудия в производственном процессе.

Таким образом, те отношения внутри колхоза, в которых только одна сторона имеет право распоряжаться имуществом, следует считать организационными отношениями. Здесь можно возразить и сказать, что и колхозник не имеет права распоряжаться имуществом колхоза. Но согласно уставу сельскохозяйственной артели он несет материальную ответственность (отвечает своей личной собственностью) за сохранность и правильное использование средств производства колхоза, которые за ним закреплены.

Подобного характера организационные отношения возникают и между колхозом и органами государственного руководства колхозами.

Так, согласно постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 22 марта 1962 года «О перестройке управления сельским хозяйством» колхозно-совхозное производственное управление осуществляет руководство организацией производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов, организует заключение договоров контрактации сельскохозяйственных продуктов в колхозах.¹ Осуществление этих организационных мероприятий связано с созданием между колхозом и органами государственного управления целого комплекса организационно-правовых отношений. Можно согласиться с мнением С. Н. Братуся, который пишет, что государство при осуществлении хозяйственно-организаторской функции «преж-

¹ Сборник решений по сельскому хозяйству, Изд. Сельскохоз. литературы, Москва, 1963, стр. 579—580.

де всего создает и обеспечивает предпосылки и условия для нормальной хозяйственной деятельности государственных и кооперативных предприятий, колхозов . . .»¹

Учитывая вышеизложенное, можно определить понятие имущественных отношений. Имущественными отношениями колхозов являются те общественные отношения колхозов с государственными, кооперативными и общественными организациями, а также колхозными дворами и гражданами, в т. ч. и членами колхозов, которые возникают на основе социалистической системы хозяйства и социалистической собственности на орудия и средства производства, субъекты которых могут от своего имени приобретать имущественные права и нести обязанности и объекты которых составляют имущество или действия имущественного (возмездного) характера.

Основные направления развития имущественных отношений колхозов

Развитие имущественных отношений колхозов связано с развитием колхозного строя и также с развитием всей нашей экономики, всего способа социалистического производства. Это и понятно, так как имущественные отношения колхозов являются в настоящее время необходимой составной частью нашей социалистической экономики. В Программе КПСС записано: «Колхозный строй — неотъемлемая часть советского социалистического общества. Это намеченный В. И. Лениным, исторически проверенный, отвечающий особенностям крестьянства путь его постепенного перехода к коммунизму».² Из этого вытекает, что колхозная форма социалистического хозяйствования не только сохранится в период развернутого строительства коммунистического общества, но будет развиваться и совершенствоваться.

В Программе Партии намечены основные направления хозяйственной политики КПСС и Советского государства на ближайшее двадцатилетие. Политика в отношении колхозов основывается на сочетании общенародных интересов с материальной заинтересованностью колхозов и колхозников в результатах их труда. Государство будет содействовать росту производительных сил колхозного строя, экономическому подъему всех колхозов; в то же время должен возрасти и

¹ С. Н. Братусь «Предмет и система советского гражданского права», стр. 42.

² Программа Коммунистической Партии Советского Союза, стр. 76.

вклад колхозного крестьянства в строительство коммунистического общества.

В период развернутого строительства коммунизма государство обеспечит полное удовлетворение потребностей колхозов в современной машинной технике, запасных частях, химикатах и других средствах производства, значительно увеличит капитальные вложения в деревне. Осуществление этих мероприятий непосредственно связано с развитием имущественных отношений колхозов, возникающих на основании договоров купли-продажи сельскохозяйственных машин, материалов, минеральных удобрений и др. средств производства, договоров подряда на капитальное строительство, кредитования колхозов и др. юридических актов. Здесь следует отметить, что важнейшее значение в развитии имущественных отношений колхозов имели постановление февральского (1958 г.) Пленума ЦК КПСС и Закон, принятый Верховным Советом СССР 31 марта 1958 г. «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций». Этим законом было расширено право собственности колхозов, предоставлено колхозам право покупать любую сельскохозяйственную технику, которая им необходима для выполнения производственных планов. Таким образом, существенно изменился порядок материально-технического снабжения колхозов и было расширено использование товарно-денежных форм и закона стоимости в колхозном строительстве.

Большое значение в развитии имущественных отношений имеет постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров от 10 января 1961 г. «О мерах по дальнейшему укреплению экономики и финансового состояния колхозов», которое значительно расширило государственное кредитование колхозов и определило новые льготы по предоставлению долгосрочных и краткосрочных кредитов колхозам.¹

Особое внимание Программа Партии уделяет строгому соблюдению колхозами и колхозниками своих договорных обязательств перед государством, считая это непреложным принципом их участия в развитии всего народного хозяйства.² В настоящее время договор является очень важной правовой формой, регулирующей экономические связи государства с колхозами как в сфере производства, так и в сфере распределения. Осуществление решений Партии о реорганизации МТС и перестройке материально-технического снабжения колхозов, о введении договора контрактации как единственной формы государственных заготовок сельскохозяйственных про-

¹ Сборник решений по сельскому хозяйству, стр. 424—430.

² Там же, стр. 532.

дуктов от колхозов коренным образом повысило роль договора в имущественных отношениях колхозов. Трудно переоценить роль договора в осуществлении декабрьского (1963 г.) Пленума ЦК КПСС в части химизации сельского хозяйства, в частности, колхозного производства, а также в части ирригации и мелиорации. В настоящее время значительно расширился круг тех имущественных отношений колхозов, которые регулируются в гражданско-правовом порядке. Одновременно и уменьшился удельный вес имущественных отношений административно-правового характера.

До реорганизации МТС и отмены обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов имущественные отношения колхозов с МТС и государственными органами заготовок в большой мере имели административно-правовой характер.

Однако интересы дальнейшего развития колхозного строя, более полного раскрытия и использования резервов колхозов требовали более гибкую и экономически более эффективную правовую форму регулирования имущественных отношений колхозов в сфере материально-технического снабжения колхозов и заготовок сельскохозяйственных продуктов от колхозов. Такой формой оказался договор, дающий возможность на эквивалентных началах укрепить материальную заинтересованность колхозов, лучше использовать закрепленную за ними государственную землю и другие орудия и средства производства, принадлежащие колхозам, больше и дешевле производить сельскохозяйственные продукты. Согласно требованиям Программы КПСС «система государственных закупок должна быть направлена на увеличение количества и улучшение качества заготавливаемых сельскохозяйственных продуктов на основе всемерного подъема колхозной экономики. Планирование заготовок необходимо сочетать с производственно-хозяйственными планами колхозов, строго учитывая при этом интересы сельскохозяйственного производства, правильного его размещения и специализации».¹

Расширение имущественных отношений колхозов гражданско-правового характера тесно связано с политикой КПСС и Советского государства в области закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию и отпускных цен на средства производства для колхозов. В этой политике учитываются интересы расширенного воспроизводства как в промышленности, так и в сельском хозяйстве и также образование необходимых накоплений в колхозах. «Нужно, чтобы уровень закупочных цен побуждал колхозы повышать производительность труда и снижать производственные затраты, так как основу повыше-

¹ Программа Коммунистической Партии Советского Союза, стр. 81—82.

ния колхозных доходов составляет увеличение сельскохозяйственной продукции и снижение ее стоимости».¹

Договорные отношения колхозов могут успешно развиваться только при условии, если установленные государством цены на сельскохозяйственные продукты и средства производства являются экономически обоснованными и материально заинтересуют колхозы заключать и неуклонно выполнять соответствующие договоры.

В последние десять лет Партия и Правительство неоднократно значительно повышали закупочные цены на сельскохозяйственные продукты и снизили цены на сельскохозяйственную технику, запасные части, нефтепродукты, строительные материалы, грузовые автомашины и др. средства производства, продаваемые колхозам. Такая политика цен не только укрепила экономику колхозов, но также повысила материальную заинтересованность колхозов в расширении договорных связей с государственными, кооперативными и др. организациями.

В связи с широким развитием межколхозных организаций расширяется и круг имущественных отношений колхозов, возникающих в связи с образованием и деятельностью этих организаций. По своему характеру данные отношения в значительной степени являются договорными отношениями, так как они вытекают из договора о совместной деятельности колхозов, а также из договоров, которые заключают межколхозные организации с колхозами — пайщиками по производству разных работ, оказанию услуг и т. п. А. А. Рускол считает, что договор, который заключает межколхозная организация с колхозом-пайщиком, не является правообразующим фактом.² Эту точку зрения разделяет и А. И. Волков.³ Они находят, что весь комплекс правоотношений, в т. ч. и имущественных отношений, между межколхозной организацией и ее членами — колхозами предопределяется в силу членства колхозов в межколхозной организации.

Однако они игнорируют тот факт, что самое членство колхоза в межколхозной организации оформляется с подписанием договора о совместной деятельности (если межколхозная организация не является юридическим лицом) или договора об образовании межколхозной организации с правами юридического лица. Так, согласно Типовому положению о межколхозном предприятии по переработке сельскохозяйственных

¹ Там же, стр. 82.

² А. А. Рускол «Колхозные правоотношения в СССР», стр. 70.

³ Учебник «Колхозное право», под редакцией проф. Н. Д. Казанцева, Изд. Московского Госуд. университета, Москва, 1962, стр. 284.

продуктов, утвержденному Советом Министров Латвийской ССР 4 февраля 1959 г., определено, что договор об организации предприятия должен быть рассмотрен на общем собрании членов колхоза — участника предприятия и после того подписан уполномоченными колхоза.¹

Учитывая вышеизложенное, можно сказать, что развитие межколхозных организаций также связано с расширением имущественных отношений колхозов договорного характера.

Процесс развития межколхозных организаций в настоящее время тесно связан также с развитием непосредственных производственных связей между колхозами и государственными организациями (совхозами, промышленными и другими предприятиями). В процессе дальнейшего развития колхозов и совхозов еще более усилятся их производственные и другие имущественные отношения между собой и также с местными промышленными предприятиями, расширится практика совместной организации различного производства, строительства и др. мероприятий. В Программе КПСС указано: «Постепенно в меру экономической целесообразности сложатся аграрно-промышленные объединения, в которых сельское хозяйство органически сочетается с промышленной переработкой его продукции, при рациональной специализации и кооперировании сельскохозяйственных и промышленных предприятий».²

При образовании смежных государственно-колхозных объединений возникает своеобразный комплекс имущественных отношений между колхозами и соответствующими государственными организациями в связи с созданием общей государственной и колхозной собственности на орудия и средства производства. Возникает вопрос о правовом режиме этой собственности, о порядке ее гражданско-правовой защиты и др. правовые проблемы. Поэтому данный вид имущественных отношений следует особенно выделить из всех имущественных отношений колхозов и всесторонне изучать с точки зрения права, так как они имеют большую перспективу развития. Права Л. Н. Баховкина, которая пишет, что «несмотря на огромное значение государственно-колхозных производственных связей, в правовом отношении они недостаточно урегулированы. Необходимые стороны этих связей не нашли соответствующего закрепления в законодательстве, что сильно сни-

¹ Хронологическое собрание законов Латвийской ССР, Латгосиздат, Р., 1960, стр. 308.

² Программа Коммунистической Партии Советского Союза, стр. 84—85.

жает возможность права активно воздействовать на развитие данного прогрессивного общественного явления».¹

Однако следует указать, что в настоящее время в связи с принятием нового Гражданского кодекса Латвийской ССР правовое регулирование упомянутых вопросов значительно улучшилось, так как ряд статей ГК Латвийской ССР посвящены вопросам правового регулирования общей собственности государства и колхозов. (Например, ст. ст. 116, 117 ГК).

В комплексе имущественных отношений колхозов особое место занимают **внутриколхозные отношения**, развитие которых вызывает особый интерес, так как они образуют специфическое ядро всех имущественных отношений колхозов и в основном регулируются колхозно-правовыми нормами.

Экономическое укрепление и развитие колхозов связано с совершенствованием внутриколхозных имущественных отношений, с повышением степени обобществления производства сельскохозяйственных продуктов.

Степень обобществления производства в колхозах можно повысить как созданием межколхозных и колхозно-государственных производственных связей, так и путем постепенного уменьшения удельного веса приусадебного хозяйства колхозных дворов в производстве сельскохозяйственных продуктов на колхозной земле. Когда станет возможным за счет высоко развитого общественного хозяйства колхозов полностью удовлетворять личные потребности колхозников в сельскохозяйственных продуктах, личное подсобное хозяйство колхозных дворов постепенно изживает себя экономически. Но в этом деле нельзя допустить никакого волюнтаризма и поспешности. Правовое регулирование этих вопросов должно быть в полном соответствии с требованиями экономики.

Совершенствование внутриколхозных отношений связано с совершенствованием трудовых отношений в колхозах путем постепенного приближения их к трудовым отношениям рабочих и служащих, сложившимся на государственных предприятиях. Приближение нормирования, организации и оплаты труда членов колхозов к уровню и формам, существующим в совхозах и других государственных предприятиях, является важнейшим мероприятием для решения данной проблемы.

В период развернутого строительства коммунизма необходимо также шире развивать общественное питание, детские сады и ясли, бытовые учреждения и другие формы общественных услуг в колхозах. Эти мероприятия связаны с процес-

¹ Л. Н. Баховкина «О правовом регулировании государственно-колхозных производственных связей», «Советское государство и право», 1963, № 10, стр. 41.

сом распределения колхозных доходов и поэтому их осуществление создает своеобразные имущественные отношения между органами колхоза и членами колхоза.

Учитывая главные направления развития имущественных отношений колхозов в период развернутого строительства коммунизма, можно сказать, что дальнейшее развитие как внутриколхозных, так и внеколхозных имущественных отношений является составной частью общего длительного процесса постепенного образования единой коммунистической собственности на средства и орудия производства, процесса повышения уровня обобществления колхозной кооперативной собственности до всенародной собственности. Советское социалистическое право в целом и те отрасли нашего социалистического права, которые регулируют имущественные отношения, в частности, призваны всемерно содействовать этому процессу и тем самым успешному выполнению грандиозных задач, поставленных перед советским народом Программой Партии. Однако эту большую правовую проблему можно успешно разрешать только при условии глубокого социально-экономического исследования процесса колхозного строительства в период развернутого строительства коммунизма.

Роль ГК Латвийской ССР в системе правовых норм, регулирующих имущественные отношения колхозов

В связи с принятием нового Гражданского кодекса Латвийской ССР возникает актуальный вопрос о том, в какой степени этот кодекс может быть применим к имущественным отношениям колхозов. Чтобы ответить на данный вопрос, необходимо установить грань между гражданским правом и колхозным правом и соответственно между гражданским законодательством и колхозным законодательством. Здесь следует отметить, что в связи с принятием Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, а также новых гражданских кодексов союзных республик, система гражданского законодательства все более соответствует системе гражданского права. Можно сказать, что система нового гражданского законодательства отражает систему советского гражданского права, а также в некоторой степени систему всего действующего советского права, регулирующего имущественные отношения в нашем обществе. Так, ст. 2 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик и соответственно ст. 2 ГК Латвийской ССР отражает систему советского права, призванного регулировать имущественные отношения и связанные с ними личные неимущест-

венные отношения. В эту систему входят, наряду с гражданским правом, административное право, финансовое право, семейное право, трудовое право, земельное право и колхозное право.

Учитывая нормы Основ и новых ГК союзных республик, в частности ГК Латвийской ССР, можно сравнительно точно определить круг имущественных отношений колхозов, регулируемых гражданским правом, и круг имущественных отношений, регулируемых колхозным правом.

Ст. 2 ГК Латвийской ССР предусматривает, что ГК регулирует имущественные отношения государственных, кооперативных и общественных организаций между собой, а также имущественные отношения граждан с этими организациями. Далее в этой статье определено, что семейные, трудовые, земельные отношения, а также отношения в колхозах, вытекающие из их устава, регулируются соответственно семейным, трудовым, земельным и колхозным законодательством.

Из упомянутой статьи можно сделать вывод, что ГК регулирует те имущественные отношения колхозов, которые не вытекают из их устава, так как последние являются предметом регулирования колхозного законодательства.

Видно, что здесь необходимо установить круг отношений в колхозах, которые подлежат колхозно-правовому регулированию. Прежде всего это внутриколхозные отношения, основанные на членстве. Членство определяет правовое положение колхозника в колхозе, как его личные, так и имущественные уставные права, в частности, право на труд и оплату труда, право на подсобное хозяйство, право на участие в управлении делами колхоза и др. Как правило отмечает А. А. Рускол, здесь много сходного с методом регулирования трудовых отношений, а вместе с тем имеются различия, вытекающие из характера колхозной собственности как собственности определенного колхоза. «Колхозное отношение — это сложное общественное отношение. Оно охватывает взаимоотношения колхозов и их членов, связанные с обобществлением имущества, с организацией общественного производства и труда колхозником, с распоряжением колхозным имуществом, с распределением результатов коллективного труда членов артели, с управлением ее делами, а также отношения по приусадебному землепользованию и устройству быта колхозников».¹

Комплекс упомянутых внутриколхозных отношений, в том числе имущественных, регулируется особыми методами колхозно-правового характера, в частности государственными рекомендательными нормами, которые после принятия их

¹ А. А. Рускол «Колхозные правоотношения в СССР», стр. 30.

органами колхоза осуществляются в обязательном порядке. Важное место в правовом регулировании этих отношений занимают нормы, включенные в Уставе колхоза, решениях общего собрания колхозников и других органов колхозов.

Однако в настоящее время колхозное законодательство недостаточно кодифицировано и имеет существенные пробелы. Такие недостатки встречаются и в правовом регулировании внутриколхозных имущественных отношений. Так сегодня нет колхозно-правовых норм, определяющих материальную ответственность членов колхоза за ущерб, причиненный имуществу колхоза во время работы в общественном хозяйстве. Поэтому в судебной практике в этих случаях применяются нормы гражданского права.

После вступления в силу ГК Латвийской ССР в этой связи применяются ст. ст. 465—491 ГК ЛССР, регулирующие обязательства, возникающие вследствие причинения вреда. Правовую возможность применения судом в вышеуказанных случаях гражданско-правовых норм дает ст. 11 ГПК Латвийской ССР, часть III которой предусматривает, что в случае отсутствия закона, регулирующего спорное отношение, суд применяет закон, регулирующий сходные отношения, а при отсутствии такого закона суд исходит из общих начал и смысла советского законодательства. В данных случаях отсутствует соответствующая колхозно-правовая норма, и поэтому суд по аналогии закона применяет нормы гражданского права.

Таким образом, и впредь после вступления в силу нового ГК Латвийской ССР в принципе сохраняется действующий порядок разрешения колхозных гражданских дел о возмещении ущерба, причиненного колхозу разными лицами, в том числе и колхозниками. Этот порядок можно изменить только принятием специального закона колхозно-правового характера. Здесь также следует указать на то обстоятельство, что по упомянутым делам применяются и общие сроки исковой давности, определенные ст. 79 ГК Латвийской ССР, т. е. если ущерб причинен колхозу колхозником или другим гражданином — срок устанавливается в три года, а если ущерб причинен юридическим лицом — в один год.

Срок исковой давности — 3 года применяется по искам бывших членов и других граждан к колхозу о взыскании паевого взноса. Этот срок исчисляется со дня утверждения годового отчета колхоза общим собранием колхозников.

ГК Латвийской ССР имеет большое значение в регулировании отношений собственности в колхозах. Мы уже видели, какое значение имеет ГК в защите общественной собственности колхоза в случае причинения ущерба этой собствен-

ности. Однако этим не исчерпывается значение ГК в регулировании внутрикolkхозных отношений.

Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик и ГК Латвийской ССР определяет правовой режим всех видов собственности в нашем обществе, в том числе и собственности колхозов и колхозных дворов. Ст. ст. 99 и 100 ГК Латвийской ССР определяют содержание права собственности колхозов и круг объектов права собственности колхозов. Ст. ст. 128—135 ГК Латвийской ССР подробно регулируют право собственности колхозного двора, определяя круг объектов этой собственности, содержание права собственности, представительство колхозного двора, материальную ответственность двора, порядок определения долей в имуществе двора, а также порядок выдела из двора и раздела двора.

При регулировании права собственности колхозов важное значение имеет ст. 99 ГК Латвийской ССР, которая определяет, что колхозы владеют, пользуются и распоряжаются принадлежащим им на праве собственности имуществом в соответствии с их уставами, и право распоряжения этим имуществом принадлежит исключительно самому колхозу. Эта норма запрещает вмешательство в сферу права собственности колхозов органов государственного управления, должностных лиц и т. п. Эта статья имеет исключительно важную роль в деле гарантирования права собственности колхозов. В разработке данной статьи авторы ГК творчески дополнили и уточнили содержание ст. ст. 19 и 23 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик.

В ГК Латвийской ССР подробно разработан институт права собственности колхозного двора, которому посвящены 9 статей. Это имеет большое практическое значение в условиях Латвийской ССР, учитывая то, что до принятия ГК Латвийской ССР в республике фактически не было конкретных правовых норм, регулирующих имущественные отношения колхозного двора, за исключением Примерного устава сельскохозяйственной артели и уставов отдельных колхозов, а также ст. 7 Конституции Латвийской ССР, которые явно недостаточно, только в общих чертах регулировали данные отношения. Земельный Кодекс РСФСР на территории Латвийской ССР не применялся. Поэтому возникли значительные затруднения в судебной практике при разрешении споров о разделе двора и выделе имущества из двора.

В юридической науке существуют разногласия о том, является ли колхозный двор субъектом права собственности или нет. Этот спор поможет решить новое гражданское законодательство, в частности ст. ст. 25 и 27 Основ гражданского зако-

нодательства Союза ССР и союзных республик и ст. ст. 128—135 ГК Латвийской ССР. Из этих законов вытекает, что колхозный двор является субъектом права собственности. Так, ст. ст. 25 и 27 Основ строго разделяют личную собственность гражданина — члена колхозного двора и собственность колхозного двора — совместную собственность всех членов двора. Однако из этого нельзя сделать вывод, что субъектами права собственности колхозного двора являются только члены двора. Сам двор как семейное трудовое объединение для ведения личного подсобного хозяйства на приусадебном участке выступает как особый субъект права не только в земельных и колхозных правоотношениях, но и в гражданско-правовых отношениях. Ст. 130 ГК Латвийской ССР устанавливает, что каждый колхозный двор имеет своего представителя в лице главы двора. Ст. 131 ГК признает, что «по сделкам, совершенным главой колхозного двора, отвечает своим имуществом колхозный двор, если из обстоятельств дело не вытекает, что сделка совершена в личных интересах самого главы двора». Далее определено, что «взыскание задолженности по обязательствам колхозного двора обращается на имущество двора».

Также порядок определения и выделения доли члена двора в имуществе двора, установленный ГК Латвийской ССР, говорит в пользу признания колхозного двора субъектом права собственности. Так, ст. ст. 133, 134 ГК определяют, что при выделе из двора и также при разделе двора в первую очередь учитываются интересы всего двора, интересы хозяйственных нужд двора.

Право требовать выдела имущества при выходе из состава двора имеют члены двора, достигшие шестнадцати лет, а право требовать раздела двора имеют только совершеннолетние члены двора, состоящие членами колхоза. Так как раздел двора связан с возникновением нового субъекта приусадебного землепользования и собственности, интересы колхозного строительства требуют более строгий порядок регулирования данного процесса по сравнению с выделом из двора. Поэтому порядок раздела двора, установленный ГК Латвийской ССР, соответствует интересам колхозов и государства.

Согласно ст. 134 ГК всякий раздел подлежит регистрации в похозяйственной книге сельсовета. Ст. 135 ГК определяет: «Трудоспособный член двора теряет право требовать выделения его доли из имущества двора или раздела двора, если он в течение трех лет подряд не участвовал своим трудом и средствами в ведении совместного хозяйства двора». Закон также предусматривает некоторые исключения из этого правила (призыв на срочную военную службу, обучение в учебном

заведении, болезнь). Из этого вытекает, что основной признак членства в колхозном дворе — это участие своим трудом и средствами в подсобном хозяйстве двора. Это обстоятельство также подтверждает, что колхозный двор особый субъект права с определенными в законе хозяйственными задачами, которые призваны выполнять все трудоспособные члены двора. От выполнения ими этих задач зависит и их право на долю в имуществе двора.

Существование колхозного двора связано с существованием колхоза. После ликвидации колхоза прекращается и колхозный двор, например, при преобразовании колхоза в совхоз. В таком случае больше нет и колхозного двора как субъекта права собственности. Согласно ст. 134 ГК Латвийской ССР «раздел имущества, принадлежащего колхозному двору и сохранившегося после прекращения колхозного двора, производится по правилам статей 132 и 135 настоящего кодекса». Это означает, что вместо колхозного двора возникают новые субъекты права собственности на имущество бывшего двора, т. е. субъектами права собственности становятся отдельные граждане — бывшие члены двора, которые сохранили свое право на долю в имуществе двора в момент прекращения двора. По нашему мнению эти правила применимы и в случае отказа членов колхоза от приусадебного хозяйства. Без приусадебного хозяйства не может быть колхозного двора. Поэтому после отказа членов двора от приусадебного хозяйства меняются и имущественные отношения в семье колхозников. Эти отношения приобретают такой же характер, какой имеют имущественные отношения в семье рабочих и служащих.

Говоря о роли ГК Латвийской ССР в регулировании отношений собственности в колхозах, следует подчеркнуть, что ГК не только уточнил и расширил право собственности колхозов, учитывая изменения в колхозном строительстве после сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС, но также в законодательном порядке разрешил ряд спорных вопросов о правовой природе межколхозной собственности и собственности, принадлежащей государству и колхозам. Так, ст. ст. 116 и 117 ГК Латвийской ССР четко определяют, что собственность межколхозных организаций и собственность государственно-колхозных организаций являются общей долевой собственностью соответствующих колхозов и государства (в лице государственных организаций, являющихся членами указанных объединений) независимо от того, признано ли данное объединение юридическим лицом или нет.

Большое значение в регулировании имущественных отношений колхозов имеют нормы ГК Латвийской ССР, опреде-

ляющие правовой статус колхоза как юридического лица. Ст. 24 ГК Латвийской ССР юридическими лицами, в частности, признает колхозы, межколхозные организации и их объединения, а также государственно-колхозные организации, которые обладают признаками, указанными в ст. 23 ГК (обладают обособленным имуществом, могут от своего имени приобретать имущественные и личные неимущественные права и нести обязанности, быть истцами и ответчиками в суде). Такими признаками обладают все колхозы и большая часть межколхозных и государственно-колхозных организаций (межколхозные строительные организации и их объединения, межколхозные предприятия по переработке сельскохозяйственных продуктов и др.). Очень важны также ст. ст. 32, 34, 35 и 36 ГК Латвийской ССР, которые точно определяют имущественную ответственность колхозов, межколхозных и государственно-колхозных организаций, являющихся юридическими лицами, разграничивая их ответственность по обязательствам от ответственности членов этих организаций по своим обязательствам.

Ст. ст. 37, 39 и 40 ГК Латвийской ССР регулируют вопросы, возникающие в связи с прекращением колхоза, а также межколхозных, государственно-колхозных организаций, в частности здесь определен порядок перехода имущественных прав и обязанностей на правопреемника реорганизованного колхоза и порядок использования имущества колхоза в случае ликвидации колхоза.

Естественно, что при регулировании правового положения колхоза как юридического лица важное место принадлежит Уставу колхоза, т. е. нормам колхозного права. Поэтому и законодатель в указанных статьях ГК Латвийской ССР, ссылаясь на устав (положение) юридического лица как на правовое основание действия юридического лица, безусловно имеет в виду и устав колхоза. Значение устава колхоза ярко проявляется в гражданском обороте, в частности при заключении сделок. Ст. 50 ГК Латвийской ССР предусматривает, что сделки, совершенные юридическим лицом (в т. ч. колхозом. Я. С.) в противоречии с установленными целями его деятельности, указанными в его уставе (положении), являются недействительными. По своим правовым последствиям эти сделки приравниваются к сделкам, не соответствующим требованиям закона, и в некоторых случаях даже к сделкам, совершенным с целью, противной интересам государства и общества.

Логично, что и гражданско-правовая охрана колхозной собственности и собственности колхозного двора регулируется ГК Латвийской ССР (см. ст. ст. 101, 153—159 ГК).

Таким образом, ГК Латвийской ССР регулирует целый комплекс имущественных отношений колхозов, значительная часть которых относится к внутрисклхозным отношениям.

В связи с изложенным возникает вопрос: в какой степени отношения собственности в колхозах регулируются гражданским правом и в какой степени колхозным правом. Ведь институты права собственности колхозов и права собственности колхозного двора являются смежными институтами советского гражданского права и колхозного права.

В нашей юридической литературе правильно отмечено, что нет непроходимых граней между разными отраслями советского права, так как подобных граней нет и между различными видами общественных отношений.¹ В частности, это подтверждается, когда мы говорим о взаимоотношениях советского гражданского права и колхозного права. Обе эти отрасли права связывает то обстоятельство, что они регулируют имущественные отношения. В этом процессе они дополняют друг друга.

Колхозное право возникло и обособилось в самостоятельную отрасль советского права значительно позже гражданского права, т. е. тогда, когда в Советском Союзе победил колхозный строй и в связи с этим возник новый вид общественных отношений в деревне, который требовал особый метод правового регулирования ввиду целого ряда специфических свойств этих отношений. Специфика этих отношений сохраняется и в настоящее время. Во время развернутого строительства коммунизма меняются и совершенствуются как нормы гражданского права, так и нормы колхозного права, регулирующие имущественные отношения колхозов. В юридической литературе высказана правильная мысль, что «процесс постепенного распространения на колхозы общего законодательства не будет вытеснять специального колхозного законодательства. Но вместе с тем будет идти известный процесс нивелирования норм в том и в другом законодательстве»².

Процесс развития гражданского законодательства показывает, что в советском обществе эта отрасль законодательства занимает ведущее место в регулировании имущественных отношений в целом. Тем более новое гражданское законодательство (Основы и гражданские кодексы союзных республик) эту роль гражданского права еще увеличивает.

¹ С. Н. Братусь. «Предмет и система советского гражданского права», стр. 104—105.

² Институт государства и права АН СССР «Правовые вопросы сближения колхозной и общенародной собственности» (руков. коллективной монографии И. В. Павлов), Госюриздат, Москва, 1963, ст. 64.

Например, выросла роль гражданского права в регулировании имущественных отношений колхозного двора, отношений колхозов с государственными организациями по продаже сельскохозяйственных продуктов государству, по продаже сельскохозяйственной техники и других средств производства колхозам и т. п. Таким образом, новое гражданское законодательство расширило свою сферу действия, в частности, в регулировании имущественных отношений колхозов.

Однако из сказанного нельзя делать вывод, что уже в настоящее время больше нет необходимости усовершенствовать и развивать дальше колхозное законодательство. Такая необходимость очевидна, и неоднократно подчеркнута в решениях Партии и Правительства. Так, на необходимость принятия нового, более совершенного Примерного устава колхоза было указано на мартовском (1962 г.) Пленуме ЦК КПСС, где отмечалось: «Теперь мы приняли Программу партии, нам предстоит разработать новую Конституцию СССР. На основе этих программных документов будет разработан и представлен на утверждение съезда колхозников новый Устав сельскохозяйственной артели».¹

В новом колхозном законодательстве придется также усовершенствовать правовое регулирование имущественных отношений колхозов, прежде всего внутриколхозных отношений возникающих в связи с членством, коллективным трудом и распределением доходов и другими специфическими явлениями колхозной жизни. В регулировании этих отношений приоритет и впредь будет принадлежать колхозному праву.

В правовом регулировании других имущественных отношений, в частности отношений между колхозами, государственными, кооперативными и общественными организациями ведущую роль имеет и будет иметь гражданское право. Однако это обстоятельство не исключает и роли колхозного права в регулировании этих отношений. Нет сомнений, что колхозное право, наряду с гражданским правом, имеет важную роль в регулировании имущественных отношений в межколхозных и государственно-колхозных организациях. Организация и деятельность этих организаций тесно связана с внутриколхозной жизнью. Деятельность этих организаций никак нельзя оторвать от внутрихозяйственной деятельности колхозов, которые объединяются в данных организациях.

Тесная связь между гражданским и колхозным законодательством вытекает прямо из самого гражданского законодательства. Так, ст. 99 ГК Латвийской ССР определяет, что колхозы, иные кооперативные организации, их объединения вла-

¹ «Известия», 11 марта 1962 г.

деют, пользуются и распоряжаются принадлежащим им на праве собственности имуществом **в соответствии с их уставами**. Ст. 117 ГК Латвийской ССР предусматривает, что межколхозная и государственно-колхозная организации осуществляют на началах оперативного управления **в соответствии со своим уставом (положением)** владение, пользование и распоряжение закрепленным за ними имуществом.

Также ст. ст. 113 и 131 ГК Латвийской ССР, регулирующие право собственности члена колхозного двора и право собственности колхозного двора, ссылаются на устав колхоза, который должен определить круг и объем объектов права собственности колхозного двора.

Упомянутые статьи ГК Латвийской ССР помогают установить взаимоотношения гражданского законодательства и колхозного законодательства в регулировании имущественных отношений колхозов. Из них видно, что гражданское законодательство содержит основные нормы права собственности колхоза, колхозного двора и также другие нормы регулирования имущественных отношений колхозов, в частности обязательных отношений. А устав колхоза и другие колхозно-правовые акты должны конкретизировать, уточнять, дополнять эти основные нормы. Сказанное свидетельствует о том, что **Процесс правового регулирования имущественных отношений колхозов характерен взаимодействием гражданского и колхозного законодательства**, что в этом процессе оба законодательства дополняют друг друга, но никогда не могут быть противопоставлены друг другу. Это вытекает из сущности социалистического права и единства его системы. Это подтверждает и судебная практика.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 26 марта 1960 г. «О судебной практике по гражданским колхозным делам» указано, что при рассмотрении гражданских колхозных дел суды должны руководствоваться действующим законодательством и Уставом колхоза. При противоречии некоторых положений Устава колхоза закону суду надлежит руководствоваться действующим законом и при этом частным определением ставить перед райисполкомом вопрос о необходимости приведения конкретного пункта Устава колхоза в соответствие с законом.¹ Устав колхоза не может быть в противоречии с гражданским законодательством, в частности с ГК Латвийской ССР. В таком случае противоречие ликвидируется таким образом, что спорный вопрос разрешается в со-

¹ Справочник по законодательству для председателя колхоза (составители В. Кузнецов, А. А. Рыгалин, А. А. Твердов), Госюриздат, М., 1962 г., стр. 434.

ответствии с законом, в частности ГК, и принимаются государственные меры для устранения незаконных норм в Уставе колхоза.

Вышеизложенную характеристику связи гражданского и колхозного права можно также отнести к взаимным связям колхозного права и земельного права в части регулирования земельных отношений в колхозах, колхозного права и административного права в части регулирования некоторых других имущественных отношений (отношения по взысканию административных штрафов, налоговые отношения, отношения по обязательному окладному страхованию).

Новый ГК Латвийской ССР имеет исключительно важную роль в регулировании договорных отношений колхозов. Эти отношения среди имущественных отношений колхозов занимают особое место и имеют первостепенное значение в выполнении производственно-финансового плана колхоза и в осуществлении тех задач, которые в настоящее время поставлены колхозному строю Программой КПСС и решениями февральского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС.

Можно сказать, что правильная организация договорных связей колхозов и надлежащее выполнение их договорных обязательств являются эффективным катализатором в процессе дальнейшего развития колхозного строя.

ГК Латвийской ССР регулирует все виды договорных отношений, возникающих в практике колхозного строительства, в частности договоры купли-продажи, поставки, государственной закупки сельскохозяйственной продукции, займа, имущественного найма, найма жилого помещения, безвозмездного пользования имуществом, подряда на капитальное строительство, комиссии, совместной деятельности, перевозки, государственного страхования и банковской ссуды. Все эти договоры имеют место в деятельности любого колхоза, и то обстоятельство, что законодатель включил их правовое регулирование в Гражданский Кодекс, является важным условием дальнейшего обеспечения социалистической законности и правопорядка в нашем гражданском обороте в целом и в гражданском обороте между промышленностью и сельским хозяйством, в частности. Правильное правовое регулирование этого оборота, который в период развернутого строительства коммунизма является в основном товарно-денежным оборотом, способствует выполнению единого народно-хозяйственного плана и поднятию колхозно-кооперативной собственности до уровня общенародной собственности.

Следует указать, что новый ГК Латвийской ССР заполнил существенный пробел в правовом регулировании договорных отношений социалистических организаций, который имел

место в старом ГК РСФСР, применявшемся на территории Латвийской ССР до 1 июня 1964 года (с этого дня вводился в действие ГК Латвийской ССР). ГК Латвийской ССР, наряду с Основами гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, свидетельствует также о несостоятельности доводов сторонников хозяйственного права, ссылающихся на такую специфику договорных отношений социалистических организаций, которая якобы вызывает необходимость исключить эти отношения из Гражданского кодекса и регулировать особым хозяйственным кодексом. Сама жизнь, в частности, практика колхозного строительства отвергнула эти доводы и требовала единого правового регулирования гражданского оборота в социалистическом обществе в едином гражданском законодательстве.

В период развернутого строительства коммунизма единство нашей хозяйственной жизни и гражданского оборота развивается и укрепляется. Поэтому и гражданское законодательство, регулирующее гражданский оборот, должно быть единым и в период развернутого строительства коммунизма.

ГК Латвийской ССР определяет основные нормы хозяйственных договоров. Эти нормы имеют принципиальное значение и служат правовой базой для дальнейшей конкретизации отдельных видов хозяйственных договоров, в том числе для разработки Типовых договоров контрактации, Положений о поставках, особых условий поставки отдельных видов продукции, Правил о договорах подряда на капитальное строительство и т. п.

Четкое правовое регулирование договорных отношений колхозов, которое достигается благодаря системе ГК Латвийской ССР, значительно облегчит работу руководителей колхозов, государственных и кооперативных организаций, призванных заключать и выполнять соответствующие договоры, а также работу судебных органов, призванных разрешать споры, возникающие в процессе выполнения договорных обязательств. В этой связи заслуживает положительной оценки и ныне действующий порядок рассмотрения гражданских колхозных дел, т. е. судебный порядок. Этот порядок сохранен и в новом Гражданском процессуальном кодексе Латвийской ССР, ст. 26 которого предусматривает, что споры, возникающие из гражданских, семейных, трудовых и колхозных правоотношений, если хотя бы одной из сторон в споре является гражданин или колхоз, за исключением случаев, когда разрешение таких споров отнесено законом к ведению административных или иных органов, в т. ч. органов колхоза, подведомственны суду. Судебная практика показала, что судебный порядок разрешения гражданских колхозных дел лучше обес-

печивает соблюдение интересов государства и колхозов, чем рассмотрение споров колхозов с другими юридическими лицами в арбитражном порядке. Суд имеет процессуальную возможность лучше и всесторонне проверить и выяснить обстоятельства дела, суд более доступен колхозу (имеется в виду, что народный суд находится в каждом районе), чем органы арбитража.

В связи с вступлением в действие нового ГК Латвийской ССР возникают и возникнут разные правовые вопросы, которые необходимо решать в практике колхозного строительства и в судебной практике с помощью юридической науки. Нет сомнений, что и все эти вопросы будут успешно разрешены общими силами наших юристов-практиков и научных работников. Освещение и разрешение данных проблем — наша ближайшая работа в будущем.

СООТНОШЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО И СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Принятием Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик (декабрь 1961 г.) и гражданских кодексов союзных республик (1963—1964 г. г.) в основном завершена новая кодификация советского гражданского законодательства. В качестве самостоятельной отрасли единого советского права, начиная уже с 1918 года развивается советское семейное право.

Раздельность кодификации гражданского и семейного законодательства была зафиксирована Конституцией СССР в 1947 году, когда п. «ч» ст. 14 Конституции СССР к ведению высших органов государственной власти СССР отнес установление Основ законодательства о браке и семье. Это было подтверждено также Законом от 11 февраля 1957 года, которым Верховный Совет СССР отнес к ведению Союза ССР установление Основ гражданского законодательства (п. «х» ст. 14 Конституции СССР). В силу этого ст. 2 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик установила, что семейные отношения регулируются семейным законодательством.

Таким образом гражданское и семейное законодательство и впредь будут развиваться как самостоятельные отрасли единого советского права. Этим, однако, не исключается, а, наоборот, предполагается самая тесная взаимосвязь между гражданским и семейным правом, ибо семейное право также как и гражданское право регулирует личные и имущественные отношения советских граждан, и субъектами гражданских прав и обязанностей нередко выступают граждане как члены семьи. Именно поэтому объективно невозможно полностью отделить семейное право от права гражданского.

Как с точки зрения дальнейшего развития гражданского и семейного законодательства (общесоюзная и республиканская кодификация семейного законодательства еще не завершена), так и с точки зрения законодательной техники, советской

правовой науки и методики преподавания советского гражданского и семейного права вопросы взаимосвязи гражданского и семейного законодательства и поныне являются весьма актуальными.

В процессе кодификации гражданского законодательства возник вопрос о том, каким образом должны быть отражены семейные отношения в гражданском праве.

Вопрос о влиянии гражданского законодательства на семейное несомненно возникнет в процессе кодификации семейного законодательства.

Внутренняя согласованность соответствующих норм гражданского и семейного законодательства имеет большое практическое значение для укрепления социалистической законности.

В данной статье ставится задача рассмотреть лишь некоторые вопросы влияния семейных отношений на гражданские правоотношения. Такое влияние в основном сказывается во всех тех институтах гражданского права, которые непосредственно регулируют отношения с гражданами (имеется в виду вопросы правосубъектности граждан, право личной собственности граждан, некоторые договорные и внедоговорные отношения, наследственное право).

Во многих институтах гражданского права используются понятия семейного законодательства, например, «супруг», «родители», «дети», «усыновители», «усыновленные» и др. (См. ст. ст. 13, 14, 17, 52, 106, 107, 129, 133, 246, 316, 317, 318, 459, 472, 473, 479, 554, 555, 558 ГК Лат. ССР). Разумеется, гражданское законодательство, пользуясь указанными понятиями, не может придать им отличный от семейного права смысл. Единство советского права уже само собой предопределяет одинаковое содержание указанных понятий во всех отраслях права, а именно то, которое вкладывается в них семейным законодательством.

В гражданском законодательстве часто встречается понятие «супруг» (ст. ст. 106, 107, 246, 316, 317, 479, 555, 558 ГК ЛССР). Как известно, ныне действующее семейное право супругами признает только лиц, брак которых заключен в предусмотренном законом порядке (ст. I КЗоБСО РСФСР). И в гражданском праве лишь такие лица могут считаться супругами. Фактическое сожительство, нередко в судебной практике и в правовой литературе именуемое «фактическим браком», не порождает права и обязанности в семейном праве. Такие лица не могут считаться супругами также в гражданском праве, в частности, для таких институтов как право личной собственности (ст. ст. 106, 107 ГК ЛССР, ст. ст. 106, 107 ГК РСФСР, ст. 459 ГК ЛССР), обязательственное право (ст. ст.

246, 316, 317, 479 ГК ЛССР), наследственное право (ст. ст. 555, 558 ГК ЛССР).

Подобное значение для гражданского права имеет семейно-правовое понятие родства. Родство предопределяет принадлежность к семье таких лиц, как родители, дети, братья, сестры и др. Основанием родства является факт происхождения одного лица от другого или нескольких лиц от общего предка. Однако связь, которая создается естественным происхождением, не всегда имеет юридическое значения. Родством в смысле юридического факта является происхождение, установленное в предусмотренном семейным законодательством порядке. Следовательно, когда налицо факт естественного происхождения, который не установлен в требуемом законом порядке (например, когда ребенок родился вне брака и связь между ним и его фактическим отцом не установлена, т. е., в актовой записи рождения не указаны сведения об отце ребенка) упомянутые лица в смысле семейного законодательства родственниками не считаются. Равным образом, они не могут быть родственниками также в смысле гражданского законодательства. Следовательно, нормы гражданских кодексов, в которых идет речь о родителях и детях (ст. ст. 13, 14, 17, 52, 106, 107, 129, 133, 246, 316, 317, 472, 473, 479, 555, 558 ГК ЛССР, ст. ст. 13, 14, 17, 56, 106, 107, 127, 130, 238, 301, 302, 450, 451, 460, 532, 535 ГК РСФСР) непосредственно к ним не могут быть отнесены. В противном случае нормы семейного права, признающие только зарегистрированный брак как основание прав и обязанностей супругов (ст. I КЗоБСО РСФСР), равно как и нормы определяющие возможности установления отцовства, были бы лишены практического смысла.

Если законодатель, кроме установленных родственных отношений, хотел бы учитывать также и факты естественного происхождения применительно к различным институтам гражданского права (ст. ст. 106, 316 ГК ЛССР), то об этом было бы непосредственно указано в законе.

В отдельных случаях гражданское законодательство охраняет интересы детей, отцовство которых не может быть установлено. Это имеет место в институте обязательств, возникающих вследствие причинения вреда в случае смерти кормильца (ст. 479 ГК ЛССР, ст. 460 ГК РСФСР), когда право на возмещение вреда имеют также нетрудоспособные лица, состоявшие на иждивении умершего. В данном случае не факт родства (отцовства), а факт иждивения является основанием права на получение возмещения вреда. Следовательно, дети, родившиеся вне брака, отцовство которых не установлено,

имеют право на возмещение вреда, если они признаны иждивенцами умершего кормильца.

В наследственном праве (ст. 555 ГК ЛССР, ст. 532 ГК РСФСР) к числу наследников по закону относятся нетрудоспособные лица, состоявшие на иждивении наследодателя не менее одного года до его смерти. Такими наследниками после смерти фактического отца могут быть дети, отцовство которых не установлено, если, конечно, они признаны иждивенцами наследодателя.

Обращает на себя внимание также ч. II ст. 553 ГК ЛССР, ст. 530 ГК РСФСР, которая между прочим направлена на охрану интересов детей, отцовство которых не установлено. Последние могут быть наследниками по завещанию. К тому же наследниками по завещанию могут быть также дети, зачатые при жизни наследодателя и родившиеся после его смерти.

В остальных случаях, т. е., когда об этом непосредственно не указано в законе, факты естественного происхождения, не установленные в предусмотренном законом порядке, в гражданском законодательстве учитываться не могут.

Подробнее необходимо остановиться на вопросе об отражении правовых последствий усыновления в нормах гражданских кодексов.

Усыновление в настоящее время по советскому праву является юридическим способом создания родственных отношений между лицами, до этого в родстве не состоявшими. Усыновление очень распространено, причем чаще всего усыновляются дети, имеющие к моменту усыновления либо одного, либо обоих родителей. Весьма редки случаи усыновления детей, оставшихся без родителей. Следовательно, во многих случаях у усыновленного может остаться один из родителей, который не прекращает связь с усыновленным. Нередко у него остаются также родители и другие родственники, с которыми все отношения прекращаются.

Важно отметить также и другую особенность практики по усыновлению, а именно, подавляющее большинство усыновлений (в последние годы почти все случаи усыновления) сопровождаются записью усыновителей в качестве родителей усыновленного и соответственно аннулируются прежние сведения о родителях в актовой записи о рождении, выдаются новые свидетельства о рождении.

Институт усыновления является институтом семейного права. Поэтому условия, порядок и отмена усыновления регулируются исключительно семейным законодательством. Более сложным является вопрос о правовых последствиях усыновления, ибо они касаются не только семейного, но и других отраслей права. Действующее в Латвийской ССР семейное законода-

тельство (ст. 64 КЗоБСО РСФСР) содержит норму, которая в общей форме определяет правовые последствия усыновления. Без подобной нормы не обойтись также и будущему семейному законодательству. Поскольку таким образом правовые последствия усыновления регулируются семейным правом, практическое значение регламентации этого вопроса непосредственно в гражданских кодексах невелико.

Во многих статьях ГК союзных республик наряду с «детьми» и «родителями» упоминаются также «усыновленные» и «усыновители» (ст. ст. 13, 14, 17, 52, 129, 133, 316, 472, 473, 555, 558 ГК ЛССР, ст. ст. 13, 14, 17, 52, 127, 130, 532, 535 ГК РСФСР). Однако в этом вопросе нет необходимой последовательности. Так, например, в ГК ЛССР в нормах, посвященных регулированию права личной собственности граждан (ст. ст. 106, 107), купли-продажи жилого дома (ст. 246), в ГК РСФСР в нормах, регулирующих право личной собственности граждан (ст. ст. 106, 107), найму жилого помещения (ст. ст. 301, 302), ответственность за вред, причиненный несовершеннолетними (ст. ст. 450, 451) не упоминаются усыновленные и усыновители, хотя в них идет речь о детях и родителях. Следует ли из этого делать вывод, что правовые последствия усыновления к упомянутым институтам гражданского права не имеют значения? Разумеется, такой вывод был бы неправильным.

Учитывая правовую природу усыновления, следует признать, что во всех тех случаях, когда в нормах ГК упоминаются родители и дети, подразумеваются также и усыновленные и усыновители. Поэтому, например, ограничения, предусмотренные ст. 106 ГК ЛССР и ст. 106 ГК РСФСР относительно права личной собственности граждан на жилой дом, касаются не только родных детей, но и усыновленных. Также, несмотря на то, что в ст. 301 ГК РСФСР к членам семьи нанимателя не отнесены усыновленные и усыновители, они все же таковыми будут считаться. Равным образом усыновители должны отвечать за вред, причиненный несовершеннолетним усыновленным (ст. ст. 450, 451 ГК РСФСР), хотя в этих статьях упомянуты только родители.

В гражданских кодексах (в разделах о наследственном праве) даются также общая норма о правовых последствиях усыновления применительно к наследованию по закону (см., например, ст. 555 ГК ЛССР, ст. 532 ГК РСФСР, ст. 532 ГК УССР, ст. 537 ГК Эст. ССР и др.). Причиной включения подобных норм в ГК, видимо, было то обстоятельство, что соответствующие нормы о правовых последствиях усыновления в семейном законодательстве явно устарели и больше не соответствуют требованиям времени, ибо семейные кодексы были приняты более тридцати лет тому назад, когда усынов-

ление носило совершенно иной характер (оно было главным образом формой принятия детей на воспитание). В ст. 64 КЗоБСО РСФСР не отражены те изменения, которые произошли в практике усыновления и в теоретических взглядах на усыновление, не учитываются изменения, внесенные в институт усыновления Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 сентября 1943 г.

Небезинтересно отметить, что не все ГК одинаково решают вопрос о правовых последствиях усыновления применительно к наследованию по закону. Так, например, ГК ЛССР (ст. 555), ГК РСФСР (ст. 532), ГК Каз. ССР (ст. 527) предусматривает, с одной стороны, полное прекращение прав наследования по закону между усыновленным (его потомством) и его родственниками по происхождению (усыновленные и их потомство не наследуют после смерти кровных родителей и других кровных родственников, кровные родители и другие кровные родственники усыновленного в свою очередь не наследуют после смерти усыновленного и его потомства). С другой стороны, усыновленные и их потомство наследуют лишь после смерти усыновителя, но не после смерти родственников усыновителя.

Совершенно иное решение этого вопроса дается в ГК УССР (ст. 532), ГК Эст. ССР (ст. 537), ГК Узб. ССР (ст. 582), ГК Лит. ССР (ст. 573). В этих республиках полное прекращение наследственных прав между усыновленным и его кровными родственниками сопровождается полным включением усыновленного в семью усыновителя) применительно к наследственному праву), ибо возникают наследственные права также между усыновленным и родственниками усыновителя. Такое решение следовало бы считать более правильным, не ущемляющим интересы усыновленного. И, если в общесоюзных Основах законодательства о браке и семье правовые последствия усыновления будут направлены на полное включение усыновленного в семью усыновителя, с возникновением прав и обязанностей не только между усыновленным и усыновителем, но также и между усыновленным и родственниками усыновителя, как об этом неоднократно предлагалось в советской юридической литературе, то упомянутые нормы ГК ЛССР, РСФСР, Каз. ССР, как противоречащие общесоюзному семейному законодательству, будут лишены силы.

Следовательно, указания на правовые последствия усыновления в таком виде, в каком они нашли выражение в ГК союзных республик, нельзя считать вполне удачным. Они в какой-то мере даже осложняют правильное понимание норм гражданского права, так как из них может создаваться неправильное представление, будто бы усыновление имеет пра-

вовое значение для гражданских правоотношений лишь в тех случаях, когда об этом непосредственно указано в нормах ГК. Таким образом, не учитывается взаимосвязь между гражданским и семейным законодательством.

Семейное законодательство близко соприкасается с общими положениями ГК. Особенно это касается правосубъектности граждан. Правоспособность граждан непосредственно связана с такими фактами, как рождение и смерть гражданина. Фиксация этих фактов определяется нормами, регулирующими акты гражданского состояния. Однако эти нормы содержатся не в ГК, а в основном в семейных кодексах. Совершенно правильно указал Г. М. Свердлов, что факты, которые фиксируются в актах гражданского состояния, являются такими фактами, которые характеризуют статус физического лица безотносительно к его семейному положению. Поэтому вопрос об актах гражданского состояния в целом рассматривается в науке гражданского права¹.

Дееспособность граждан — это исключительно институт гражданского права. Следовательно, также замещение и восполнение гражданской дееспособности таким субъектам гражданского права, которые полностью недееспособны (т. е., несовершеннолетние, не достигшие 15 летнего возраста и признанные недееспособными вследствие душевной болезни или слабоумия), либо которые обладают лишь частичной дееспособностью (несовершеннолетние в возрасте от 15 до 18 лет и граждане, дееспособность которых ограничена вследствие того, что они злоупотребляли спиртными напитками или наркотическими веществами) также должно быть предметом гражданского-правового регулирования. Однако замещение или восполнение дееспособности происходит при помощи института опеки и попечительства, который регламентируется не нормами гражданского, а семейного законодательства. Уже Г. М. Свердлов совершенно обоснованно и правильно отметил, что нормы об опеке и попечительстве регулируют более широкий круг вопросов, чем тот, который касается семьи, ибо они охватывают собою не только опеку и попечительство над малолетними и несовершеннолетними.²

Для более полного и точного представления об опеке и попечительстве следовало бы еще добавить, что и в тех случаях, когда опека и попечительство охватывает малолетних и несовершеннолетних, оно предназначено в основном для замещения или восполнения недостающей дееспособности. Следовательно, совершенно правильно то положение, что инсти-

¹ Г. М. Свердлов, Советское семейное право, М., 1958, стр. 28.

² Там же, стр. 27.

тут опеки и попечительства рассматривается наукой гражданского, а не семейного права. Поэтому нельзя присоединиться к утверждению Т. Б. Мальцман и А. И. Пергамент, что институт опеки и попечительства якобы имеет своей целью создать несовершеннолетнему условия воспитания, создать семейные отношения между опекуном и подопечным; что же касается опеки над взрослыми недееспособными, то она имеет своей основной целью также заботу и уход за этими лицами³.

Таким образом, опека и попечительство является способом замены или восполнения дееспособности. Следовательно необходима согласованность между нормами семейного права, регулирующими опеку и попечительство, и нормами гражданского права, регулирующими дееспособность граждан. Однако такой согласованности в настоящее время нет вследствие того, что в новом гражданском законодательстве повышена возрастная граница, с которой возникает частичная дееспособность у несовершеннолетних, а нормы семейного законодательства об опеке и попечительстве соответственно не были изменены. Так, согласно ст. 14 ГК ЛССР несовершеннолетние, не достигшие 15 лет, считаются полностью недееспособными и сделки от их имени совершают родители (усыновители) или опекуны. Согласно же ст. 69 КЗоБСО РСФСР опека учреждается над несовершеннолетними лишь до 14 лет. Над несовершеннолетними от 14 до 18 лет учреждается попечительство (ст. 70 КЗоБСО РСФСР). Таким образом, возрастные границы, предусмотренные семейным и гражданским законодательством в данном случае регулирующими по существу один и тот же вопрос, не совпадают.

Теоретически правильным можно считать такой вывод, что ст. ст. 13 и 14 ГК ЛССР как более новые автоматически меняют ст. ст. 69 и 70 КЗоБСО РСФСР, в настоящее время действующего в Латв. ССР, хотя и по данному вопросу не лишними были бы указания нормативного порядка.

Только что рассмотренный вопрос о замене или восполнении дееспособности имеет прямое отношение к гражданско-правовому институту представительства. Речь идет о представительстве в силу закона в тех случаях, когда представителями являются родители (усыновители) или опекуны представляемого.

Тесная связь между семейным и гражданским правом налицо в области имущественных отношений членов семьи. Имущественные отношения семейно-правового характера

³ Т. Б. Мальцман, А. И. Пергамент. Теоретические вопросы систематизации законодательства о браке и семье. Сборник: Теоретические вопросы систематизации советского законодательства, М., 1962, стр. 354.

между членами семьи (супругами, родителями и детьми и другими родственниками) фактически исчерпываются алиментацией. Остальные имущественные отношения (в области права собственности, обязательственного права, наследственного права) являются предметом гражданского-правового регулирования. И, хотя ст. 2 Основ гражданского законодательства предусматривает, что семейные отношения регулируются семейным законодательством, например, отношения личной собственности между родственниками полностью охватываются гражданско-правовой регламентацией, и родственники, будучи членами семьи в правоотношениях собственности выступают исключительно как субъекты гражданского права. Что же касается собственности супругов, то действующее семейное законодательство (ст. 10 КЗоБСО РСФСР) содержит лишь принципиальное указание на то, какое имущество считается общей совместной собственностью, какое раздельной собственностью супругов, и каким образом устанавливается размер доли в общем имуществе супругов в случаях спора.

Поскольку право собственности несомненно является институтом гражданского права, вряд ли в новом семейном законодательстве вопросы собственности супругов получат более детальную регламентацию по сравнению с действующим семейным законодательством. Как видно, семейное право регулирует только внутрисемейные имущественные отношения супругов по поводу их общей или раздельной собственности. Во вне такие отношения супругов по поводу собственности являются гражданско-правовыми, и супруги выступают в них лишь как субъекты гражданского права.

Каково влияние семейных отношений на право личной собственности граждан? Во-первых, состояние в качестве члена семьи является основанием для признания за гражданином права собственности на часть совместно возведенного членами семьи строения. Поскольку семейное законодательство не знает общего семейного имущества в семьях рабочих и служащих, за исключением общей собственности супругов), то отношения по общей собственности между такими членами семьи регулируются нормами гражданского права об общей долевой собственности (ст. ст. 117—126 ГК ЛССР).

В законодательстве не определен круг членов семьи, обладающих рассматриваемым правом. К таким членам семьи могут быть отнесены, как правило, родственники застройщика. Однако факт родственных отношений не имеет самостоятельного значения. Он, как вытекает из указания Пленума Верховного Суда СССР от 31 июля 1962 г. «О судебной практике по делам о праве личной собственности на строения», является одним из факторов, который может влиять на признание род-

ственника собственником части строения. Другим фактором является договоренность о создании общей собственности, невозражение исполкома против изменения договора о предоставлении земельного участка.⁴

Наличие семейных отношений является основанием для некоторого ограничения права личной собственности граждан на жилые строения, как одного из основных объектов права личной собственности граждан.

Ст. 106 ГК ЛССР (ст. 106 ГК РСФСР) определяет, что «у совместно проживающих супругов и их несовершеннолетних детей может быть только один дом или часть дома, принадлежащего на праве личной собственности одному из них или находящегося в их общей собственности». Совокупность указанных в ст. 106 ГК ЛССР обстоятельств (семейная связь — родство, супружество, совместное проживание, несовершеннолетие детей) означает, что такой круг лиц действительно образует одну семью и наличие одного жилого дома должно удовлетворять их потребности в жилом помещении. К тому же, в исключительных случаях (большая семья или в других случаях) согласно ч. 6 ст. 106 ГК ЛССР разрешается построить либо приобрести дома, жилая площадь которого превышает установленный ч. 4 ст. 106 ГК ЛССР предельный размер жилого дома.

Ст. 106 ГК ЛССР также как и ст. 182 ранее действовавшего ГК РСФСР направлена на достижение одной и той же цели: разрешить гражданам иметь в личной собственности жилой дом для удовлетворения разумных потребностей в жилом помещении и воспрепятствовать использованию дома для извлечения нетрудовых доходов. Но одни только обязательно-правовые средства (ст. 182 ГК РСФСР 1922 г.) оказались недостаточно эффективными для достижения этой цели, так как требования ст. 182 ГК РСФСР не касалась права наследования.

В новом гражданском законодательстве ограничивается не только распоряжение жилым домом, но непосредственно также и владение и пользование одновременно несколькими домами (ст. 106 ГК ЛССР). Предусмотрены также обязательно-правовые средства (ст. 246 ГК ЛССР, ст. 238 ГК РСФСР), которые кроме соблюдения правил ст. 106 ГК ЛССР, запрещает от имени продавца, его супруга и их несовершеннолетних детей продавать более одного дома или части дома в течение трех лет (за исключением случаев, предусмотренных ст. 107 ГК ЛССР). В отличие от ст. 106 ГК ЛССР ограничение продажи жилого дома относится к супругам и их несовер-

⁴ Бюллетень Верховного суда СССР, 1962, № 5, стр. 23).

шеннолетним детям независимо от того, проживают ли они совместно или раздельно.

Соприкосновение гражданского и семейного законодательства выражается также в том, что в таких институтах гражданского права, как наем жилого помещения, обязательства, возникающие вследствие причинения вреда, наследование по закону, важную роль играет определение круга членов семьи.

Совпадает ли круг членов семьи в семейном и гражданском законодательстве? Иными словами, может ли гражданское законодательство пользоваться понятием круга членов семьи из семейного права, или в отдельных институтах гражданского права он должен определяться самостоятельно? В связи с разработкой нового гражданского законодательства в правовой литературе высказывалась мысль о том, что при создании новых гражданских кодексов и норм, регулирующих отношения по найму жилых помещений «следует исходить из единого понятия семьи, урегулированного брачно-семейным кодексом»⁵

Бесспорно, что круг членов семьи в семейном, гражданском и в других отраслях советского права не должен существенно отличаться. К тому же с точки зрения применения правовых норм было бы весьма желательно унифицировать круг членов семьи (и понятие члена семьи) для всех отраслей советского права.

Однако в каждом правовом институте, в котором должен быть установлен круг правомочных и правообязанных субъектов — членов семьи, преследуются свои самостоятельные цели. Поэтому вполне понятно, что не исключаются некоторые различия при установлении круга членов семьи, например, относительно алиментного обязательства, наследственного, жилищного, пенсионного законодательства.

В гражданском праве не может быть использовано единое понятие семьи или единое понятие круга членов семьи из семейного законодательства ввиду того, что в семейном законодательстве нет такого единого понятия круга членов семьи. Он устанавливается по разному для различных институтов семейного права.

В алиментном обязательстве, например, для более отдаленных родственников установлен субсидиарный характер этого обязательства. Понятно, что такой порядок возникновения прав для членов семьи нельзя применить в жилищном праве. На практике весьма редко возникают алиментные обязательства между братьями и сестрами, между внуками и дедом (бабкой). В жилищном праве гораздо чаще приходится

⁵ И. Б. Марткович. «К разработке Основ гражданского законодательства СССР». Правоведение, 1958, № 1, стр. 65).

рассматривать их членами семьи. К тому же, в жилищном праве иногда членами семьи считаются лица, которые между собой не связаны никакими семейными правами и обязанностями, как, например, более отдаленные родственники, а также нетрудоспособные иждивенцы (ч. 4 ст. 316 ГК ЛССР).

Необходимость определения круга членов семьи нанимателя вытекала из ст. 56 Основ гражданского законодательства (ч. 1 ст. 316 ГК ЛССР). Однако общесоюзные Основы не установили круга членов семьи нанимателя; они также не содержат указания на то, что такой круг обязательно должен быть установлен в нормативном порядке в республиканских гражданских кодексах. Ранее действовавшее гражданское законодательство не давало нормативного определения круга членов семьи нанимателя. Последний определялся судебной практикой, исходя из фактических обстоятельств каждого конкретного случая.

Большинство предложений, выдвинутых в правовой литературе в связи с подготовкой новых республиканских гражданских кодексов, склонялись к тому, чтобы в нормативном порядке определить общее понятие члена семьи нанимателя. Новые гражданские кодексы содержат такое общее понятие члена семьи. (См., например, ст. 316 ГК ЛССР, ст. 301 ГК РСФСР, ст. 283 ГК УССР, ст. 307 ГК Эст. ССР, ст. 336 ГК Узб. ССР, ст. 278 ГК Каз. ССР и др.).

Не все республиканские ГК одинаково определяют понятие члена семьи. Большинство ГК союзных республик, в том числе ГК ЛССР и РСФСР безусловно к членам семьи нанимателя относит супруга нанимателя, их детей и родителей. Другие родственники, а также нетрудоспособные иждивенцы могут быть признаны членами семьи нанимателя при условии, если они проживают совместно с нанимателем и ведут с ним общее хозяйство. Законодатель совершенно обоснованно отклонил выдвинутые в литературе предложения относительно уточнения срока совместного проживания и ведения общего хозяйства (не менее одного года).

Совместное ведение хозяйства и совместное проживание не менее одного года не всегда может быть критерием признания лиц членами семьи, хотя бы и в жилищном праве. Когда целью вселения определенного лица в нанятое нанимателем жилое помещение было лишь временное совместное проживание, хотя бы и на срок больше одного года, вряд ли имеются достаточных оснований для того, чтобы считать такие лица членами одной семьи? И, наоборот, вряд ли было бы правильным не считать членами семьи применительно к жилищному праву лиц, которые проживали совместно с нанимателем и вели с ним общее хозяйство менее одного года, если указан-

ные лица вселились с целью постоянного совместного проживания с нанимателем. Небезинтересно указать на ст. 336 ГК Узб. ССР, согласно которой даже для признания супруга, детей и родителей членами семьи нанимателя требуется их совместное проживание.

Те конкретные жилищные права, ради которых устанавливается общее понятие члена семьи нанимателя, неоднородны по своему характеру. Вопрос о членах семьи нанимателя возникает по различным поводам: во-первых, в связи с правом нанимателя на вселение других граждан в нанятое им жилое помещение и, во-вторых, в связи с приобретением членами семьи нанимателя права на жилую площадь.

Что касается права вселения других граждан в нанятое жилое помещение, то для различных категорий вселяемых лиц, в зависимости от близости родства и других обязательств, ГК предусматривает различные условия вселения (ст. ст. 317, 318 ГК ЛССР). Приобретение членами семьи прав на жилую площадь практически имеет место лишь в случаях совместного проживания, следовательно, главным образом, после осуществления нанимателем права на вселение этих лиц в нанятое им жилое помещение. (ч. III ст. 318 ГК ЛССР, ч. III ст. 302 ГК РСФСР).

Таким образом нормативное определение члена семьи нанимателя в какой-то мере лишается практического значения. К тому же, оно не совсем точно. Так, например, в ст. 316 ГК ЛССР (ст. 301 ГК РСФСР) упомянуты «другие родственники». Неизвестно, о каких родственниках идет речь. И почему собственно говоря речь идет только о родственниках, а не также о лицах, состоящих в свойстве или других гражданах? Между прочим, ст. 336 ГК Узб. ССР имеет в виду «других граждан», а не только «других родственников».

Семейное право тесно соприкасается с той частью **наследственного права**, которую К. Маркс образно называет семейным правом наследования⁶ — наследованием по закону. Влияние семейного права здесь главным образом выражается в том, что установленный гражданским правом круг наследников по закону в основном совпадает с наиболее вероятным кругом членов семьи наследодателя и с кругом лиц, обладающих имущественными правами в области семейного законодательства.

Цели передачи имущества умершего его наследникам в известной мере менялись в процессе развития нашего социалистического общества. Следовательно, менялось также правовое регулирование наследования. В начальном периоде развития

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. XIII, ч. I, стр. 388.

советского наследственного права наследование по закону в значительной мере преследовало цель материального обеспечения нетрудоспособных членов семьи умершего. Это не вызывает сомнений ввиду прямого указания в ст. 2 Декрета Об отмене наследования, изданного ВЦИК от 27 апреля 1918 г.

Элемент материального обеспечения нетрудоспособных членов семьи наследователя в советском наследственном праве сохранился до настоящего времени. Об этом свидетельствуют преимущества, предусмотренные наследственным правом для нетрудоспособных наследников (в смысле права на обязательную долю в наследстве).

Однако нетрудно убедиться и в том, что функция материального обеспечения нетрудоспособных членов семьи в советском наследственном праве уменьшается, и в то же время значительно возрастает значение семейной (в основном родственной) связи как основы возникновения прав наследования по закону.

Если по первоначальной редакции ст. 418 ГК РСФСР 1922 г. наследственное право предоставлялось довольно узкому кругу наследников (лишь супругу и самым близким нисходящим родственникам), то Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. в круг наследников по закону включил также родителей (в зависимости от их трудоспособности либо в первую, либо во вторую очередь наследников) и братьев и сестер наследователя. Чтобы учитывать близость семейных отношений между наследодателем и наследниками, Указом от 14 марта 1945 г. была установлена очередность призвания к наследованию, а также наследование по праву представления (последнее в отношении внуков и правнуков наследодателя).

Такой характер наследования по закону позволяет создать для более близких членов семьи наследодателя преимущественное положение по сравнению с более отдаленными членами семьи. Практика показала, что именно такой порядок полностью соответствует как интересам отдельных членов семьи, так и интересам укрепления семьи в целом. Поэтому новое гражданское законодательство сохраняет такой же порядок наследования по закону и на будущее время, с тем однако отличием, что в общесоюзном законодательстве (ст. 118 Основ гражданского законодательства) определяется лишь круг наследников первой очереди. Право установления последующих очередей было предоставлено республиканскому законодательству. При этом в новом законодательстве еще больше усиливается значение факта родственных отношений между наследодателем и наследниками, а факт нетрудоспособности отодвигается на второй план.

Если до вступления в силу Основ гражданского законодательства наследниками первой очереди, между прочими, были нетрудоспособные лица, состоявшие на иждивении умершего, и только нетрудоспособные родители наследодателя, то Основы в качестве наследников первой очереди включили уже всех родителей, независимо от их трудоспособности. Нетрудоспособные лица, состоявшие на иждивении умершего, наоборот, лишились своего преимущественного положения быть наследниками первой очереди. При наличии других наследников они наследуют наравне с наследником той очереди, которая призывается к наследованию (ст. 118 Основ, ст. 555 ГК ЛССР).

Все это свидетельствует о том, что функция материального обеспечения нетрудоспособных членов семьи в советском наследственном праве значительно потеряло свое значение, что она не является наиболее характерной чертой советского наследственного права. Об ограничении обеспечительной функции в действующем наследственном праве свидетельствует также значительное расширение свободы завещания (ст. 119 Основ, ст. 557 ГК ЛССР, ст. 534 ГК РСФСР). Таким образом, самому наследодателю предоставляется возможность наиболее рационально определить судьбу своего имущества на случай смерти. Это дает возможность также учитывать фактическую близость отношений между наследодателем и членами его семьи.

Итак, развитие советского наследственного права характеризуется: 1) уменьшением роли обеспечительной функции наследования; 2) расширением свободы завещания и 3) повышением роли родственных отношений как основы для установления круга наследников по закону.

По действующему законодательству основными наследниками первой очереди являются: дети, супруги и родители наследодателя. Кроме них, наследниками первой очереди являются также внуки и правнуки наследодателя (однако они наследуют по праву представления) и другие нетрудоспособные лица, состоявшие на иждивении наследодателя не менее одного года до его смерти.

Ст. 118 Основ гражданского законодательства предусмотрела, что законодательство союзных республик может установить последующие очереди наследников по закону, которые призываются к наследованию только: 1) при отсутствии наследников первой очереди или 2) при неприятии ими наследства. Кроме этих, непосредственно указанных в ст. 118 Основ гражданского законодательства условий наследники последующих очередей могут быть призваны к наследованию, если

наследодатель путем завещания лишил наследников первой очереди наследства.

В ГК союзных республик установлены последующие очереди наследников по закону. В большинстве ГК установлена лишь вторая очередь. В ГК Каз. ССР (ст. 527) установлена также и третья очередь.

Что касается круга наследников последующих очередей, то в нем включены братья и сестры наследодателя, имевшие право наследования также и по ранее действовавшему законодательству. Кроме братьев и сестер в круг наследников включены дед и бабушка наследодателя, как со стороны отца, так и со стороны матери (ст. 555 ГК ЛССР, ст. 532 ГК РСФСР, ст. 530 ГК УССР, ст. 536 ГК Эст. ССР, ст. 580 ГК Узб. ССР). Некоторую особенность имеют, например, ГК Узб. ССР и Каз. ССР. Так в ст. 580 ГК Узб. ССР предусмотрено наследование по праву представления также для детей брата или сестры наследодателя («Если кто-либо из братьев и сестер наследодателя умрет до открытия наследства, их дети наследуют поровну в той доле, которая причиталась бы при наследовании по закону их умершему родителю»).

В ст. 527 ГК Каз. ССР в качестве наследников второй очереди считаются дед и бабушка, а также нетрудоспособные братья и сестры наследодателя. В третью очередь трудоспособные братья и сестры наследодателя.

Таков круг наследников по закону. В основном он совпадает с кругом членов семьи, обладающих семейными правами и обязанностями.

Что касается порядка призвания наследников последующих очередей к наследованию, то в тех республиках, где установлена лишь вторая очередь наследников, все наследники этой очереди наследуют одновременно и в равных долях.

Тесная взаимосвязь гражданского и семейного законодательства (в данной статье коротко были рассмотрены лишь основные точки соприкосновения гражданского и семейного права), и, следовательно, взаимосвязь научного анализа институтов семейного и гражданского права выдвигает также вопрос о методике преподавания этих правовых дисциплин с целью улучшения учебного процесса.

Ныне действующий порядок преподавания указанных дисциплин, позволяющий ознакомить студентов с институтом семейного права лишь в конце курса гражданского права вряд ли является самым рациональным способом преподавания этих дисциплин, ибо, например, изучая институты дееспособности, опеки и попечительства, представительства, права собственности, жилищного права, обязательства из причинения вреда, мы часто сталкиваемся с понятиями, содержание кото-

рых раскрывается только при изучении семейного права, как об этом указывалось выше.

Несмотря на самостоятельное развитие семейного законодательства уже начиная с 1918 года, семейное право преподавалось в качестве раздела гражданского права до 1949 года, когда в учебных планах юридических факультетов семейное право было включено в качестве самостоятельной дисциплины, преподавание которой велось наряду с последней частью гражданского права. Однако, несмотря даже на это, еще долгое время после 1949 года в учебных программах курса гражданского права семейное право включилось в качестве одной из тем гражданского права (перед наследственным правом) и соответственно этому в учебниках советского гражданского права, изданных в 1951 и даже в 1961 г. г. перед правом наследственным дается краткое изложение институтов семейного права. В целях устранения дублирования в последние годы вопросы семейного права исключены из программ курса советского гражданского права.

Не затрагивая такого кардинального вопроса, как объединение советского социалистического семейного права с советским социалистическим гражданским правом (такой вопрос уже неоднократно выдвигался представителями советской гражданско-правовой науки), все же хотелось бы обратить внимание на то, насколько нерационально ознакомить студентов с семейным правом лишь в самом конце изучения гражданского права, или, еще хуже, после изучения курса гражданского права.

Не только вопросы об актах гражданского состояния и опеки, попечительстве непосредственно относятся к характеристике правосубъектности граждан. Полная характеристика гражданина как субъекта гражданских прав невозможна, не зная таких институтов семейного права как брак, установление родственных отношений, усыновление.

Нецелесообразнее ли поэтому сосредоточить изучение институтов семейного права не наряду с последними институтами и гражданского права, а, наоборот, наряду с изучением правосубъектности граждан?

В таком случае, конечно, могут возникать и некоторые затруднения, например, при анализе имущественных прав супругов, ибо студенты еще незнакомы с понятием права общей собственности. Но известные трудности вообще не неизбежны до тех пор, пока гражданское и семейное законодательство будет существовать в качестве самостоятельных отраслей советского права, пока преподавание гражданского и семейного права будут вестись в качестве отдельных, самостоятельных дисциплин.

О РЕГУЛИРОВАНИИ ОСНОВНЫХ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА В ГПК ЛАТВИЙСКОЙ ССР

27 декабря 1963 года на третьей сессии Верховного Совета Латвийской ССР шестого созыва был принят Гражданский процессуальный кодекс Латвийской ССР. ГПК Латвийской ССР вступил в силу с 1 июня 1964 года.

До введения в действие ГПК Латвийской ССР на территории Советской Латвии действовал ГПК РСФСР, принятый в 1923 году.

ГПК РСФСР 1923 года, несомненно, сыграл большую роль в построении социализма и укреплении социалистической законности в Латвийской ССР. Однако с победой социализма и вступлением нашей страны на путь развернутого строительства коммунизма этот кодекс, принятый в условиях новой экономической политики, значительно отставал от требований и задач настоящего времени, во многом устарел.

Целые главы и отдельные статьи, утратившие силу и не применявшиеся в связи с экономическими и социально-политическими изменениями, происшедшими в нашей стране, множество неинкорпорированных норм гражданского процессуального права, накопившихся вне кодекса, пробелы, неясности и неточности отдельных норм и несоответствие многих институтов исследованиям теории процессуального права и положительному опыту судебной практики — вот, основные недостатки, которыми страдал ГПК РСФСР 1923 года.¹

Советское гражданское процессуальное право, регулирующее судопроизводство по гражданским делам, способствует осуществлению задач коммунистического строительства, в частности, воспитанию нового человека коммунистического общества.

¹ См. подробнее статью Р. Ф. Каллистратовой «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации». «Советское государство и право», 1964, № 8, стр. 24—25.

В Программе КПСС указывается, что в наше время «большое значение приобретает дальнейшее укрепление социалистического правопорядка, совершенствование правовых норм, регулирующих хозяйственно-организаторскую и культурно-воспитательную работу, содействующих решению задач коммунистического строительства и всестороннему расцвету личности.»¹

Значительный вклад в осуществление требований Программы КПСС в области правосудия по гражданским делам внесли Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик.²

Основы установили принципиальные и общие положения гражданского процессуального законодательства. Детальное урегулирование гражданских процессуальных отношений и конкретных институтов гражданского процессуального права последовало в гражданских кодексах союзных республик с учетом местных экономических, национальных и культурно-бытовых особенностей.

Принятие гражданских процессуальных кодексов в союзных республиках знаменует собой новый этап в усовершенствовании гражданского процессуального законодательства, которое призвано к дальнейшему укреплению социалистической законности в гражданских, трудовых, семейных и других областях правовых отношений, защищаемых в порядке гражданского судопроизводства.

Значение соблюдения процессуальных норм особо подчеркнуто в Программе КПСС, требующей осуществления правосудия в СССР «... при строжайшем соблюдении судом ... всех процессуальных норм».³ Точное соблюдение требований социалистической законности в гражданском процессе во многом зависит от четкого регулирования в ГПК всех институтов гражданского процессуального права.

В принятом ГПК Латвийской ССР институты гражданского процессуального права регулируются посредством норм трех видов.⁴ Во-первых, в ГПК Латвийской ССР включены все нормы Основ гражданского судопроизводства; во-вторых, ГПК содержит нормы, развивающие и конкретизирующие Ос-

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. Госполитиздат, М., 1961, стр. 105.

² В дальнейшем сокращенно «Основы» или «Основы гражданского судопроизводства» в зависимости от контекста.

³ Программа Коммунистической партии Советского Союза. Госполитиздат, М., 1961, стр. 106.

⁴ Нижеследующая классификация норм ГПК дана в статье Р. Ф. Каллистратовой «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. «Советское государство и право», 1964, № 8, стр. 27—28.

новы, и, в-третьих, нормы, непосредственно несвязанные с Основами.

В настоящей статье главное внимание уделено анализу норм двух последних групп, так как в них сосредоточены новинки ГПК Латвийской ССР в регулировании институтов гражданского процессуального права.

* *
*

1. В связи с принятием новых гражданских процессуальных кодексов многие институты гражданского процессуального права потерпели существенные изменения, в том числе и институт лиц, участвующих в деле.

В гражданском процессе принимает участие определенный круг лиц (субъектов), находящихся в правовых отношениях с судом, осуществляющим правосудие по гражданским делам. Процессуальное положение субъектов гражданских процессуальных правоотношений не одинаково, так как различных цели и формы участия в гражданском процессе.

Еще до принятия Основ процессуальное законодательство из всех субъектов выделило лиц, участвующих в деле (см., например, ст. ст. 99, 110, 112, 235 ГПК РСФСР 1923 г.). Однако в законодательстве не было единообразия в терминологии для обозначения этого института.

В юридической литературе, наряду с наименованием «лица, участвующие в деле», часто встречаются другие термины, например, «участники гражданского процесса»,¹ «основные участники процесса»,² «субъекты гражданского процесса»,³ «субъекты процессуальной деятельности» и другие. При этом некоторые авторы не видят разницы между «участниками процесса» и «лицами, участвующими в деле».⁴

Однако главным недостатком ГПК РСФСР 1923 г. в регулировании данного института являлось не отсутствие единства в терминологии, а отсутствие **определения круга лиц, участвующих в деле.**

Выработка научно обоснованного определения круга лиц, участвующих в деле, имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение. Успешное разрешение лю-

¹ Д. М. Чечот. Участники гражданского процесса. Госюриздат, М., 1960.

² П. П. Гуреев. Судебное разбирательство гражданских дел. Госюриздат, М., 1959, стр. 49.

³ Гражданский процесс. М., 1948, стр. 79.

⁴ См., например, Д. М. Чечот. Участники гражданского процесса. Госюриздат, М., 1960, стр. 12—13.

бого правового спора в суде в значительной степени зависит от правильного разграничения лиц, участвующих в деле, от других участников процесса. Кроме того, точного определения круга лиц, участвующих в деле, требовало и то обстоятельство, что участвующие в деле лица в гражданском процессе пользуются определенными **общими** процессуальными правами и обязанностями.

В правовой литературе не имеется единого мнения о критерии для определения лиц, участвующих в деле.

Одни процессуалисты считают, что лицами, участвующими в деле, являются те участвующие в процессе, которые выступают **от своего имени** для защиты либо своих субъективных прав или интересов, либо прав или интересов других лиц,¹ т. е. лица, юридически заинтересованные в процессе. Другие к лицам, участвующим в деле, относят как субъектов юридически заинтересованных, так и не заинтересованных в исходе дела.²

С принятием Основ законодатель внес ясность в терминологию, установив для обозначения субъектов, юридически заинтересованных в процессе, термин «лица, участвующие в деле» (Основы, раздел II), а для наименования всех субъектов гражданских процессуальных правоотношений — термин «**участники процесса**» (Основы, ст. 22).

Однако вопрос о круге лиц, участвующих в деле, остается спорным и после принятия Основ гражданского судопроизводства. В юридической литературе по разному толкуется процессуальное положение представителей сторон и третьих лиц. Одни считают, что включение нормы о судебном представительстве (ст. 28) в разделе II Основ означает, что законодатель относит к лицам, участвующим в деле, представителей.³ Сторонники противоположных взглядов объясняют помещение ст. 28 в разделе II Основ тем, что представительство в суде является одной из форм осуществления сторонами и третьими лицами права на защиту своих интересов в процессе.⁴

В новых гражданских процессуальных кодексах союзных республик также по-разному определяется круг лиц, участвующих

¹ Советское гражданское процессуальное право. Высшая школа, 1964, стр. 73.

² К. С. Юдельсон, А. Ф. Козлов, Ю. К. Осипов, В. М. Семенов. К проекту закона «Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик». «Правоведение», 1960, № 4, стр. 46.

³ М. М. Ильинская, Л. Ф. Лесницкая. Судебное представительство в гражданском процессе. Издат. «Юридическая литература», М., 1964, стр. 22—23.

Д. Р. Джалилов. Гражданское процессуальное правоотношение и его субъекты. Душанбе, 1962, стр. 4.

⁴ Советское гражданское процессуальное право. Высшая школа. 1964, стр. 121.

щих в деле. По одним кодексам представители сторон и третьих лиц не являются лицами, участвующими в деле (например, ГПК РСФСР, ГПК УзССР и др.); по другим — представители отнесены к участвующим в деле лицам.

В ГПК Латвийской ССР к лицам, участвующим в деле, отнесены стороны, третьи лица, представители сторон и третьих лиц, прокурор, органы государственного управления, профсоюзы, государственные учреждения, предприятия, колхозы и иные кооперативные и общественные организации и отдельные граждане, защищающие права других лиц, заявители и заинтересованные лица по делам, возникающим из административно-правовых отношений и по делам особого производства (ст. 30).

Таким образом, ГПК Латвийской ССР лицами, участвующими в деле, признал **всех** тех субъектов, которые участвуют в процессе для защиты своих субъективных прав и интересов, или общественных и государственных интересов, или прав и интересов других лиц и могут совершать действия, направленные на возникновение, развитие и окончание процесса.

В ст. 31 ГПК Латвийской ССР дается перечень процессуальных прав, общих для лиц, участвующих в деле. Участвующие в деле лица имеют право знакомиться с материалами дела, делать из них выписки, участвовать в судебных заседаниях; заявлять отводы; представлять доказательства, участвовать в исследовании доказательств, давать устные и письменные объяснения суду, представлять свои доводы и соображения, возражать против ходатайств, доводов и соображений других лиц, участвующих в деле, обжаловать решения и определения суда и др. Все лица, участвующие в деле, несут обязанность добросовестно пользоваться принадлежащими им процессуальными правами.

Каждое лицо, участвующее в деле, может пользоваться специальными процессуальными правами и обязано нести исключительно на него возложенные обязанности, если, конечно, в ГПК такие предусмотрены. Например, только стороны могут окончить дело мировым соглашением (ст. 35 ГПК), передавать спор на рассмотрение третейского или товарищеского суда (ст. 158 ГПК). Только истец вправе изменить основание или предмет иска, увеличить или уменьшить размер исковых требований, или отказаться от иска. Только ответчик вправе признать иск (ст. 35 ГПК) и предъявить к истцу встречный иск (ст. 135 ГПК).

Иногда для выяснения объема процессуальных прав каждого участвующего в деле лица в отдельности необходимо прибегать к сопоставлению общей нормы (31 ст. ГПК) и специальных норм ГПК. Так, например, согласно ст. 31 ГПК

представители, являясь лицами, участвующими в деле, имеют право обжаловать решения и определения суда.

Однако специальная норма, определяющая полномочия представителей (ст. 46 ГПК), устанавливает, что представитель имеет право обжаловать решение суда лишь тогда, если это специально оговорено в доверенности, выданной представляемым.

В результате сопоставления приведенных норм, приходим к выводу, что представитель имеет право обжаловать решение суда тогда, когда это прямо предусмотрено в доверенности, а право обжаловать определения суда представитель имеет независимо от наличия такой оговорки в доверенности, если, конечно, закон допускает обжалование данного определения отдельно от кассационной жалобы.

2. Чтобы занять процессуальное положение стороны, третьего лица (лица, участвующего в деле), такое лицо должно обладать гражданской процессуальной правоспособностью, т. е. способностью иметь процессуальные права и нести соответствующие обязанности, а чтобы участник процесса мог своими действиями осуществлять процессуальные права и выполнять обязанности, необходимо, чтобы он обладал гражданской процессуальной дееспособностью.

В ГПК РСФСР 1923 г. процессуальная правоспособность и дееспособность не были урегулированы, хотя эти институты имели большое значение в судебной практике.

Основы частично устранили существующий пробел: в ст. 24 было определено понятие стороны и установлено, каким лицам принадлежит способность участвовать в гражданском деле в качестве стороны, т. е. указано на результат обладания процессуальной правоспособностью.

Гражданским процессуальным кодексам союзных республик предстояло дать полное определение процессуальной правоспособности и дееспособности участников процесса.

Необходимо отметить, что в теории гражданского процессуального права не имеется единой точки зрения об этих понятиях. Одни авторы отождествляют гражданскую процессуальную правоспособность с гражданской правоспособностью¹, вторые, хотя признают гражданскую процессуальную правоспособность, но считают ее производной из гражданской правоспособности².

¹ Е. А. Флейшиц. Соотношение правоспособности и субъективных прав. Вопросы общей теории советского права. Госюриздат, 1960, стр. 277.

² Гражданский процесс. М., 1948, стр. 86.

На несостоятельность этих взглядов уже указывалось в правовой литературе авторами, признающими самостоятельность процессуальной правоспособности и дееспособности.¹

В ГПК Латвийской ССР, так же как и в принятых кодексах других союзных республик, положительно решен вопрос о самостоятельности гражданской процессуальной правоспособности и дееспособности.

Гражданская процессуальная правоспособность в ГПК Латвийской ССР сформулирована как способность иметь гражданские процессуальные права и обязанности, которая признается в равной мере за всеми гражданами СССР и юридическими лицами (ст. 32 ГПК). Как вытекает из ст. 440 ГПК, гражданской процессуальной правоспособностью обладают также иностранные граждане, иностранные предприятия и организации за исключением тех ограничений, которые устанавливает Совет Министров СССР. Кроме того гражданскую процессуальную правоспособность имеют лица без гражданства (апатриды), проживающие в СССР (ст. 441 ГПК).

Гражданской процессуальной дееспособностью по ГПК Латвийской ССР является способность лично осуществлять свои права в суде и поручить ведение дела представителю (ст. 33 ГПК).

Полной процессуальной дееспособностью обладают юридические лица с момента своего возникновения и граждане, достигшие совершеннолетия, т. е. 18 лет. Дееспособность не имеют несовершеннолетние граждане до 15 лет, а также граждане, признанные судом недееспособными вследствие душевной болезни или слабоумия. Их права в суде защищают законные представители, которые совершают от имени недееспособных все процессуальные действия, кроме ограничений, предусмотренных законом (ст. 49 ГПК).

Несовершеннолетние граждане в возрасте от 15 до 18 лет обладают ограниченной процессуальной дееспособностью. Дееспособность граждан может быть ограничена решением суда вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими веществами (ст. ст. 261—265 ГПК).

По общему принципу права ограничено дееспособных в суде защищают их законные представители. Однако суд обязан привлечь к участию также самых ограниченно дееспособных.

Исключения составляют трудовые и колхозные дела, а также споры, возникающие из сделок, связанных с распоря-

¹ Н. А. Чечина. Гражданские процессуальные отношения. Издат. Ленинградского университета, 1962, стр. 26—29. Д. Р. Джалилов. Гражданское процессуальное правоотношение и его субъекты, Душанбе, 1962, стр. 38—39.

жением полученным заработком. По этим делам несовершеннолетние граждане в возрасте от 15 до 18 лет могут лично защищать в суде свои права. Привлечение к участию в таких делах законных представителей зависит от усмотрения суда.

Как свидетельствует содержание приведенной выше ст. 32 ГПК, гражданскую процессуальную правоспособность в равной мере имеют как граждане, так и юридические лица. Это положение ГПК в полной мере можно отнести лишь к сторонам и третьим лицам, так как согласно ст. ст. 34 и 38 ГПК сторонами и третьими лицами в гражданском процессе могут быть только граждане и юридические лица.

В юридической литературе уже справедливо отмечалось, что органы государственного управления, государственные учреждения, предприятия и общественные организации, для того, чтобы они могли предъявлять иск в интересах других лиц или участвовать в процессе для дачи заключения по делу, не обязательно должны быть юридическими лицами.¹

То же самое можно сказать об общественных организациях и коллективах трудящихся, направляющих своих представителей для изложения суду мнения по поводу рассматриваемого судом гражданского дела (ст. 149 ГПК).

3. Положения Программы КПСС о всемерном развитии советской демократии, широком привлечении общественных организаций к управлению государственными делами и о повышении роли Советов депутатов трудящихся, профсоюзов, комсомола и других общественных организаций² получили свое проявление и в гражданском процессе, в частности, в институте участия органов государственного управления, профсоюзов, учреждений, предприятий, организаций и отдельных граждан в процессе для защиты прав и интересов других лиц. Регулирование этого института в ГПК Латвийской ССР обращает на себя внимание и потому, что до принятия Основ и новых ГПК союзных республик процессуальное положение органов государственного управления и общественных организаций, участвующих в процессе для защиты прав других лиц и интересов государства, почти не было регламентировано.

До введения в действие Основ правовым основанием для участия органов государственного управления и общественных организаций в гражданском процессе служили ст. 172 и

¹ Д. Р. Джалилов. Правовое положение лиц, участвующих в гражданском деле. В сб. Некоторые вопросы кодификации гражданского процессуального законодательства союзных республик. Душанбе, 1962, стр. 47—48.

² Программа Коммунистической партии Советского Союза. Госполитиздат, М., 1961, стр. 102—110.

п. «ж» ст. 80 ГПК РСФСР и соответствующие статьи кодексов других союзных республик. Не отражая действительной сущности указанного института, эти нормы вызвали длительные теоретические споры¹ и разнообразную судебную практику. Основы закрепили право органов государственного управления, профсоюзов, государственных учреждений, предприятий, колхозов и иных кооперативных и общественных организаций или отдельных граждан в случаях, предусмотренных законом, предъявить иск в защиту прав и охраняемых законом интересов других лиц (Основы, ст. 30).

По смыслу этой нормы Основ, законом должны быть установлены случаи, когда указанные органы государственного управления, учреждения, предприятия, общественные организации и отдельные граждане могут предъявить иск в защиту прав и законных интересов других лиц. В ходе обсуждения проектов ГПК союзных республик было высказано предложение в кодексах установить четкий перечень этих случаев.²

В ГПК Латвийской ССР установлены некоторые случаи возбуждения гражданского дела в интересах других лиц.

Так, согласно ст. 230 ГПК каждый гражданин, несогласный с решением исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся по его заявлению о неправильности в списке избирателей, может обратиться в народный суд с жалобой, независимо от того, допущена ли неправильность в списке по отношению лично к нему или другому лицу. Дела о признании гражданина недееспособным или ограниченно дееспособным по ГПК Латвийской ССР могут быть начаты как по заявлению членов его семьи и других заинтересованных лиц, так и по заявлению прокурора, органов опеки и попечительства, профсоюзных и иных общественных организаций, а также психиатрических лечебных учреждений (ст. 261 ГПК). В интересах государства дела о признании имущества бесхозным могут начать исполнительные комитеты

¹ См., например, Р. Ф. Каллистратова. Институт «особого участия» государственных и общественных организаций в советском гражданском процессе. Автореферат. М., 1954; А. А. Добровольский. Участие органов государственного управления в советском гражданском процессе, М., 1958; Д. М. Чечот. Участники гражданского процесса. М., 1960; С. В. Бырдина. Участие органов государственного управления в советском гражданском процессе. Саратов. 1963, и др.

² П. П. Гуреев. Основы гражданского судопроизводства и некоторые вопросы подготовки проектов ГПК союзных республик. «Сов. гос. и право», 1963, № 2, стр. 107; Н. И. Авдеенко, М. А. Кабакова, А. С. Муравьева, Н. А. Чечина, Д. М. Чечот. Основы гражданского судопроизводства и вопросы процессуального законодательства союзных республик. «Правоведение», 1962, № 2, стр. 67.

местных Советов депутатов трудящихся и финансовые органы (ст. 267 ГПК).

Для выявления остальных случаев предъявления исков в защиту прав и охраняемых законом интересов других лиц и интересов государства необходимо обратиться к другим законам (ст. 42 ГПК). Так, кроме упомянутых случаев, по законодательству, действующему в Латвийской ССР, правовыми основаниями для предъявления исков в защиту прав или интересов других лиц являются ст. 66 КЗоБСО РСФСР, ст. 151 КЗоТ РСФСР и ст. 44 Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях.

В принятом ГК Латвийской ССР также предусмотрены отдельные случаи предъявления исков в защиту прав других лиц или интересов государства. Согласно ст. 59 ГК Латвийской ССР, сделка, совершенная под влиянием обмана, насилия, угрозы или крайней нужды, может быть признана недействительной как по иску самого потерпевшего, так и по иску государственной или общественной организации.

ГК Латвийской ССР расширил право исполнительных комитетов местных Советов депутатов трудящихся на предъявление иска в государственных и общественных интересах. Так, исполнительные комитеты районных (городских) Советов депутатов трудящихся возбуждают дело о безвозмездном изъятии имущества, приобретенного гражданами на нетрудовые доходы или используемого для извлечения нетрудовых доходов (ст. ст. 110, 111 ГК). Исполнительные комитеты местных Советов депутатов трудящихся также могут предъявлять иски об изъятии бесхозяйственно содержимых домов (ст. 143 ГК).

Все же нельзя не заметить ограниченное количество приведенных случаев возбуждения гражданских дел в интересах других лиц или государства. Следует также отметить, что в ГПК Латвийской ССР не вошла такая испытанная судебной практикой норма, как ранее содержащееся в ст. 2-а ГПК РСФСР 1923 г. право органов охраны материнства и младенчества, профсоюзов, отделов актов гражданского состояния возбуждать дела о взыскании средств на содержание детей.

Представляется, что институт участия органов государственного управления, государственных учреждений, предприятий, общественных организаций и отдельных граждан в процессе для защиты прав и законных интересов других лиц должен получить более широкое применение в судебной практике, чем до сих пор. Поэтому было бы целесообразно, приведя законодательство Латвийской ССР в соответствие с отсылочными нормами ГПК, в перечень, кроме упомянутых случаев возбуждения гражданских дел в защиту прав дру-

гих лиц, включить дела о взыскании алиментов, о лишении родительских прав, о признании сделок недействительными, о взыскании неосновательного приобретения и сбереженного имущества и другие дела, касающиеся прав и интересов детей, престарелых и лиц, страдающих физическими и психическими недостатками, в силу которых они сами не могут осуществлять защиту своих прав, а также дела, затрагивающие интересы общества и государства.¹

ГПК Латвийской ССР предусматривает еще одну форму защиты интересов других лиц, а именно: в виде дачи заключения по делу.

Согласно ч. II ст. 30 Основ органы государственного управления в целях осуществления возложенных на них обязанностей могут в предусмотренных законом случаях участвовать в процессе для дачи заключения по делу. В правовой литературе справедливо подчеркивается, что таким правом пользуются лишь органы государственного управления и что другие государственные и общественные организации не могут участвовать в деле для дачи заключения.²

Ввиду этого возникает вопрос о соответствии Основам ч. III ст. 42 ГПК Латвийской ССР, согласно которой «участие указанных органов государственного управления, профсоюзов, государственных учреждений, предприятий, колхозов или иных кооперативных и общественных организаций или отдельных граждан в процессе для дачи заключения по делу является обязательным, если суд признает это необходимым».

Сопоставляя ч. II ст. 30 Основ и приведенную норму ГПК Латвийской ССР, можно придти к выводу, что ч. III ст. 42 ГПК действует лишь в отношении участия в процессе органов государственного управления, так как согласно Основам суд не может привлечь для дачи заключения по делу ни учреждения, предприятия, общественные организации, ни отдельных граждан.

4. В соответствии с решениями XX и XXI съездов КПСС о привлечении широких народных масс к управлению делами государства и о повышении роли общественных организаций появились также новые формы участия общественности в су-

¹ П. П. Гуреев. Основы гражданского судопроизводства и некоторые вопросы подготовки проектов ГПК союзных республик. «Советское государство и право», 1963, № 2, стр. 107.

² Советское гражданское процессуальное право. Высшая школа, 1964, стр. 113; Научно-практический комментарий к Основам гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Госюриздат, 1962, стр. 115—116.

дебном разбирательстве гражданских дел, требующие своего правового урегулирования.

Идея о широком привлечении общественности в отправлении правосудия была высказана В. И. Лениным еще на седьмом съезде РКП (б), состоявшемся в Петрограде 6—8 марта 1918 года.¹

Эта ленинская идея нашла свое воплощение, в частности, в ст. 36 Основ, которая впервые закрепила в законодательном порядке установившуюся в судебной практике новую форму участия представителей общественности в судебном разбирательстве для изложения суду мнения уполномочивших их общественных организаций или коллективов трудящихся по поводу рассматриваемого судом дела.

Развивая данный институт, ГПК Латвийской ССР определил процессуальное положение и объем прав представителей общественных организаций и коллективов трудящихся.

Представители общественности по ГПК Латвийской ССР не являются лицами, участвующими в деле. В юридической литературе дано подробное теоретическое обоснование такого процессуального положения представителей общественности.² В то же время в правовой науке высказано предложение о возможности и путях сближения в будущем процессуальных положений представителей общественности и лиц, участвующих в деле.³

Из ч. II ст. 149 ГПК Латвийской ССР вытекает, что представители общественности могут быть выдвинуты только на собраниях общественных организаций или коллективов трудящихся или на заседаниях выборных органов общественных организаций (ФЗМК, партбюро и др.). На этих собраниях или заседаниях должен обсуждаться возникший между сторонами гражданский спор и должно быть выявлено мнение коллектива по существу дела, так как уполномоченный представитель излагает суду не свое личное, а мнение коллектива или организации.

Практика отдельных народных судов Латвийской ССР показывает, что в результате обсуждения на собраниях общественных организаций или коллективов трудящихся спора, возникшего между гражданами, под влиянием общественного мнения во многих случаях достигается мировое соглашение сторон. Так, например, данные народного суда Ок-

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 27, стр. 111.

² А. С. Муравьева, Ф. Ф. Никитинский, Н. А. Чечина. Участие общественности в рассмотрении судами гражданских дел. Госюриздат, М., 1963, стр. 32—34.

³ Р. Ф. Каллистратова. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. «Сов. гос. и право», 1964. № 8, стр. 30.

тябрьского района гор. Риги по делам о взыскании алиментов на содержание детей с отцов, проживающих совместно со семьей, свидетельствуют о том, что эти споры после их рассмотрения на собраниях общественности по месту жительства или работы ответчиков в большинстве случаев закончились примирением сторон; ответчики начали добровольно выполнять свои обязанности, и иски о взыскании алиментов были отозваны.

Не могут решать вопрос о направлении на судебное заседание представителей от общественных организаций или коллектива единолично председатели выборных органов и администрация предприятий и учреждений. Поэтому правильно поступил народный суд Цесисского района Латвийской ССР, не допустив к участию в качестве представителя общественности от колхоза «Сарканайс Карогс» Мелбардиса Р. П., так как им была представлена доверенность, выданная председателем колхоза, и в судебном заседании было установлено, что собрание коллектива по вопросу выдвижения представителя общественности не состоялось.

Привлечение общественности к участию в разбирательстве гражданского дела чаще всего происходит по инициативе суда, прокурора или лиц, участвующих в деле. Ст. 145 ГПК (п. 6) обязывает судью в стадии подготовки дела к судебному разбирательству разрешить вопрос об извещении общественных организаций и коллективов трудящихся о целесообразности участия их представителя в судебном разбирательстве.

В практике судов Латвийской ССР имеются случаи, когда привлечение общественности в порядке ст. 36 Основ последует по указанию Верховного Суда при новом рассмотрении дела после отмены решения в кассационном или надзорном порядке. Такую практику следует признать правильной, так как отдельные судьи еще недооценивают того большого воспитательного значения, которое имеет участие представителей общественных организаций и коллективов трудящихся в судебном процессе.

Участие представителей общественности в процессе способствует также полному выяснению обстоятельств дела, повышает авторитет судебного решения.

Однако суд не может **обязать** общественные организации и коллективы трудящихся направлять своих представителей на судебное заседание для изложения мнения организаций или коллективов по данному делу. Об участии в судебном разбирательстве во всех случаях решают сами общественные организации и коллективы трудящихся, исходя из кон-

кретных обстоятельств дела, независимо от того, по чьей инициативе они привлекаются к участию в деле.

Данные обобщения судебной практики о привлечении общественности к разбирательству гражданских дел в Латвийской ССР показывают, что представители общественности участвуют по делам, в которых затрагиваются конституционные права или разрешаются существенные интересы граждан. Так, например, больше всего представителей общественности участвовало по делам о выселении из квартир и о восстановлении на работе.

Решив выделить представителя для изложения суду мнения по поводу рассматриваемого дела, общественная организация или коллектив трудящихся ходатайствует перед судом о допуске к участию в процессе их представителя. Ходатайство о допуске представителя общественности суд разрешает в судебном заседании определением после заслушивания мнений лиц, участвующих в деле.

Удостоверением полномочий представителей общественных организаций и коллективов трудящихся являются выписки из постановлений общего собрания или выборного органа общественной организации или коллектива (ст. 149 ГПК). Выписка из протоколов собраний или заседаний удостоверяет не только полномочия данного представителя, но и дает гарантию того, что он перед судом будет высказывать действительное мнение общественности.

Отдельные народные судьи Латвийской ССР допускают в качестве представителей общественности лиц без наличия выписки из постановлений, а на основании представленных доверенностей. Так, народный суд Ленинского района гор. Риги по делу Дмитриевых об обмене квартир допустил в качестве представителя от профсоюзной организации Рижского радиозавода им. А. С. Попова Крекауса К. К., которым была представлена только доверенность, выданная заводским комитетом. Кроме того народный суд не выяснил, обсуждался ли вопрос о выдвижении общественного представителя коллективом или заводским комитетом профсоюза.

На нарушения требований ст. 149 ГПК Латвийской ССР в части проверки полномочий представителя общественности также не всегда указывается Верховным Судом Латвийской ССР при рассмотрении дел в кассационном или надзорном порядке.

В судебном разбирательстве большое значение имеет объективность выступления представителя общественности, поэтому в ГПК Латвийской ССР предусмотрена возможность отвода представителя общественной организации или кол-

лектива трудящихся, если он лично, прямо или косвенно, заинтересован в исходе дела или если имеются иные обстоятельства, вызывающие сомнение в его беспристрастности (ст. 22 ГПК). Из этого следует, что суды обязаны проверять, не имеются ли отводы к представителю общественности. Однако из протоколов судебного заседания некоторых народных судов Латвийской ССР не видно, опрашивались ли лица, участвующие в деле, об отводе представителя общественности.

В законе ничего не сказано о форме определений суда о допуске к участию в судебном разбирательстве представителя общественности. На практике такие определения обычно заносятся в протокол судебного заседания.

По смыслу ст. 225 ГПК определение об отказе в допуске представителя общественности к участию в деле должно быть мотивированным, принятым в совещательной комнате в виде отдельного процессуального документа.

Определения суда о допуске представителей общественности, а также определения об отказе в допуске представителей общественности к разбирательству дела по ГПК Латвийской ССР не могут быть обжалованы или опротестованы отдельно от решения суда. Возражения против этих определений могут быть включены в кассационную жалобу или протест (ст. 321 ГПК).

Закон не ограничивает количество представителей общественности, допускаемых к участию в судебном разбирательстве по одному делу.

В этом вопросе следует согласиться с мнением, что одна общественная организация или коллектив трудящихся может быть представлен в суде не больше чем одним представителем.¹

В практике судов Латвийской ССР не было случаев, когда от одной организации или коллектива было бы выдвинуто несколько представителей. В большинстве случаев представитель общественности выдвигается на собрании коллектива по месту работы или жительства стороны, на заседании профсоюзного комитета или на совместном заседании партийного бюро, профсоюзного комитета и администрации.

Изложение суду мнения организации или коллектива является главной, но не единственной целью участия представителей общественности в судебном разбирательстве.

В судебной практике представители общественности поль-

¹ А. С. Муравьева, Ф. Ф. Никитинский, Н. А. Чечина. Участие общественности в рассмотрении судами гражданских дел. Госюр-издат, 1963, стр. 30.

зовались довольно широкими правами уже до принятия новых ГПК союзных республик.¹

Учитывая положительный опыт, накопленный судебной практикой, ГПК Латвийской ССР наделил представителей общественности не только правом знакомиться с материалами дела, присутствовать на судебных заседаниях, и высказать мнение уполномочившей его организации или коллектива о данном споре, но и представлять доказательства, участвовать в исследовании доказательств, задавать вопросы участвующим в деле лицам, свидетелям и экспертам, представлять свои доводы и соображения по всем вопросам, возникающим в ходе судебного разбирательства, а также участвовать в судебных прениях (ст. 149 ГПК).

Процессуальные права представителей общественности несколько уже по сравнению с правами лиц, участвующих в деле. Представители общественности могут участвовать лишь в заседании суда первой инстанции, не имеют кассационного права и некоторых других процессуальных прав.

В практике судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Латвийской ССР имело место участие представителей общественности при рассмотрении дел в кассационном порядке. Так, в деле по иску Управления домами № 35 гор. Риги к Демиденко И. В. о выселении из квартиры по поручению местного комитета Прибалтийского отделения проектного института «Гипростройматериалы», в котором работает ответчица, в судебном заседании народного суда Московского района гор. Риги принял участие представитель общественности Лукомский. При рассмотрении дела в кассационном порядке местный комитет направил для участия в деле Мистюкову А. М. Судебная коллегия допустила Мистюкову участвовать в деле в качестве представителя общественности в порядке ст. 36 Основ.

Подобная практика является неправильной, так как ГПК Латвийской ССР не предусматривает участие представителей общественных организаций или коллективов трудящихся в кассационной и надзорной инстанциях.

5. По ГПК Латвийской ССР гражданские дела в суде могут возбуждать лица, заинтересованные в защите своих субъективных прав и интересов, прокурор, а также органы государственного управления, профсоюзы, государственные учреждения, предприятия, колхозы и иные кооперативные и общественные организации или отдельные граждане в слу-

¹ Л. Лесницкая. Решение в новом ГПК РСФСР вопросов, возникающих в судебной практике. «Советская юстиция», 1964, № 16, стр. 4.

чаях, когда по закону они имеют право обратиться в суд за защитой прав и интересов других лиц (ст. 5 ГПК).

С учетом опыта многолетней практики применения ст. 2-а и ст. 172-а ГПК РСФСР 1923 года в ГПК Латвийской ССР суд в отдельных случаях наделен правом возбуждать производство по своей инициативе. Так, по собственной инициативе суда могут быть взысканы убытки, причиненные выплатой работнику денежных сумм вследствие неисполнения решения суда о восстановлении на работе, в пользу предприятия, учреждения, организации с должностного лица, виновного в неисполнении решения суда (ч. II ст. 414 ГПК).

В некоторых случаях суд по своей инициативе может возбудить исполнительное производство — направить исполнительный лист для исполнения, извещения об этом взыскателя. Такое право согласно ст. 348 ГПК суд имеет по делам о конфискации имущества, взыскании денежных сумм в доход государства, взыскании ущерба, причиненного преступлениями имуществу государственных, общественных и кооперативных организаций, взыскании алиментов, взыскании возмещения вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья, а также смертью кормильца и по делам о взыскании денежных сумм с должностных лиц, виновных в неправильном увольнении или переводе работника, либо в неисполнении решения суда о восстановлении на работе. Изложенные права суда раскрывают подлинно демократический характер диспозитивности советского гражданского процесса и показывают активную роль суда в осуществлении защиты субъективных прав и законных интересов советских граждан.

6. Некоторые изменения и дополнения, внесенные в процессуальное законодательство ГПК Латвийской ССР, касаются института судебного решения, важнейшего акта социалистического правосудия по гражданским делам.

В ГПК дано определение судебного решения, ограничивающее его от других постановлений суда. Согласно ст. 193 ГПК решением суда является такое постановление суда первой инстанции, которым дело **разрешается по существу**.

Решение должно выноситься судом немедленно после рассмотрения дела (ч. III ст. 193 ГПК). Таким образом, в ГПК не сохранено исключение из принципа непрерывности гражданского процесса, когда в силу ст. 177 ГПК РСФСР 1923 г. при особой сложности дела суд мог оглашать в том же судебном заседании только резолютивную часть решения, а изготовление мотивированного решения отложить на срок до трех дней.

По ГПК Латвийской ССР только с наступлением ночного времени суд вправе для отдыха прерывать совещание и постановление решения (ст. 194 ГПК).

По республиканскому законодательству, действовавшему до принятия ГПК Латвийской ССР, судебное разбирательство дел искового производства заканчивалось постановлением решения, а разбирательство дел особого производства и дел, возникающих из административно-правовых отношений — постановлением определения.

В порядке обсуждения проектов ГПК союзных республик в юридической литературе справедливо указывалось, что для сохранения этих различий в новых ГПК нет никаких оснований, так как унификации порядка судебного разбирательства гражданских дел (судебное разбирательство дел особого производства и дел, вытекающих из административно-правовых отношений, после издания Основ имеет отдельные несущественные особенности по сравнению с исковым производством) должна последовать унификация судебных постановлений.¹

Процессуальное законодательство в Латвийской ССР, так же как в других союзных республиках, пошло по пути унификации судебных постановлений. По ГПК Латвийской ССР дела всех производств, разрешенные судом **по существу**, заканчиваются решениями суда.

В связи с изложенным вызывает сомнение ст. 110 ГК Латвийской ССР, согласно которой безвозмездное изъятие строений и автомобилей, приобретенных гражданами на нетрудовые доходы, происходит постановлением суда по материалам исполнительного комитета районного (городского) Совета депутатов трудящихся. На наш взгляд, эти дела также должны заканчиваться постановлением решения, так как их разбирательство согласно ГПК Латвийской ССР должно протекать по правилам искового производства.

В соответствии со ст. 44 Основ в ГПК Латвийской ССР установлено, что **все решения** судов Латвийской ССР, кроме решений Верховного Суда Латвийской ССР, могут быть обжалованы или опротестованы в кассационном порядке. Эта норма привлекает к себе внимание потому, что до принятия Основ некоторые решения народных судов не подлежали обжалованию, например, по жалобам на неправильности в списках избирателей и на действия административных органов о наложении штрафа.

¹ А. А. Мельников. Постановления суда по делам особого производства. «Советское государство и право», 1963, № 6, стр. 130.

Гражданскому процессуальному праву давно известно правило, согласно которому по существу правильное решение суда не может быть отменено лишь по одним формальным соображениям. Однако процессуальные нарушения по своему характеру и последствиям могут быть разные.

Практика кассационных и надзорных инстанций до сих пор испытывала трудности в связи с тем, что в ГПК РСФСР 1923 года, также как в кодексах других союзных республик, не было установлено, какие процессуальные нарушения относятся к формальным и какие являются безусловными основаниями для отмены судебных решений.¹

ГПК Латвийской ССР восполнил этот пробел процессуального законодательства, установив исчерпывающий перечень безусловных оснований для обязательной отмены обжалованных или опротестованных решений. К таким основаниям ГПК относит: рассмотрение судом дела в незаконном составе или без извещения какого-либо из лиц, участвующих в деле, о времени и месте судебного заседания, нарушение правил о языке судопроизводства, нарушение тайны совещания судей; отсутствие в деле протокола судебного заседания, отсутствие подписи кого-либо из судей на решение суда и другие процессуальные нарушения, перечисленные в ст. 312 ГПК. Остальные нарушения или неправильности применения норм процессуального права являются основанием отмены решения **лишь при условии, если это нарушение привело или могло привести к неправильному разрешению дела** (ч. 1 ст. 312 ГПК).

Поэтому правильно поступила судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Латвийской ССР при рассмотрении в кассационном порядке дела по иску В. к ремонтно-механическому заводу «Дарбс» о взыскании заработной платы. Представитель ответчика ходатайствовал об отмене решения народного суда и об оставлении иска без рассмотрения в связи с тем, что истицей не соблюден установленный для данной категории дел порядок предварительного внесудебного разрешения спора. Судебная коллегия не признала данное процессуальное нарушение основанием для отмены по существу правильного решения суда.

7. В ГПК РСФСР 1923 г. не был урегулирован институт поворота исполнения судебного решения, кроме единствен-

¹ См. Л. Лесницкая. Решение в новом ГПК РСФСР вопросов, возникающих в судебной практике, «Советская юстиция», 1964, № 16, стр. 5.

ного случая — поворота исполнения по трудовым делам (ст. 254-д ГПК РСФСР).

ГПК Латвийской ССР установил процессуальный порядок рассмотрения вопроса о повороте исполнения судебных решений и правила поворота самого исполнения.

Согласно ст. 438 ГПК рассмотреть и разрешить вопрос о повороте исполнения обязан по своей инициативе сам суд, в который дело передано на новое рассмотрение. Если дело рассматривается в кассационном или в надзорном порядке и суд своим определением или постановлением окончательно разрешает спор или прекращает производство по делу, либо оставляет иск без разрешения, то он обязан разрешить вопрос о повороте исполнения решения, либо передать его на разрешение суда первой инстанции (ст. 439 ГПК).

По общему принципу в случае поворота исполнения ответчику должно быть возвращено все то, что было с него взыскано в пользу истца по отмененному решению (ст. 437 ГПК).

Исключение составляют дела о взыскании алиментов, о взыскании денежных сумм по требованиям, вытекающим из трудовых правоотношений, о взыскании вознаграждения за использование авторского права, права на открытие, изобретение, на которое выдано авторское свидетельство, и рационализаторское предложение, о взыскании возмещения вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья, а также смертью кормильца. По этим делам в случае отмены решений в порядке надзора поворот исполнения допускается только тогда, если истец действовал недобросовестно, т. е., отмененное решение было основано на сообщенных истцом ложных сведениях или представленных им подложных документах. По делам об алиментах поворот исполнения не допускается также при отмене решения в кассационном порядке, за исключением указанных случаев недобросовестных действий со стороны истца (ст. 439 ГПК).

* *
*

Все институты, урегулированные в нормах ГПК Латвийской ССР, создают прочные гарантии защиты в гражданском судопроизводстве политических, трудовых, жилищных и других личных и имущественных прав и охраняемых законом интересов граждан, а также прав и охраняемых законом интересов юридических лиц.

Принятие ГПК Латвийской ССР, также как принятие других кодексов, ставит перед органами суда и прокуратуры,

государственными и общественными организациями республики ответственные задачи по применению в практике норм ГПК и их популяризации в широких массах трудящихся Латвийской ССР.

Серьезные задачи стоят также перед научными работниками и всеми юристами. Их задача, говоря словами Л. Ф. Ильичева, дать «...анализ действующих законов и их применения в жизни, анализ новой практики, основанные на конкретных исследованиях научные рекомендации по дальнейшему усовершенствованию советского законодательства».¹

¹ Л. Ф. Ильичев. Общественные науки и коммунизм. Издат. АН СССР, М., 1963, стр. 100.

ИЗ ИСТОРИИ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СОВЕТСКОЙ ЛАТВИИ В 1918—1919 ГОДАХ

1. СОЗДАНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ЛАТВИИ

История образования Советской власти в Латвии неразрывно связана с развитием революции в России. Революционное рабочее движение в Латвии развивалось в тесной связи с борьбой российского пролетариата и под его непосредственным влиянием.

7 ноября (25 октября) 1917 года в Петрограде совершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, свергнувшая власть буржуазии и помещиков и установившая диктатуру пролетариата в форме Советской власти.

Трудящиеся Латвии не только приветствовали великие события в Петрограде, но и активно поддержали победоносное восстание.¹

Революционные латышские стрелки заняли города Цесис, Валмиеру и Валку с целью осуществления революционной власти² и защиты революционного Петрограда от корниловских мятежников и полчищ немецкого генерала Гинденбурга, готовивших захват Петрограда, ликвидацию Советов и установление власти военной диктатуры.

В то же время в неоккупированной части Латвии (в трех уездах: Валкском, Валмиерском и Цесисском) начал создаваться новый, советский строй.

С 16—18 декабря 1917 года в Валмиере состоялся II съезд Советов рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии³.

Съезд провозгласил Советскую власть на всей территории Латвии. В резолюции, принятой съездом, говорилось, что

¹ 1. «Сīņa», 1917. g. 31. oktobrī Nr. 10.

² История гражданской войны в СССР, т. II, ОГИЗ 1943, стр. 470.

³ Latvijas strādnieku, kareivju un bezzemnieku Deputātu Padomes un Vidzemes Padomes «Ziņotājs» Nr. 2, 1917. gada 14. decembrī.

диктатура пролетариата установилась в Латвии в результате развития социалистической революции в России.

19 декабря 1917 года Совет рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии избрал первое Советское правительство Латвии, которое руководствовалось законами РСФСР.

Съездом было постановлено, что основной задачей Советской власти в Латвии является строительство социализма: уничтожение частной собственности на орудия и средства производства, на землю, заводы и фабрики и что на предприятиях немедленно устанавливается рабочий контроль, вводится 8-часовой рабочий день, социальное страхование и т. д.

Советская власть в неоккупированной части Латвии существовала недолго: немецкие войска захватили всю Латвию, развивая наступление на революционный Петроград, чтобы уничтожить там Советскую власть.

Трудящиеся Латвии во время немецкой оккупации вели непримиримую борьбу против немецких оккупантов, местных баронов и латышской буржуазии. Идеи Великой Октябрьской социалистической революции и достижения Советского государства в России имели громадное влияние среди широких масс Латвии.

Трудящиеся Латвии с помощью пролетариата России развернули великую борьбу за Советскую власть, против немецких оккупантов и латышских буржуазных националистов.

К концу января 1919 года эта борьба увенчалась успехом; была освобождена почти вся территория Латвии. Под немецкой оккупацией осталась лишь небольшая часть Курляндской губернии — город Лиепая и его окрестности.

17 декабря 1918 года **Временное Советское правительство Латвии** в Валке приступило к работе и опубликовало Манифест Советского правительства рабочих, безземельных крестьян и стрелков Латвии.¹

В Манифесте сказано: «Именем мировой Революции, объединяющей и освобождающей пролетариев всех стран, мы нижеподписавшиеся объявляем, что с сего дня вся государственная власть в Латвии снова находится в руках Советского Правительства... Мы отменяем все законы, распоряжения и учреждения, навязанные как феодальным немецким дворянством, так и царским истинно-русским самодержавием, как германским империализмом, так и русскою буржуазиею».

¹ Вестник Советского Правительства Латвии № 1, от 1 января 1919 года.

Советская власть, вступая смело на путь самостоятельного и независимого развития, опиралась на братскую бескорыстную помощь пролетариата России.

Вопросы возникновения и развития социалистического трудового законодательства в Латвии исследуются в тесной связи с общей историей государства и права Латвийской ССР и РСФСР. Социалистическое трудовое законодательство Латвии рождено Великой Октябрьской социалистической революцией, установившей Советскую власть.

Историческое прошлое неразрывно связывает латышский народ с народами Советского Союза: общая борьба против царской власти, общая победа в дни Великой Октябрьской социалистической революции, общие достижения в организации Советской власти в 1917—1919 годах.

II. ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВОМ В СОВЕТСКОЙ ЛАТВИИ

Для лучшего понимания возникновения и развития трудового законодательства в Советской Латвии следует хотя бы вкратце ознакомиться с организацией и управлением производством в Латвийской Социалистической Советской Республике.

Правительство Советской Латвии одновременно с освобождением территории от врага всячески стремилось добиться улучшения экономического положения республики.

С братской помощью РСФСР была восстановлена часть предприятий — около 100 фабрик и заводов. Эти небольшие фабрики и заводики мало напоминали прежние громадные предприятия города Риги с десятками тысяч рабочих. На самых крупных заводах работало всего около 600 человек.¹

Первой задачей Советского правительства в деле восстановления хозяйственной жизни была ликвидация безработицы и уничтожение самой возможности эксплуатации чужого труда. По состоянию на 1 февраля 1919 года на Бирже труда было зарегистрировано 10.348 безработных (Действительное количество их было значительно больше). Чтобы снизить количество безработных, были проведены решительные мероприятия организационного характера и принят ряд нормативных актов — об упорядочении руководства производством, о национализации земли и др.

Советское правительство Латвии в своем Манифесте от 17 декабря 1918 года объявило о конфискации всей частной

¹ П. Стучка. Пять месяцев Социалистической Советской Латвии, ч. I, 1919, стр. 79.

собственности, об отмене права частной собственности на землю и о немедленной передаче в ведение Советов без всякого выкупа всех помещичьих, казенных и церковных земель со всем инвентарем.

Право частной собственности на остальные средства производства, как и на торговые предприятия, средства сообщения, банки и т. д. должно было быть шаг за шагом отменено с их подчинением строгому рабочему контролю.

Таким образом, были национализированы и конфискованы орудия и средства производства, принадлежавшие буржуазии и помещикам — немецким баронам.

В связи с этим Советское правительство должно было не только восстановить разрушенную промышленность, создать плановое производство в промышленности и в сельском хозяйстве, но также и организовать новую систему управления промышленностью, сельским хозяйством, транспортом и другими отраслями народного хозяйства.

В капиталистическом хозяйственном строе не было плановости в производстве, не было плана, что и сколько производить; единственно закон конкуренции вносил какой-то «порядок». Статистика только через продолжительный период производила исследования и расчеты, чего не хватало и чего было больше, чем требуется и т. д.

С целью регулирования и организации общественного производства по заранее намеченному плану был создан Совет народного хозяйства Латвии.

Все члены Совета народного хозяйства одновременно являлись членами ЦИК. Следовательно, Совет народного хозяйства являлся не только частью Советского правительства, но и ЦИК, и по количеству состав его на пленарном заседании был не менее 19 из 60 членов ЦИК.

Такое организационное построение сводилось к простому разделению труда, причем каждый более сложный вопрос мог и даже должен был быть перенесен на рассмотрение заседания ЦИК.

В связи с этим Совет народного хозяйства Латвии по своей структуре резко отличался от Совета народного хозяйства России, который фактически действовал как комиссариат промышленности с широкими правами.¹

При установлении такой структуры Советское правительство руководствовалось указаниями В. И. Ленина: «Было бы ошибкою, если бы мы просто по шаблону списывали декреты для всех мест России... Мы ни в коем случае не связываем

¹ Žurn. «Tautsaimniecība». P. Stučka «Tautsaimniecības Padomes» Latv. Soc. Pad. Rep. Tautsaimn. Pad. izd. Nr. 1, 1919. g. 15. III.

себя единообразным шаблоном, не решаем раз навсегда, что наш опыт, опыт центральной России можно целиком перенести на все окраины»¹.

По этому вопросу П. И. Стучка писал: «Исходя из тех особенностей, какие представляет наш край, особенно в экономическом отношении, мы решили не рабски повторять конструкцию Советской власти РСФСР... Мы своей целью поставили простой, дешевый и малочисленный аппарат рабочего правительства, и я думаю, что и злейший наш враг не будет отрицать того, что мы в этом отношении достигли кое-каких улучшений, сравнительно с Россией».²

Таким образом, Совет народного хозяйства Латвии был главным организатором народного хозяйства Латвии, и в задачи его входило не только регистрировать то, что имелось, и составить статистику хозяйства, но и в соответствии с Уставом Совета народного хозяйства упорядочить, организовывать и управлять всем производством и распределением продукции в Латвии, а также заведывать и руководить всеми производственными и распределительными организациями Социалистической Советской республики Латвии.³

Совет народного хозяйства состоял из Президиума Совета народного хозяйства и подчиненных ему Советов производства и обмена.

Советское правительство Латвии реорганизовало также управление промышленностью. Во главу национализированных предприятий были назначены представители Совета народного хозяйства и были избраны рабочие контрольные комиссии.

27 февраля 1919 года была издана инструкция о порядке выборов и утверждены правления национализированных промышленных предприятий. В функции правления национализированных предприятий входило заведывание и управление предприятием. В целях лучшего выполнения обязанностей правления работа последнего распределялась между тремя главными секциями: административной, технической и хозяйственной.

В задачи правления национализированных предприятий входило: организация производства предприятия, поднятие производительности и интенсивности труда, подбор кадров, поддержание дисциплины труда, прием и увольнение рабочих и служащих и нормирование труда и заработной платы.

¹ В. И. Ленин, Собрание сочинений, т. 38, стр. 144, V изд.

² П. Стучка. Пять месяцев Социалистической Советской Латвии, ч. 1, 1919, стр. 35—36.

³ Устав СНХ Латвии, Известия Социалистического Советского Правительства Латвии № 16 от 12 марта 1919 г.

В обстановке, когда плохо работал транспорт, когда в Риге были слышны выстрелы пушек Рижского фронта, когда латышский народ прошел через голод и разруху, порожденные опустошительной войной, у Советского правительства Латвии не было возможности организовать эвакуацию фабрик из Советской России. Надо было обходиться тем, что имелось на месте. Производство было организовано, главным образом, на мелких фабриках. При таких обстоятельствах чрезвычайно большое значение имело активное участие самих рабочих в организации производства, и поэтому 13 марта 1919 года были приняты «Правила Совета производства о рабочих контрольных комиссиях на промышленных предприятиях».¹

В задачи рабочих контрольных комиссий на национализированных предприятиях входило наблюдение и контроль за ходом работы промышленного предприятия и за работой управления с тем, чтобы промышленное предприятие работало производительно в интересах всего социалистического государства. Эти комиссии не имели права вмешиваться в текущую оперативную работу правления, в то же время они были независимы от административных органов промышленного предприятия. Состав комиссий избирался на полгода в количестве 3—7 человек.

В таком же порядке были созданы и избраны контрольные комиссии на промышленных предприятиях, которые еще не были национализированы.

В задачу контрольных комиссий на ненационализированных промышленных предприятиях входило наблюдение за тем, чтобы предприятие строго соблюдало все декреты Советского правительства. Вместе с тем они являлись представителями интересов рабочих на местах по всем вопросам, связанным с установлением условий труда, приемом и увольнением рабочих, заработной платой и нормами выработки.

О ходе контроля велся протокол и составлялся акт за подписью членов контрольной комиссии. Правление предприятия обязано было на специальных заседаниях обсуждать и выполнять все решения и указания контрольной комиссии, с приглашением на заседание представителя последней.

По этому поводу П. И. Стучка писал: «...Мы выбрали способ управления чисто советского типа. Во главе предприятия — представитель от Совета, а в помощь ему выборные и контрольные учреждения от производственного

¹ Известия Социалистического Советского Правительства Латвии № 25 от 21 марта 1919 г.

(профессионального) союза. Надо сказать, что этот тип управления нас освободил от сложного и мало действенного внешнего, специального контроля...»¹

Создание органов рабочего контроля дало максимальную возможность использовать профессиональные союзы, как организаторскую силу в строительстве социализма, вовлекло широкие массы трудящихся в организацию производства.

В Советской Латвии было около 100.000 организованных рабочих разных профессий, в том числе сельскохозяйственных рабочих и рыбаков.

Центральное бюро Рижского производственного (профессионального) союза 7 марта 1919 года созвало первое совещание (конференцию) организованных рабочих Советской Латвии. На этом совещании (конференции) участвовало 134 представителя от 80.000 членов. Эта конференция поставила новые задачи перед профессиональными союзами — всю полностью разрушенную экономическую и хозяйственную жизнь восстановить на новых социалистических основах, по возможности выше поднять производственную и трудовую дисциплину, наряду с соблюдением строжайшей экономии рабочей силы и улучшением условий труда.²

Важная роль профессиональных союзов заключалась также в распределении продуктов и предметов первой необходимости и установлении теснейших связей между трудящимися массами Советской республики.

Организация рабочей силы производилась по отраслям производства и было запрещено принимать на работу или службу лиц, не состоящих в производственном (профессиональном) союзе.

Основой сельского хозяйства Советской Латвии в 1919 году были советские хозяйства (с пахотной землей более 100 десятин). Всего было организовано 239 таких хозяйств.

Во главе советского хозяйства находилось правление, состоявшее из представителей уездного исполнительного комитета, волостного Совета и производственного союза (а до учреждения союза — от рабочих данного советского хозяйства).

Допускалась также аренда национализированной земли, но с условием, что советские учреждения должны были контролировать ведение хозяйства арендаторами. В некоторых слу-

¹ П. Стучка, Пять месяцев Социалистической Советской Латвии, ч. 1, 1919, стр. 81.

² См. «Ražotājs». Latvijas Darba komisariāta un Latvijas «Ražotāju» Savienības centrālbiroja izdevums, Nr. 8, 1919. g. 19. martā.

чаях на местах создавались коммуны, как форма совместной обработки национализированной земли.

В 1919 году трудящиеся Советской Латвии сознавали, что благополучие всего общества — дело их рук, они понимали, что им больше не приходится вести борьбу с отдельными капиталистами за улучшение своего положения и что они сами должны установить и осуществить всю политическую, экономическую и хозяйственную власть.

III. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СТАНОВЛЕНИЯ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОВЕТСКОЙ ЛАТВИИ В 1918—1919 ГОДАХ

Установление в Латвии в 1918 году Советской власти имеет большое историческое значение. Одновременно с ликвидацией феодально-буржуазного строя началось строительство социализма. В 1919 году Советская власть в Латвии должна была подавить сопротивление свергнутых эксплуататорских классов внутри страны и в то же время защитить республику от вторжения иностранных захватчиков. В задачи Советской власти входило также обеспечение фактической независимости Латвии, действительной свободы и демократии для трудящихся.

Экономическое положение Латвии было очень тяжелое. Республика была разорена немецкими захватчиками и их приспешниками. Трудящиеся страдали от безработицы и голода. Несмотря на все эти трудности, у латышского народа появилась возможность для свободного и независимого развития, и он героически боролся за восстановление промышленности и сельского хозяйства.

Строительство социалистической экономики, создание новых социалистических производственных отношений в Советской Латвии нашло свое отражение и в нормах советского трудового права. Об изменениях после социалистической революции в характере труда П. И. Стучка писал, что практически изменилось то, что рабочие принимаются на работу на фабрики, которые полностью принадлежат всему рабочему классу, что товар — продукт труда этого коллектива. Не превращается ли в данном случае количество в новое качество, которое может быть сразу непонятно для мимо проходящего, но властвует в сознании самого трудового народа, создателя этих богатств на основании прав трудового народа.¹ Он подчеркнул также, что эти изменения в психологии масс юристы должны отразить в нормах права.

Характерной чертой содержания нормативных актов тру-

¹ Журнал «Революция права», 1927, № 1, стр. 6.

дового права 1919 года являлось то, что главное внимание обращалось на права трудящихся, а не на их обязанности. Очень важно было показать народу преимущество социалистического строя по сравнению с капиталистическим, чтобы рабочие на практике увидели и убедились, что Советская власть стоит на страже их интересов.

Акты Советской власти, установившие основы советского законодательства о труде, имели огромное политическое значение.¹ О декретах, изданных в начале Октябрьской революции, В. И. Ленин писал: «У нас была полоса, когда декреты служили формой пропаганды... Простому рабочему и крестьянину мы свои представления о политике сразу давали в форме декретов. В результате было завоевание того громадного доверия, которое мы имели и имеем в народных массах.»²

Для того, чтобы наиболее ясно представить себе, что дала Советская власть трудящимся своим законодательством о труде, следует в кратких чертах ознакомиться с законодательством о труде, которое действовало на территории Латвии до установления Советской власти.

Латвия входила в состав России и на ее территории действовало русское дореволюционное право. Оно было возведено в закон волей эксплуататорских классов — буржуазии и помещиков — и закрепляло эксплуатацию трудящихся масс города и деревни. Этой цели служили, прежде всего, законы, направленные на охрану частной собственности капиталистов и помещиков, меры уголовной и административной репрессии против рабочего и крестьянского движения. Для закрепления эксплуатации трудящихся масс служило и буржуазное «фабричное» законодательство.

В качестве «нормального» рабочего времени Устав о промышленном труде устанавливал рабочий день продолжительностью в одиннадцать с половиной часов. Лишь для малолетних рабочих в возрасте от 12 до 15 лет предусматривался восьмичасовой рабочий день. Устав о промышленном труде не предусматривал отпусков не только для взрослых рабочих, но даже и для малолетних. Наниматель имел право в любое время уволить рабочего, рабочим же запрещалось требовать повышения заработной платы.

Еще резче эксплуататорский характер законодательства о труде проявлялся в царском Положении о найме на сельские работы, поскольку батраки не представляли из себя такой организованной силы как фабричные рабочие.

¹ С. С. Каринский, Основные черты развития советского трудового права («Советское государство и право», 1957, № 11, с. 105).

² В. Ленин, Соч., т. 33, стр. 272, IV изд.

Положение о найме на сельские работы не предусматривало ни пределов рабочего дня, ни минимума заработной платы; вместе с тем помещики и кулаки имели широкие права по наложению штрафов на рабочих.¹

За очень короткий срок — 5 месяцев — Советской властью было полностью ликвидировано старое законодательство и создана новая правовая система регулирования трудовых отношений.

О направлении развития трудового права П. И. Стучка в своей речи на митинге трудящихся в городе Валке 22 декабря 1918 года сказал, что во всех отраслях труда необходимо немедленно ввести восьмичасовой рабочий день и распространить на территории Латвии все изданные в Российской Социалистической Федеративной Советской республике декреты об обеспечении рабочих. Надо позаботиться о том, чтобы надлежаще было налажено социальное обеспечение, чтобы не допустить безработицу, а безработные, оставшиеся без работы не по своей вине, получали бы помощь от государства.²

Исходя из охраны интересов трудящихся, Советская власть провела большую законодательную работу с целью регулирования и охраны процесса труда, защиты, реализации и обеспечения права на труд, организации рабочего времени, заработной платы, социального обеспечения и других вопросов труда.

Однако не все институты трудового права были достаточно подробно регламентированы, поскольку тяжелое экономическое положение того периода затрудняло их разрешение.

Рассматривая факторы, влияющие на возникновение и развитие трудового права, мы не будем говорить об экономическом базисе вообще, который определяет надстройку и развитие права, но следует остановиться на тех обстоятельствах, которые определили необходимость более подробной разработки того или иного института этой отрасли права.

Во-первых, необходимо указать на те главные задачи, которые правительство должно было разрешить в области экономики. Экономика Латвии, как указывалось выше, находилась в состоянии разрухи. 3 апреля 1919 года на пленуме Московского городского Совета В. И. Ленин, характеризуя чрезвычайно тяжелые обстоятельства, в которых Советскому

¹ Н. Г. Александров, Советское трудовое право, 1963, стр. 82—85.

² P. Stučka. Par Padomju varu Latvijā. Rakstu izlase, LVI, 1958., 65. lpp.

правительству Латвии приходилось строить новую социалистическую жизнь, сказал: «Большая часть страны пережила такие бедствия, о каких московские рабочие не имеют представления, — бедствия нашествия и многократного опустошения деревень движущимися толпами войск».¹

Характеристику экономического уровня жизни в то время в г. Риге дал П. И. Стучка, заявив: «И на улицах я никогда не видал столько нищих, как старух, так и детей, как на второй день после освобождения Риги».² В Риге из 525.000 жителей осталось только 212.000, из которых лица преклонного возраста составляли 24% против 14% в 1913 году.

В 1913 году в г. Риге 23,5% всех жителей было в возрасте 20—29 лет; на 100 мужчин в этом возрасте было 74,5 женщин. Это была характерная картина крупного процветающего промышленного центра.

В 1919 году в возрасте 20—29 лет было лишь 14,2% жителей, причем в этом возрасте на 100 мужчин приходилось 186 женщин. Вообще на 100 мужчин в г. Риге в 1897 году было 96,6 женщин, в 1913 году — 99,9, а в 1919 году — 135,9 женщин. Это объясняется тем, что почти все рабочие из коренного населения были эвакуированы в 1915 году из Риги или одеты в солдатскую шинель. Крупные фабрики и заводы стояли пустыми, отчасти разрушенными, отчасти просто опустошенными. Безработица была привычным явлением, заработная плата не выше голодного пайка довела население до полного обнищания.³

В январе 1919 года Советская власть в г. Риге застала всего 3.080 фабрично-заводских рабочих.⁴

Следовательно, большинство жителей г. Риги в то время составляло рабочее население (соотношение при сильно развитом капитализме). В то же время городских жителей по отношению к сельскому населению в 1897 году было 29%, а в 1913 году по отношению ко всей Латвии — уже более 40%.⁵

На первый взгляд казалось, что тут Советской власти делать нечего, что построить социализм невозможно, что на развалинах войны новую жизнь может воссоздать лишь крепкий, жизнеспособный рабочий класс, а не инвалиды, старики

¹ В. И. Ленин, Собрание сочинений, т. 38, стр. 246, V издание.

² П. Стучка, Пять месяцев Социалистической Советской Латвии, ч. 1, 1919, стр. 97.

³ Там же, стр. 76.

⁴ В 1913 году в г. Риге одних фабрично-заводских рабочих было 87.106 человек, не считая многочисленных портовых и торговых рабочих.

⁵ П. Стучка, Пять месяцев Социалистической Советской Латвии, ч. 1, 1919, стр. 76.

и старухи, сами нуждающиеся в поддержке. Однако факты показали иное.

Большая часть рабочих — это были пожилые, сознательные члены рабочего класса, проделавшие революцию 1905 года и через 14 лет дождавшиеся, после ужасов двухкратных карательных экспедиций, снова восхода солнца свободы. Эта среда составляла сильную опору Советской власти и она оказывала большое влияние и на менее сознательную молодежь.

Как в 1917 году, так и в 1919 году рижские рабочие без колебаний шли вместе с партией большевиков, которая была малочисленна и насчитывала всего лишь около 8.000 членов.¹

Советская власть в Латвии прошла тяжелый неизведанный путь строительства новой жизни. Вместе с этим трудовое право в своих нормах отражало те исключительные трудности борьбы за социализм, которые государству пришлось преодолевать при отсутствии какого-либо опыта строительства социализма, в условиях враждебного капиталистического окружения, при наличии полученного в наследство от царизма отсталого и разоренного войной народного хозяйства.

Советская власть в Латвии в 1919 году вела борьбу с буржуазией путем ликвидации всех ее привилегий и путем налоговой политики. Обязательства по уплате высоких налогов составляли своеобразный финансовый пресс, давление которого способствовало вытеснению капиталистических элементов из народного хозяйства. Крупные собственности и капиталы были конфискованы, а остальная собственность буржуазии облагалась повышенными налогами. Ввиду нестабильности валюты уплата налогов была заменена платежами в натуре (продуктами питания, одеждой, золотом, серебром и т. д.). Эти налоги были направлены на экспроприацию богатств, которые могли быть использованы для спекуляции.

Далее необходимо отметить декрет о национализации банков, принятый в феврале 1919 года.²

Была проведена также национализация золотых и серебряных вещей.³

Специальным декретом были упразднены все ранее существовавшие в Латвии сословия, сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения, сословные деления граждан и другие подобные привилегии.⁴

¹ Там же, стр. 106.

² Известия Социалистического Советского Правительства Латвии, № 13, от 8 марта 1919 г.

³ Известия Социалистического Советского Правительства Латвии, № 25 от 21 марта 1919 г.

⁴ Вестник Советского Правительства Латвии № 1 от 1 января 1919 г.

Всякие звания и сословия, как-то дворянин, купец, князь, граф, барон, фон и др. были уничтожены и установлено одно общее для всего населения Латвии наименование — гражданин республики. Имущество упомянутых лиц и сословных учреждений было национализировано и незамедлительно передано Советам.

Правительство Советской Латвии с помощью своего законодательства вело борьбу с извечным врагом латышского народа — Прибалтийским дворянством. 25 апреля 1919 года был принят «Декрет о лицах, принадлежащих к родам Прибалтийского дворянства в Латвии».¹ Все упомянутые лица были зарегистрированы и обязаны были навсегда оставить пределы Латвии.

Проведением упомянутого законодательства, организаторской и хозяйственной деятельностью в Латвии была ликвидирована возможность эксплуатации человека человеком.

Советская власть почти полностью ликвидировала также безработицу. Если во время освобождения Риги имели работу около 3.080 человек и на 1 февраля 1919 года было зарегистрировано 10.348 безработных,² то на 1 мая на рижских фабриках и заводах Народного комиссариата промышленности уже работало более 12.000 рабочих. Были организованы регистрация и плановое распределение рабочей силы.

В своей речи о будущем направлении развития Латвии (22 декабря 1918 г.) П. И. Стучка указал, что он так же, как и раньше, стоит за хозяйственное и политическое объединение Латвии с социалистической Россией. В этой связи следует вспомнить пророческие, подтвержденные историей, слова П. И. Стучки: «...мы знаем, что мы не одни, за нами стоят войны Великой социалистической Российской республики. Мы будем стоять с ними рука об руку и бороться за освобождение всего человечества».³

Это провозглашено и в Манифесте Советского Правительства Рабочих, Безземельных и Стрелков Латвии: «Мы со-знаем, что на этом трудном пути и в этой тяжелой борьбе мы не одни. За нами стоит **Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика**, с которой мы и впредь останемся тесно связанными не только внешними узами.»⁴

¹ Известия Социалистического Советского Правительства Латвии № 59 от 2 мая 1919 г.

² П. Стучка, Пять месяцев Социалистической Советской Латвии, ч. I, 1919, стр. 77.

³ P. Stučka. Par Padomju varu Latvijā. Rakstu izlase. LVI, 1958., 66. lpp.

⁴ П. Стучка, Пять месяцев Социалистической Советской Латвии, ч. II, 1921, стр. 7.

Выдвинутое П. И. Стучкой предложение о том, что в Латвии следует применить декреты, принятые Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой, не было случайным, оно вызвано общими целями и задачами обеих республик.

10 января 1919 года был опубликован Декрет о вступлении в силу в Латвии декретов РСФСР.¹ Советское Правительство Латвии постановило, что все изданные до 25 октября 1918 года правительством Российской Социалистической Федеративной Советской Республики декреты имеют силу и в пределах Советской республики Латвии, поскольку они не будут отменены или изменены декретами или распоряжениями Советского Правительства Латвии.

Это обязывает нас исследовать развитие трудового права в Советской Латвии в тесной связи с развитием этой отрасли права в Советской России.

В ряде декретов, принятых в Советской Латвии, воспроизведены основные принципы соответствующих декретов Советской России; например, в принятом 12 февраля 1919 года Декрете «О биржах труда» установлены также правила об организации, задачах и компетенции этих организаций, какие предусмотрены в принятом в Советской России 31 января 1918 года Декрете «О биржах труда». Не меньшее значение для Советской Латвии имел Декрет Советской России от 30 декабря 1917 г. о введении восьмичасового рабочего дня, а также Декрет о социальном обеспечении и др.

Однако при исследовании развития советского трудового права в Советской Латвии не следует забывать и недооценивать все то новое, что по сравнению с трудовым правом в РСФСР имеется в принятых в 1919 году законодательных актах и в разработке которых большая заслуга принадлежит выдающемуся государственному деятелю и верному соратнику В. И. Ленина — П. И. Стучке.

Как Председатель Советского правительства он принимал весьма активное участие в разработке правовых актов и кроме того лично разработал проекты целого ряда декретов и постановлений, например, он собственноручно (в рукописи) написал проект постановления об отпусках служащим государственных и других советских учреждений.²

Весь путь создания и развития советского трудового права — это история борьбы за укрепление новой социалис-

¹ П. Стучка, Пять месяцев Социалистической Советской Латвии, ч. II, 1921, стр. 9—10.

² Из ЦГАОР Латвийской ССР, фонд № 7380, опись № 1, дело № 4, стр. 88.

тической базы, за создание и укрепление социалистической организации труда, за новое прогрессивное регулирование процесса труда и постоянное развитие организационных форм защиты труда, за ликвидацию всего устаревшего и отжившего, за новый справедливый общественный строй.

По этому поводу П. И. Стучка писал: «Мы за 5 месяцев успели сделать очень мало. Но многократно больше, чем сделало до нас и сделает после нас буржуазное правительство. Мы доказали всем воочию, что коммунисты являются людьми дела, а не просто «крикунами». И эта наша положительная работа представляет собой вернейший залог возврата нашей власти».¹

Отмечая все положительное, достигнутое за короткий срок в 1919 году в трудовом законодательстве Советской Латвии, все же необходимо отметить, что в связи с существовавшими тогда тяжелыми военными и хозяйственными обстоятельствами не все принятые Советским правительством декреты были полностью реализованы.

IV. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИЕМА НА РАБОТУ И УВОЛНЕНИЯ

Одной из важнейших проблем, которые Советское правительство Латвии должно было разрешить, была ликвидация безработицы и привлечение к труду всех трудоспособных граждан республики.

Советская власть с первых же дней своего существования при помощи трудового законодательства ограничивала эксплуатацию чужого труда и поставила задачу — постепенно ликвидировать возможность эксплуатации человека человеком.

Труднее было разрешить проблему безработицы, так как, получив в наследство разрушенное войной народное хозяйство, не было возможности сразу предоставить всем безработным работу, но когда через несколько месяцев начались работы по восстановлению народного хозяйства, имел место даже недостаток рабочей силы.

Для максимального использования резервов рабочей силы, регистрации и планомерного распределения ее в Социалистической Советской Республике Латвии были организованы Биржи труда.² Биржи труда регистрировали всю рабочую

¹ П. Стучка, Пять месяцев Социалистической Советской Латвии, ч. 1, стр. 81.

² Известия Социалистического Советского Правительства Латвии № 2, 1919 (24 февраля) «Декрет о Биржах труда».

силу и безработных, а также запросы о предоставлении рабочей силы. Они удовлетворяли запросы о предоставлении рабочей силы, направляя безработных на вакантные места работы, и выдавали денежные пособия безработным.

Биржи труда содержались на средства государства. Все частные конторы найма рабочей силы, а также бюро труда при профессиональных союзах, организациях и учреждениях были ликвидированы.

Основанием для возникновения трудовых правоотношений были трудовой договор, избрание на выборную должность и трудовая повинность. Рабочие и служащие заключили трудовой договор с предприятием, учреждением или организацией на основе взаимного соглашения. Трудовые договоры заключались также с работниками, избранными на выборные должности. В связи с военным положением и недостатком специалистов некоторых профессий, была введена трудовая повинность.

Прием рабочих и служащих на работу во всех предприятиях и учреждениях, как государственных, общественных, так и частных — производился только по направлениям Биржи труда.

Только на ответственные должности в правительственных учреждениях Социалистической Советской Республики Латвии разрешалось принимать работников по направлениям партийных организаций, без соблюдения общего порядка, но с сообщением Бирже труда о каждом случае приема на работу.

Ни один безработный, зарегистрированный на Бирже труда, не имел права отказаться от направления на работу.¹ Безработный не имел права отказаться также от временной работы. Если временная работа продолжалась не более двух недель, безработный не исключался из его очереди на Бирже труда. Рабочие всех профессий и категорий в обязательном порядке должны были участвовать в уборке урожая, заготовке продовольствия и в других неотложных работах, так как заготовка продовольствия была одной из важнейших задач. Лица, нарушавшие эти правила, теряли право на получение материальной помощи (деньгами и продуктами), которую имели право получать в течение трех месяцев, а также исключались на Бирже труда из очереди на получение работы.

Многие безработные систематически уклонялись от явки на Биржу труда на очередные проверки, чтобы избежать мо-

¹ Известия Социалистического Советского Правительства Латвии, 1919, № 16 (12 марта) «Правила о приеме на работу безработных».

билизации на нежелательные для них работы. Поэтому хотя на Бирже труда и числилось большое количество безработных, все же фактически был большой недостаток рабочих. Для устранения такого ненормального положения отдел труда Рижского Совета депутатов рабочих объявил, что все безработные обязаны два раза в неделю являться в Биржу труда на проверку. Лица, не являвшиеся на проверки, лишались пособия и направлялись на общественные работы.¹ К тунеядцам и лодырям применялись повышенные санкции, так как в этот период уже не доставало рабочей силы.

Важное значение в урегулировании возникновения и прекращения трудовых правоотношений имели Правила о приеме на работу и увольнении, изданные Комиссариатом труда Латвии 28 февраля 1919 года.² Этот акт впервые определил порядок приема и увольнения с работы.

Исследование этого акта показывает, что он значительно ограничивал права администрации предприятий и учреждений, а также частных владельцев в вопросах приема на работу и в особенности одностороннего увольнения рабочих и служащих и в то же время расширял в этой области права профсоюзов. Профсоюзы по существу с первых же дней установления Советской власти в Латвии стали контрольными органами самих же трудящихся над администрацией по соблюдению трудовых прав граждан. Большую работу по регулированию вопросов приема и увольнения провел Народный Комиссариат труда Латвии.

Правила предусматривали, что рабочих и служащих можно принимать на работу только по направлениям Биржи труда, после медицинского освидетельствования и предварительного испытания. Для рабочих срок предварительного испытания был шестидневный, а для служащих — не более двух недель. Если по истечении испытательного срока и медицинского обследования рабочий или служащий оказался пригодным для данной работы, он считался окончательно принятым и предприятие или учреждение выдавало ему трудовую книжку. В противном случае рабочий или служащий направлялся обратно на Биржу труда с выплатой ему заработной платы за проработанное время. Трудовая книжка была установленной формы, единой для всех предприятий и учреждений Латвии.

¹ Известия Социалистического Советского Правительства Латвии, 1919, № 39 (7 апреля).

² Известия Социалистического Советского Правительства Латвии, 1919, № 9 (4 марта).

Особый порядок приема на работу и увольнения был установлен для поденных рабочих. Продолжительность работы, на которую принимались поденные рабочие, не должна была превышать двух недель, в противном случае прием рабочих на работу производился на общих основаниях.

Поденными рабочими считались такие рабочие, которые были приняты для выполнения определенного объема (количества) работы, хотя бы эта работа продолжалась более двух недель, но не более одного месяца. О каждом случае приема поденного рабочего администрация обязана была сообщить на Биржу труда.

Основанием возникновения трудовых правоотношений у сельскохозяйственных рабочих был трудовой договор. Трудовые договоры с сельскохозяйственными рабочими подлежали заключению в письменном виде. Контроль за заключением трудовых договоров был возложен на Правление Производственного союза, где хранился также подлинник договора, а копии договора выдавались участникам договора.

В трудовых договорах предусматривались соглашения по всем основным вопросам применения рабочей силы, например, что распоряжаться рабочей силой и использовать ее допускается только в соответствии с правилами, установленными Инструкцией Комиссариата труда или уездного отдела труда, что при производстве работ должны быть соблюдены все законы о труде, 8-часовой рабочий день, освобождение беременных женщин от работы за 8 недель до родов и т. д.

Несмотря на военное время и тяжелое хозяйственное положение, Советское правительство Латвии проявляло большую заботу о подготовке новых кадров, особенно сельскохозяйственных. Так, например, Комиссариат земледелия организовал в г. Риге курсы земледелия, животноводства и садоводства для руководителей советских хозяйств.¹ Продолжительность курсов была один месяц. Принимались на курсы лица, направленные волостными Советами рабочих и крестьян; обучение на курсах было бесплатное, а волостные Советы обязаны были обеспечить питанием посланных ими курсантов.

Перестройке подверглись также школы Социалистической Советской Республики Латвии. Старая школа как по своей основной идее, так и по методам работы практически воспитывала учеников в духе угодничества и раболепия перед буржуазией и другими имущими классами. Задачей новой

¹ Известия Социалистического Советского Правительства Латвии, 1919, № 19 (15 марта).

школы была подготовка сознательных рабочих и служащих для общего труда на благо всего общества. Для того, чтобы лучше выполнить это важное задание, обучение и воспитание нового поколения было доверено людям, преданным делу партии и рабочего класса. Большое внимание и забота были проявлены при подборе кадров. Учителей, верных буржуазному строю, необходимо было уволить с работы как непригодных для советской школы.

Основанием для возникновения трудовых правоотношений для всех работников школ Латвии (учителей, воспитателей, преподавателей, школьных врачей, руководителей работ) было избрание их на соответствующую должность.¹ Выборы и перевыборы производили городские и волостные Советы депутатов рабочих и крестьян во всех школах (кроме высших), находящихся на территории их деятельности.

Каждый гражданин, имеющий соответствующую подготовку, имел право подать заявление о желании работать в школе и выставить свою кандидатуру на производившихся выборах. Каждый работник школы должен был иметь необходимую педагогическую подготовку и пользоваться политическим доверием. Диплом об образовании не требовался. Вместе с заявлением о желании занять место школьного работника необходимо было представить краткую автобиографию и сведения об общем и специальном образовании, о прежней работе или деятельности и рекомендации партийных или рабочих организаций.

Советское правительство Латвии реализовало основной принцип социализма, согласно которому труд является обязанностью каждого способного к труду гражданина Социалистической Советской Республики по принципу: «Кто не работает, тот не ест».

В условиях военного времени требовались жесткие меры для мобилизации всех сил на восстановление народного хозяйства, в связи с чем назрела необходимость введения трудовой повинности.

Трудовая повинность сыграла большую роль в укреплении в сознании граждан обязательности труда для всех.

Для того, чтобы еще до введения всеобщей трудовой повинности было основание для привлечения буржуазии к выполнению общественных работ, 27 февраля 1919 года был издан «Декрет о привлечении буржуазии на общественные

¹ См. Latvijas Sociālistiskās Padomju Republikas Dekrētu un rīkojumu krājums, Nr. 2, 1919. g. 22. februārī «Izglītības komisariāta skolu Nodaļas instrukcija par skolu darbinieku vēlēšanu un pārvēlēšanu».

работы».¹ Этот закон заставил буржуазию выполнять всеобщую обязанность — трудиться. Используя буржуазию для проведения разных малоквалифицированных физических работ, создалась возможность освободить рабочих для выполнения более важных работ для нужд фронта.

После издания Декрета немедленно были привлечены к общественным работам бывшие помещики, крупные домовладельцы, капиталисты, частные торговцы, директора разных обществ, извлекавших прибыль, торговые посредники, лица без определенных занятий, проститутки и другие тунеядцы.²

Буржуазии и другим лицам, ведущим паразитический образ жизни, вместо ранее выданных документов, удостоверяющих их личность, выдавались трудовые книжки, чтобы лишить их возможности уклониться от трудовой повинности. Для этих лиц трудовая книжка была единственным документом, удостоверяющим их личность. В трудовой книжке не реже одного раза в месяц отмечалось, какие общественные работы данное лицо выполняло. Она служила основанием для получения продовольственных карточек.

Лица, пытавшиеся уклониться от общественных работ или иным путем нарушить закон о трудовой повинности, предавались суду Революционного трибунала.

В связи с тяжелым военным положением и недостатком медицинских работников был издан Декрет о трудовой повинности медицинского персонала.³ К трудовой повинности привлекались медицинские работники — мужчины и женщины: врачи, ветеринарные врачи, зубные врачи, фармацевты, фельдшеры и сестры милосердия, которые не находились на государственной службе. От трудовой повинности были освобождены врачи-мужчины старше 55 лет, врачи-женщины и остальной медицинский персонал — старше 50 лет.

¹ Известия Социалистического Советского Правительства Латвии, 1919, № 6 (28 февраля).

² Эти лица использовались, главным образом, на следующих общественных работах:

- а) ассенизация и очистка улиц и города;
- б) погрузка и выгрузка тяжелых грузов, необходимых для снабжения населения и армии;
- в) переноска и перевозка разных предметов, если не было лошадей и других средств перевозки;
- г) рытье оборонных укреплений и другие тяжелые физические работы;
- д) стирка белья;
- е) разные срочные строительные работы (перевозка кирпичей, перемещение балок и т. д.).

³ Известия Социалистического Советского Правительства Латвии, 1919, № 6 (28 февраля).

За время выполнения работы в порядке трудовой повинности медицинский персонал получал зарплату по общим нормам заработной платы.

В связи с недостатком средств связи и транспорта были введены обязательная регистрация и трудовая повинность всех грузовых и легковых извозчиков.¹

При отделах связи была организована секция конного транспорта. Все извозчики, в том числе работающие по заданиям фабрик и других предприятий, обязаны были зарегистрироваться в этой секции. После регистрации извозчики не имели права принимать и выполнять работы по поручениям частных лиц.

Все организации и учреждения, а также граждане с требованиями о предоставлении транспорта обязаны были обратиться к заведующему секцией конного транспорта.

Каждому извозчику выдавалась трудовая книжка, в которой отмечалась выполненная работа и размер оплаты.

Для выполнения разных общественных работ (благоустройство и улучшение санитарного состояния городов, очистка улиц, каналов, отхожих мест и городской канализации, дорожных работ и др.) при карательном отделе Рижского Совета депутатов рабочих из лиц, враждебно настроенных к Советской власти, и разных мелких преступников были организованы рабочие роты.² В рабочие роты зачислялись все лица, подвергнутые общественным работам на основании постановлений административных отделов, народных судов и Революционных трибуналов. Срок зачисления в рабочие роты для выполнения общественных работ не должен был превышать шести месяцев. Рабочие роты были размещены в специально приспособленных для этого помещениях. Зачисленные в рабочие роты использовались на общественных работах по 8 часов в день.

Трудовое законодательство на зачисленных в рабочие роты не распространялось, а к ним применялись административные правила о рабочих ротах.

Большое внимание также было уделено вопросу увольнения. **Трудовые правоотношения прекращались**, главным образом, по инициативе администрации или по инициативе самого работника. Они могли быть прекращены также по взаимному соглашению сторон или по инициативе третьих лиц (мобилизация или направление по партийному призыву в Красную Армию). В частных предприятиях (а также в

¹ Известия Социалистического Советского Правительства Латвии, 1919. № 42 (10 апреля).

² См. Rīgas Strādnieku Deputātu Padomes rīkojums par darba rotu organizēšanu, 1919. g. 10. martā.

сельском хозяйстве) контроль за возникновением и прекращением трудовых правоотношений проводили профсоюзы.

Рабочий, желающий уйти с предприятия (прекратить трудовые отношения) должен был предупредить об этом управление производством за шесть дней, а служащий — за две недели до ухода с работы.¹

Рабочему или служащему, уволенному без достаточно обоснованных мотивов, с предупреждением или без предупреждения, наниматель обязан был выплатить выходное пособие в размере двухнедельного заработка.

Рабочих и служащих можно было уволить с работы без предварительного предупреждения, если они умышленно нарушали или не соблюдали общие правила трудового распорядка или иначе вредили интересам трудящихся.

Частные предприниматели и торговцы увольнение рабочих и служащих должны были согласовать с соответствующим профессиональным союзом и уплатить уволенному заработную плату вперед за шесть недель. Из этой суммы четырехнедельную зарплату получал уволенный рабочий или служащий, а двухнедельная зарплата вносилась в местный отдел труда в фонд безработных.²

12 марта 1919 года был издан специальный «Декрет о порядке увольнения и выплаты заработной платы рабочим и служащим, мобилизованным и направленным в Армию по партийному призыву или добровольно вступившим в ряды Красной Армии».³ При мобилизации рабочих и служащих им выплачивалось выходное пособие в размере двухнедельного заработка.

За рабочими и служащими, вступившими в Красную Армию добровольно или направленным по партийному призыву, сохранялась занимаемая ими работа или должность на фабрике, заводе, в учреждении или ином предприятии по возвращении их из Армии.

В области правового регулирования приема на работу и увольнения органы Народного комиссариата труда и профсоюзы боролись за неуклонное проведение в частных предприятиях установленного Советской властью высокого уровня гарантий для трудящихся. Эта борьба служила одним из средств проведения политики ограничения и вытеснения капиталистических элементов города и деревни.

¹ Известия Социалистического Советского Правительства Латвии, 1919, № 39 (7 апреля).

² См. Latvijas Sociālistiskās Padomju Republikas Dekrētu un rīkojumu krājums, Nr. 2, 1919. g. 22. februārī.

³ Известия Социалистического Советского Правительства Латвии, 1919, № 22 (18 марта).

V. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ И ОТДЫХА

Правительство Советской Латвии с первых же дней своего образования вплотную занялось упорядочением вопросов рабочего времени. Правовое регулирование рабочего времени производилось с учетом задач, вытекавших из Программы РСДРП, принятой II съездом партии в 1903 году. Главнейшей задачей было установление восьмичасового рабочего дня.

Законодательство РСФСР по вопросам рабочего времени и времени отдыха явилось образцом при разработке нормативных актов по этим вопросам.

В пункте 6 Манифеста Советского правительства Рабочих, Безземельных и Стрелков Латвии от 17 декабря 1918 года было указано, что немедленно вводится для рабочих восьмичасовой рабочий день без применения сверхурочных работ и применяются все декреты Российской Социалистической Федеративной Советской Республики об обеспечении рабочего класса.

Далее в Манифесте было сказано: «Мы знаем, что только **труд составляет гордость Латвии**. У нее нет других, ни явных, ни скрытых в недрах земли, богатств. **Один за всех и все за одного!** Этот принцип коммунизма пусть будет положен в основание пролетарской конституции трудового народа Латвии».¹ Так была осуществлена извечная мечта латышского трудового народа о сокращении рабочего времени.

Для служащих и рабочих сельскохозяйственных имений также был установлен восьмичасовой рабочий день. В сельском хозяйстве в летние месяцы (уборка урожая) допускалась работа в течение 10 часов в день, но зато зимой продолжительность дня была 6—8 часов.

Для советских работников и других служащих был установлен 6-часовой рабочий день, но в случае необходимости они обязаны были работать 8 часов и без дополнительной оплаты.² Например, 20 марта 1919 года Валмиерский уездный исполнительный комитет принял постановление о времени работы в исполнительном комитете и его отделах. Продолжительность рабочего времени была установлена в 7 часов (от 9 до 17 часов), с часовым обеденным перерывом.³

За работу в воскресенье и праздничные дни, а также сверх

¹ П. Стучка, Пять месяцев Социалистической Советской Латвии, ч. II, 1921, стр. 7.

² См. «Padomju kalpotāju algu tarifs». «Cīņa», Nr. 11, 1919. gada 21. janvārī.

³ ЦГАОР Латв. ССР, фонд № P-47, опись № 1, дело № 3, стр. 79.

7 часов служащие получали заработную плату по количеству проработанных часов.

Работа в воскресенье и праздничные дни, а также в сверхурочное время оплачивалась на 50% больше, чем работа в обычные дни и часы работы, за исключением работы ответственных руководителей, которые за сверхурочную работу оплату не получали.

Продолжительность рабочего времени для учеников была 6 часов.

Правовое регулирование времени отдыха полностью не было проведено, но частично этот вопрос был разрешен установлением восьмичасового рабочего дня, так как продолжительность времени работы и отдыха зависят друг от друга, при увеличении одного соответственно сокращается другое и наоборот.

Только при социалистической организации труда, исключая эксплуатацию, возможно было установить такое ограничение продолжительности рабочего дня, которое полностью отвечало интересам трудящихся, обеспечивая их нормальное физическое и культурное развитие.

Были изданы отдельные нормативные акты, которыми регулировались сверхурочные работы, время обеденного перерыва, работа в воскресные и праздничные дни. Например, было издано постановление об объявлении 22 января нерабочим днем.¹ Правительство Социалистической Советской Латвии постановило 22 января объявить нерабочим днем, в течение которого все работы должны были быть прекращены, чтобы все трудящиеся могли принимать участие в организованных в этот день шествиях и собраниях.

Был подготовлен к разрешению также вопрос об отпусках. П. И. Стучка, как глава Советского правительства, лично разработал проект постановления об отпусках служащих государственных и прочих советских учреждений.² Однако полностью провести в жизнь эти мероприятия в 1919 году во время 5-месячного существования Советской власти в Латвии не успели.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что только установление Советской власти в Латвии во главе с рабочим классом дало возможность установить такой рабочий день, который гарантировал трудящимся право на отдых.

¹ См. «Сīņa», Nr. 11, 1919. gada 21. janvārī.

² ЦГАОР Латв. ССР, фонд № 7380, опись № 1, дело № 4, стр. 88.

VI. ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

В 1919 году в Советской Латвии при оплате труда был осуществлен принцип: «Кто не работает, тот не ест».

Учитывая тяжелое экономическое положение, Правительство Социалистической Советской Республики Латвии во главе с П. И. Стучкой старалось более целесообразно разрешить вопрос о заработной плате, руководствуясь принципом прожиточного минимума.

Глава Правительства П. И. Стучка считал, что стремление максимально повысить заработную плату приведет к чрезмерному повышению цен на продукты продовольствия. Он не был согласен с мнением отдельных работников, что повышение заработной платы повысит покупательную способность, улучшит материальное положение и создаст возможность осуществить принцип «каждому по потребностям».¹

При существовавшем положении основная задача заключалась в необходимости повысить покупательскую способность рабочих и служащих путем понижения цен и улучшения снабжения в целом, а также повышения чрезмерно низкой заработной платы отдельных, наиболее низкооплаченных групп рабочих. Общее повышение заработной платы было безцельными, т. к. ощущался острый недостаток продуктов и товаров. Население г. Риги страдало от голода и разрухи. Почти все продовольствие было вывезено или уничтожено немецкими войсками, а оставшиеся запасы продовольствия были припрятаны буржуазией и спекулянтами.

Большая разница между ценами, существовавшими в РСФСР и в Латвии на продукты и предметы широкого потребления, вызвала спекуляцию. Между тем разница между ценами существовала потому, что ставки заработной платы в РСФСР были значительно выше, чем в Латвии.

Близость фронта и крайне недостаточное снабжение армии из центра не позволяли выполнить намеченные Правительством планы снабжения населения. По этому вопросу П. И. Стучка писал: «Все наши стремления были направлены на натурализацию (хотя бы частичную) содержания рабочих. И мы надеялись ее провести в значительных размерах (квартиры, обед, ужин) после нового урожая, а отчасти даже раньше».²

¹ П. Стучка, Пять месяцев Социалистической Советской Латвии, ч. 1, стр. 109.

² П. Стучка, Пять месяцев Социалистической Советской Латвии, ч. 1, 1919, стр. 110.

Для того, чтобы наиболее ясно представить себе, как Советская власть в Латвии заботилась о материальном обеспечении трудящихся, следует хотя бы вкратце ознакомиться с заготовкой и распределением продуктов.

Для улучшения материального положения рабочих и служащих, наряду с мероприятиями по урегулированию заработной платы, главное внимание было уделено заготовке и распределению продуктов. Заготовка была одним из важнейших вопросов, которыми занималось Правительство Советской Латвии. Необходимо было получить от производителей имеющиеся у них запасы продовольствия. Был организован специальный заготовительный аппарат. Украина помогала продовольствием, а РСФСР промтоварами, тканями и т. д.

13 февраля 1919 года был издан Декрет о кооперативах Латвии.¹ Согласно этому декрету пролетарские кооперативы были превращены в органы распределения, в состав которых должны были войти все производители и потребители без всяких паевых взносов, причем прием в члены кооператива всех граждан, пользующихся избирательным правом в Советы, был обязательным.

В целях лучшей организации распределения продуктов все кооперативы подлежали объединению в единую пролетарскую кооперацию — «Союз пролетарских кооперативов Латвии».

В распределении продуктов большую роль, наряду с кооперативами, имела общественная кухня (столовые). На 215.000 жителей выдавалось до 185.000 порций.²

Но пока налаживалась работа и отсутствовали продукты в количестве, необходимом для обеспечения населения г. Риги, жители города переживали тяжелые дни.

Сельская местность также была опустошена немецкими войсками, но все-же сельскохозяйственные рабочие могли получить не только хлеб, но и молоко, масло и картофель. В то же время обнаружился антагонизм между деревней и городом. Сельскохозяйственный рабочий был заинтересован не отпускать в город продукты своей волости и возражал против всякой свободной торговли.³

Однако интересы городских рабочих настоятельно требовали хотя бы временно разрешить свободную торговлю.

¹ Известия Социалистического Советского Правительства Латвии, 1919, № 3 (25 февраля).

² См. «Darbs un maize». Latvijas Pārtikas komisariāta izdevums Nr. 1, 1919. gada 15. februārī.

³ П. Стучка, Пять месяцев Социалистической Советской Латвии, ч. 1, 1919, стр. 115.

Декретом от 3 апреля 1919 года впредь до особого распоряжения был разрешен свободный ввоз в города ненормированных продовольственных продуктов (мяса, масла, овощей и т. д.) и продажа их открыто и по свободным ценам как на рынках, так и в лавках, зарегистрированных местными учреждениями в установленном порядке.¹

Острый недостаток продуктов заставил Советское правительство Латвии проводить распределение продовольственных продуктов строго по категории, обеспечивая в первую очередь только трудящихся.

Советское правительство разделило всех потребителей на три категории. При этом учитывались: род работы, общественная полезность деятельности каждого гражданина и количество труда, затрачиваемого на этой работе (по примеру РСФСР.² По карточкам I категории выдавалось $\frac{3}{4}$ фунта хлеба в день, II категории — $\frac{1}{2}$ фунта и III категории — $\frac{1}{4}$ фунта хлеба в день.³

Учитывая недостаток жировых продуктов и то, что в них особенно нуждались рабочие тяжелого физического труда, Комиссариат Продовольствия отдал распоряжение Рижскому отделу продовольствия распределять имеющиеся в распоряжении отдела запасы мяса только рабочим тяжелого физического труда.⁴

Для более целенаправленного проведения мероприятий по улучшению материального положения и бытовых условий трудящихся необходимо было всесторонне изучить бюджет рабочего. Без изучения бюджета рабочего не представлялось возможным установить минимум заработной платы. Без точных данных о бюджете невозможно было установить тарифы зарплаты в соответствии с дороговизной жизни и выяснить, какие тарифные ставки подлежат изменению. Материалы о рабочем бюджете дают возможность всесторонне ознакомиться с вопросами обеспеченности рабочих питанием, с их жилищными условиями, с культурной и общественной жизнью и т. д.

Комиссариат Статистики Латвии своим воззванием № 14⁵ приглашал всех рабочих принять участие в этой работе, со-

¹ П. Стучка, Пять месяцев Социалистической Советской Латвии, ч. II, 1921, стр. 55.

² ЦГИА, фонд № Р-47, опись № 1, дело № 3, стр. 100.

³ Известия Социалистического Советского Правительства Латвии, 1919, № 73 (19 мая).

⁴ Распоряжение Комиссариата Продовольствия о распределении жировых продуктов рабочим физического труда. Известия Социалистического Советского Правительства Латвии, 1919, № 45 (14 апреля).

⁵ Известия Социалистического Советского Правительства Латвии, 1919, № 16 (2 марта).

взательно и подробно учитывать все свои расходы и доходы, избегая случайностей и ошибок.

Систематическое и подробное изучение материалов о бюджете рабочих дает возможность сделать обоснованные выводы или уже заранее наметить мероприятия по улучшению бытовых условий рабочих, а также разработать проекты об упорядочении зарплаты и т. д. В связи с этим сбор материалов и представление правильных сведений рассматривались, как ответственная научная работа, которая требует от каждого работника исключительного внимания и возлагает большую ответственность перед государством и рабочим классом.

Предложение установить заработную плату в виде прожиточного минимума исходило от самих рабочих. Рабочие Латвии предлагали приравнивать их ставки зарплаты к ставкам специалистов, но это нельзя было рассматривать как враждебное отношение к инженерам и другим специалистам.

В результате изменения денежной системы¹ повысились цены и пришлось значительно повысить ставки заработной платы. Прежде всего были повышены все ставки до 300 рублей в месяц с тем, чтобы разницу доплатить по установлении окончательных ставок. Рабочие настаивали на минимальных колебаниях, и когда возник проект установить ставки в пределах от 400—800 рублей в месяц, то рабочие в профессиональных союзах нашли эту разницу чрезмерной и отстаивали ее в пределах от 400—600 рублей или от 600—800 рублей в месяц.

П. И. Стучка также признал эти требования рабочих обоснованными, чтобы не было большой разницы между ставками заработной платы рабочих, инженеров и др. специалистов. В отсутствие П. И. Стучки были установлены ставки от 400—800 рублей в месяц.

С 1 мая 1919 года ставки были повышены и сократилась разница между минимальным и максимальным заработком, так как предельные размеры были 600—900 рублей.

«А результаты?» — пишет П. И. Стучка. — «Рабочие и служащие голодали! Да, они голодали, но они голодали бы и при ставках вдвое выше, ибо продовольствия абсолютно не было».²

¹ Декретом от 10 февраля 1919 года законными денежными знаками на территории Латвии были признаны денежные знаки РСФСР. Известия Социалистического Советского Правительства Латвии, 1919, № 13 (8 марта).

² П. Стучка, Пять месяцев Социалистической Советской Латвии, 1919, ч. 1, стр. 110.

Впоследствии положение улучшилось, так как была получена помощь от других республик (РСФСР и Украины).

Члены Правительства Советской Латвии получали зарплату 800 рублей в месяц, т. е. лишь в два раза больше минимальной ставки (400 рублей). П. И. Стучка считал, что и эту разницу, по возможности скорее, следует уменьшить.¹

Например, тарифные ставки заработной платы советских служащих были следующие:²

1) ответственным работникам государственного аппарата и служащим, имеющим специальные знания (врачам, инженерам и т. п.) — 800 рублей в месяц;

2) заведующим отделами, секретарям комиссариатов и отделов — 730 рублей в месяц;

3) учителям основных школ первой ступени и преподавателям высших учебных заведений, заведующим хозяйством — 650 рублей в месяц;

4) бухгалтерам, делопроизводителям местных учреждений, помощникам заведующих хозяйством, помощникам секретарей — 570 рублей в месяц;

5) машинисткам I класса, учителям школ второй ступени и им приравненным — 500 рублей в месяц;

6) машинисткам II класса, телефонисткам, курьерам и всем работникам, не имеющим специальности — 400 рублей в месяц.

Законом было предусмотрено, что к той или другой из упомянутых выше категорий можно причислить также квалифицированных рабочих, выполняющих ответственные задания.

Не всегда оплата за труд производилась по принципу: «по количеству труда». Например, было разрешено в порядке совместительства работать на разных должностях, но запрещалось получать заработную плату одновременно от разных учреждений.

При служебных командировках оплачивались дорожные расходы, а также суточные (не более чем за 14 суток) из расчета одной третьей части месячной зарплаты за сутки, но не менее 15 рублей и не более 35 рублей за сутки.

Одним из важнейших законодательных актов в области упорядочения зарплаты в Латвии был Декрет от 9 мая 1919 года «О порядке повышения заработной платы».³ Декретом

¹ P. Stučka. «Par Padomju varu Latvijā», LVI, 1958., 123. lpp.

² См. Latvijas Sociālistiskās Padomju Republikas Dekrētu un Rīkojumu krājums, Nr. 2, 1919. gada 22. februārī.

³ Известия Социалистического Советского Правительства Латвии, 1919, № 65 (9 мая).

была повышена заработная плата рабочим и служащим республики. В Риге и во всех уездных центрах Латвии был установлен минимум зарплаты 600 рублей, а максимум — 900 рублей в месяц. Размер зарплаты в волостях не должен был превышать 75% от зарплаты работников уездных центров. При повышении и классификации заработной платы в Латвии руководствовались системой, предусматривавшей не более шести категорий. Упорядочение классификации зарплаты было поручено Производственным Союзам, по согласованию с Комиссариатом труда.

Производственные Союзы, разрабатывающие нормы труда, имели право повысить заработную плату с низших на высшие категории, если рабочие или служащие выработывали больше установленной средней нормы. Могли быть переведены в высшую категорию также те рабочие, которые хотя и не выработывали более высокую норму, но выработывали продукцию высшего качества.

Производственные Союзы имели право также понизить заработную плату с высших категорий на низшие, если рабочий или служащий не выработывал установленную среднюю норму. Это обстоятельство весьма способствовало повышению производительности труда.

Законом были предусмотрены также определенные гарантии для рабочих и служащих. Например, рабочие и служащие в случаях перевода на другую работу или избрания на выборную должность с более низкой заработной платой, чем та, которую они получали на прежнем месте работы, сохраняли право на прежний размер зарплаты.

В уездах Латгалии (Даугавпилсском, Резекненском, Лудзенском, Илукстском и Вилянском) были установлены еще более высокие ставки заработной платы.¹ Это объяснялось тем, что в Латгалии ощущался большой недостаток продуктов и существовали более высокие цены на них. Поэтому в Латгалии было установлено шесть категорий заработной платы: 750, 810, 870, 930, 990 и 1050 рублей в месяц.

Правительство Советской Латвии заботилось о том, чтобы трудящиеся, в связи с обстоятельствами военного времени, не оставались без средств существования. Постановлением Центрального Исполнительного Комитета было предусмотрено, что уполномоченные предприятий выдают рабочим аванс в размере месячного заработка, чтобы поддержать их материально.² Эти суммы уполномоченные могли раздавать

¹ Известия Социалистического Советского Правительства Латвии, 1919, № 71 (16 мая).

² Известия Социалистического Советского Правительства Латвии, 1919, № 25 (21 марта).

рабочим только по получении особого распоряжения. Аванс имели право получить только те рабочие, которые проработали не менее двух недель и были приняты на постоянную работу.

Рабочие, получившие аванс, не имели права уйти с работы без разрешения предприятия или учреждения. Рабочие, получившие аванс и не явившиеся на работу, привлекались к судебной ответственности.¹

Согласно Декрету Советского правительства и Комиссариата Труда о добровольном поступлении рабочих на военную службу они имели право получить такую же заработную плату, какую получали на предприятии; зарплату выплачивала им та войсковая часть, в которую был зачислен добровольно поступивший на военную службу.²

Из вышесказанного можно сделать вывод, что вопросы заработной платы с первых же дней установления Советской власти в Латвии разрабатывались и проводились в жизнь совместно с профсоюзными организациями республики.

С установлением Советской власти в Латвии была полностью устранена возможность дискриминации в оплате труда по признаку пола, возраста, национальности и расы.

Кроме денежного вида заработной платы в 1919 году применялся натуральный вид оплаты труда рабочих и служащих. С этой целью были образованы специальные органы которые, опираясь на представителей трудящихся, производили распределение продуктов питания по принципу зависимости от вложенного труда рабочих и служащих как государственных, общественных, так и частных предприятий и учреждений. Таким образом, натуральная оплата труда находилась под непосредственным контролем трудящихся.

VII. ОХРАНА ТРУДА

В царской России владельцы фабрик и заводов расходы на охрану труда рассматривали как ненужное расточительство, так как это уменьшало их прибыль. Человек с его нуждами при капиталистическом способе производства был ничто.

В капиталистическом обществе не было и не могло быть действительной охраны труда, так как производство было организовано не по принципу улучшения материального положения работающих, а по принципу, обеспечивающему капиталисту получение наивысшей прибыли. Интересует его

¹ Там же, 1919, № 32 (29 марта). Разъяснение Комиссариата труда о выдаче рабочим месячных авансов зарплаты.

² Там же, 1919, № 36 (3 апреля).

единственно тот максимум рабочей силы, который можно привести в движение в течение рабочего дня. Поэтому в капиталистических государствах не мало рабочих на производстве получают увечья, поэтому уже при среднем возрасте работающие становятся инвалидами.

Только уничтожение капиталистического способа производства и создание социалистического способа производства дали возможность обеспечить действительную охрану труда. Это исторически доказано на практике Союза Советских Социалистических Республик.

Понятие охраны труда в широком смысле по существу охватывает все нормы социалистического трудового права, поскольку они непосредственно или косвенно созданы как с целью повышения производительности труда, так и в интересах самих трудящихся. В более узком смысле понятие охраны труда применяется в науке о трудовом праве при определении одного из институтов трудового права, охватывая в этом случае только те нормы трудового права, которые предназначены для охраны человеческой жизни и здоровья в процессе труда.

В Советской Латвии в 1919 году, когда трудящиеся взяли управление государством в свои руки, вопрос охраны здоровья рабочих был выдвинут как первоочередная задача.

Для лучшего уяснения того, в каком значении в Советской Латвии применялась охрана труда и как последняя осуществлялась, необходимо ознакомиться с организацией охраны труда и с важнейшими законодательными актами 1919 года.

Одним из важнейших законодательных актов в этой отрасли был изданный 5 марта 1919 года «Декрет об инспекциях труда».¹ Инспекция труда была организована для контроля за соблюдением условий труда и охраны жизни и здоровья рабочих. Ее деятельность охватывала все отрасли народного хозяйства — производство, торговлю, сельское хозяйство и т. д., а также бытовые условия рабочих как на работе, так и вне работы. Инспекция труда находилась в ведении Отдела Инспекции труда Комиссариата Труда Латвии и избиралась Центральным бюро Производственных Союзов. Инспекторов труда утверждал Комиссариат Труда Латвии. Кроме избранных инспекторов труда Отдел Инспекции Труда имел право принимать на работу также специалистов (инженеров, врачей и др.) для выполнения технических функций и работы, требующей специальных знаний.

¹ Известия Социалистического Советского Правительства Латвии, 1919, № 21 (17 марта).

В обязанности инспекторов труда входило следить за тем, чтобы законы, положения и распоряжения об охране труда были реализованы, и контролировать, чтобы было сделано все возможное для улучшения условий труда и обеспечения безопасности работы.

За невыполнение декретов и распоряжений Советского правительства инспектор труда привлекал виновных к судебной ответственности или сам налагал на них денежный штраф. При исполнении своих обязанностей инспектор труда имел право в любое время посещать все без исключения предприятия, учреждения и рабочие места. Деятельностью инспектора труда руководил Комиссариат труда Латвии.

Для реализации упомянутого выше декрета и дальнейшего развития его Совет Производства Латвии совместно с Комиссариатом труда издал Инструкцию об инспекторах труда.¹

В этой Инструкции подробно были указаны все обязанности инспекторов труда. В них входил надзор за соблюдением правил об охране труда и социальном обеспечении и за соблюдением правил, регулирующих время работы и отдыха.

Инспекторы труда контролировали также правильность ведения расчетных книжек и своевременность выплаты заработной платы, выясняли причины несчастных случаев, рассматривали проекты законов об охране труда и ежемесячно представляли отделу Инспекции труда Комиссариата отчеты о своей работе.

Инспекторы труда обязаны были следить также за бытовыми условиями рабочих вне производства (по месту работы, в столовых, медицинских учреждениях и т. д.). Они обязаны были следить также за тем, чтобы управления производством своевременно сообщали Инспекции труда о случаях расширения, сокращения, приостановления и ликвидации производства, перехода предприятия в собственность другого лица, другой организации или в собственность государства.

При выполнении всех этих обязанностей инспекторы труда руководствовались законами и инструкциями об охране труда.

Если в предприятии создавалась обстановка, угрожающая здоровью или жизни рабочих, инспектор труда имел право применять необходимые меры для устранения этой опасности.

В случаях грубых нарушений законов об охране труда инспектор труда обязан был привлечь виновных к судебной

¹ Известия Социалистического Советского Правительства Латвии, 1919, № 67 (2 мая).

ответственности и выступить в суде в качестве обвинителя. Это было весьма важное правило, с помощью которого можно было заставить нарушителей трудового законодательства выполнять законы об охране труда. Особо важное значение это правило имело в связи с тем, что в то время существовали еще частные предприниматели, которые нарушали законы, и к ним приходилось применять меры предупреждения.

Всемерно охраняя труд всех рабочих и служащих, органы охраны труда совместно с профсоюзами уделяли особое внимание борьбе с нарушениями трудового законодательства со стороны частных нанимателей и тем самым ограничивали их эксплуататорские тенденции.

Таким образом, уже в 1919 году в Латвии Советская власть полностью реализовала программу-минимум требований революционного пролетариата в области охраны труда.

Охрана труда осуществлялась не в узком, а в широком смысле этого понятия. Наряду с вопросами охраны труда инспекторы труда следили также за соблюдением правил: о социальном обеспечении, о времени работы и отдыха, об оплате труда и т. д. Кроме того они ведали улучшением медицинского обслуживания рабочих.

Из вышеизложенного видно, что в 1919 году Советское правительство Латвии обратило большое внимание на охрану труда и провело ряд важных мероприятий с целью обеспечения безопасности труда.

VIII. ТРУДОВАЯ ДИСЦИПЛИНА

Трудовая дисциплина — необходимое требование при любой совместной работе. Везде, где люди работают не в одиночку, а сообща, процесс труда невозможен без подчинения всех работников определенному трудовому распорядку и указаниям руководителя общей работы.¹

Каждый общественный строй имеет свою особую дисциплину труда.

Организация общественного труда при феодально-крепостном строе поддерживалась палочной дисциплиной, грубым принуждением темной, подавленной массы крепостных, которые горсткой дворян подвергались ограблению и безжалостной эксплуатации.

Организация общественного труда капиталистического строя держалась на дисциплине голода и на экономическом подавлении наемных масс рабочих и крестьян. При этом строе трудовая дисциплина — средство сохранить и поддер-

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, изд. 1936, стр. 344.

жать такое положение, при котором громадное большинство трудящихся эксплуатируется горсткой эксплуататоров. Такая дисциплина мерзка и ненавистна трудящимся и носит принудительный характер.

В 1919 году в Советской Латвии была введена социалистическая трудовая дисциплина, которая радикально отличалась от всех ранее существовавших видов трудовой дисциплины. Социалистическая дисциплина труда базировалась на новых общественных отношениях освободившихся от эксплуатации работников, на отношениях товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи. Новая дисциплина труда была сознательная дисциплина, организованная самими трудящимися в социалистической республике. Ее задачей было укрепление нового советского строя, который уничтожил эксплуатацию.

Трудящиеся Социалистической Советской республики Латвии сознавали, что работают для себя, для своего социалистического государства, для блага всех трудящихся, поэтому громадное большинство рабочих, служащих и членов кооперативов работало честно и добросовестно, показывая сознательное отношение к труду.

Принципы организации деятельности Правительства Советской Латвии служили примером соблюдения дисциплины труда для широких масс трудящихся. По этому вопросу И. П. Стучка на митинге трудящихся в г. Валке 22 декабря 1918 года сказал, что Советское правительство кардинально отличается от всех других правительств тем, что в нем не имеют значения личности, а правительство по самой конституционной структуре является исполнительным органом трудящихся, отдельные люди, избранные на ту или иную должность, могут занимать эту должность только до тех пор, пока добросовестно выполняют свои обязанности и действуют в интересах трудящихся. Если же они сворачивают с пути, который им указал народ, они немедленно отзываются и вместо них назначаются (избираются) другие.¹

На I съезде Советов депутатов рабочих, безземельных крестьян и стрелков Латвии 15 января 1919 года была принята Конституция Социалистической Советской республики Латвии, в которой было объявлено, что труд является обязанностью всех граждан по принципу: «Кто не работает, тот не ест».

В короткий срок не было возможности производить необходимые работы по восстановлению и строительству раз-

¹ P. Stučka. Par Padomju varu Latvijā 1918.—1920. g. LVI, Rīgā, 1958., 66. lpp.

рушенного войной народного хозяйства. Уже в конце марта 1919 года в связи с критическим положением на Рижском фронте Советское правительство Латвии свою деятельность сконцентрировало на разрешении вопросов, связанных с организацией армии и ее снабжением. Формировались все новые и новые полки, так как необходимо было рассчитывать только на свои силы, поскольку РСФСР в это время на многих фронтах вела тяжкую войну с иностранными интервентами и не имела в резерве войсковых частей для отправки на Рижский фронт.¹

В. И. Ленин учил, что для создания и упрочения социализма рабочий класс должен решить двуединую задачу: во-первых, полностью подавить всякое сопротивление буржуазии и, во-вторых, повести за собой всю массу трудящихся «...на путь нового хозяйственного строительства, на путь создания новой общественной связи, новой трудовой дисциплины, новой организации труда, соединяющей последнее слово науки и капиталистической техники с массовым объединением сознательных работников, творящих крупное социалистическое производство».²

В то же время В. И. Ленин указывал на необходимость применять наряду с мерами убеждения, также и меры принуждения к тем, кто хочет побольше урвать от государства, лодырничает и занимается спекуляцией.

Специальных законодательных актов, посвященных только вопросам трудовой дисциплины, в 1919 году в Советской Латвии не было принято, а основное внимание во всех законах обращалось не на обязанности, а на права трудящихся.

Трудовая дисциплина поддерживалась на принципах добровольности и сознательности. Однако к злостным нарушителям трудовой дисциплины, а также к буржуазии и лицам, враждебно настроенным к Советской власти, применялись принудительные меры.

Нормы, регулирующие трудовую дисциплину рабочих и служащих, обычно предусматривались в нормативных актах, в которых регулировались другие институты трудового права (трудовая повинность, увольнение с работы, заработная плата, охрана труда, рассмотрение трудовых споров и т. д.). Например, в Декрете «О привлечении буржуазии к общественным работам», было указано, что лица, уклоняющиеся от общественных работ, будут преданы суду Революционного

¹ П. Стучка. Пять месяцев Социалистической Советской Латвии, ч. 1, 1919, стр. 73—76.

² В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 390.

Трибунала.¹ В Декрете о привлечении к трудовой повинности грузовых и легковых извозчиков было указано, что те извозчики, которые умышленно не выполняют порученную работу или препятствуют выполнению, наказываются конфискацией лошади, или упряжи, или предаются суду Революционного Трибунала.²

Союзам Производителей было дано право понижать заработную плату с высших категорий на низшие, если рабочие и служащие не выработывали без уважительных причин установленную среднюю норму.³

Беспощадная борьба велась со спекулянтами и другими врагами Советской власти. Например, за побег из рабочих рот или уклонение от работ в них виновные предавались Революционному Трибуналу, который имел право приговорить виновных к лишению свободы и даже к высшей мере наказания.⁴

IX. ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ ТРУДОВЫХ СПОРОВ

Советская власть упразднила, разбила старый буржуазный аппарат управления и создала новый, советский государственный аппарат, поставленный на службу социалистической революции. В этом аппарате в условиях 1919 года важное значение имели судебные органы Советской власти.

В 1919 году в Советской Латвии вступили в силу первые декреты РСФСР о суде,⁵ на основании которых начался процесс разрушения старой капиталистической судебной системы и создания новых советских судов Латвии. Были созданы революционные трибуналы и народные суды.

Революционные трибуналы были учреждены в уездах и вели борьбу против контрреволюционеров, саботажников и спекулянтов.

При Революционных трибуналах существовали следственные комиссии. Так, например, следственная комиссия Революционного Трибунала г. Риги и Рижского уезда расследовала ряд дел о спекуляции.⁶

¹ Известия Социалистического Советского Правительства Латвии, 1919, № 22 (18 марта).

² Там же, 1919, № 6 (28 февраля).

³ «Dekrēts par algu paaugstināšanas kārtību». Latvijas Sociālistiskās Padomju valdības Ziņotājs, Nr. 65, 1919. g. 9. maijā.

⁴ Rīgas Strādnieku Deputātu Padomes rīkojums par darba rotu organizēšanu. 1919. g. 10. martā.

⁵ Декрет о вступлении в силу декретов РСФСР в Латвии (Циня № 1, 1919, 26 февраля).

⁶ Четыре дела (в Библиотеке им. Мисиня, Академии Наук Латвийской ССР).

Народные суды учреждались на участках в уездах и решали общие уголовные и гражданские дела.

Тяжкие преступления и политические дела (о контрреволюционерах, саботажниках и др.) не были подсудны народному суду. Жалобы могли быть поданы устно или письменно, лично или по почте. Заседания народного суда происходили публично, допускались защитники.¹ Народный суд состоял из одного постоянного судьи и двух народных заседателей.

Бывшие волостные суды, как и другие старые судебные органы, были ликвидированы. Так, распоряжением Юридического отдела Рижского Уездного Совета было предложено волостным исполкомам Рижского уезда все оконченные и неоконченные дела бывших волостных судов немедленно передать в соответствующие народные суды.²

20 апреля 1919 года был издан «Декрет о трудовых трибуналах (конфликтных комиссиях) при местных отделах труда и при Комиссариате труда Латвии».³ В задачу этих трибуналов входило рассмотрение конфликтов, возникших между рабочими или служащими и администрацией предприятия и учреждения или предпринимателем.

Трудовые трибуналы (конфликтные комиссии) были организованы при местных отделах Труда и при Комиссариате труда Латвии.

В состав Трудового трибунала входили три члена: один от местного отдела труда (как председательствующий), второй от уездного центра общества производителей, а третий — представитель правления производственного Союза, членом которого состоял рабочий или служащий.

В компетенцию Трудового трибунала входило рассмотрение споров по вопросам выплаты заработной платы, производительности труда, неявки на работу, несоблюдения и нарушения правил и декретов, регулирующих трудовые правоотношения.

В компетенцию Трудового трибунала не входило рассмотрение дел уголовного характера и дел, подсудных Революционному трибуналу или народному суду.

Решения Трудового трибунала имели силу закона равную всякому другому судебному постановлению. Решения Трудо-

¹ Cēsu aprinķa Strādnieku un Bezzemnieku Deputātu Padomes Ziņotājs Nr. 81, 1919. g.

² Распоряжение Юридического отдела Рижского Уездного Совета № 8. (Известия Социалистического Советского Правительства Латвии № 3 от 22 февраля 1919 г.).

³ Известия Социалистического Советского Правительства Латвии, 1919, № 54 (25 апреля).

вого трибунала можно было обжаловать в Трудовой трибунал Латвии, созданный при Отделе Инспекции Труда Комиссариата Труда.

Трудовой трибунал имел право наложить на виновных денежный штраф до 5000 рублей или подвергнуть их общественным работам до 3 месяцев, а также удовлетворить денежные требования рабочих, связанные с заработной платой, возмещением вреда и т. д.

Представление Трудовым трибуналам таких широких прав объясняется тем, что в компетенцию их, наряду с рассмотрением споров о неправильной выплате заработной платы, неправильном приеме и увольнении с работы, входило также рассмотрение таких важных вопросов, как дела о случаях уменьшения производительности труда, несоблюдения и нарушения правил декретов; такие вопросы практически не могли быть разрешены без расширения прав Трудовых трибуналов.

Х. СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

В капиталистических странах материальное обеспечение трудящихся в случаях утраты трудоспособности — одна из важнейших социальных проблем.

«Работать и сберечь!» — таково было основное требование капиталистического строя (хозяйства). Бережливость должна была быть положена в основание социального или общественного обеспечения.¹

В царской России лишь в результате долгой и упорной борьбы пролетариата был принят закон о социальном страховании. Только массовые забастовки и Ленские события заставили царское правительство в 1912 году издать закон о социальном страховании. Хотя этот закон распространялся на небольшую часть рабочих и служащих, касался только двух видов страхования — по случаю болезни и увечья — и устанавливал нищенские размеры пособия, все же он был первым шагом к улучшению материального положения трудящихся.

Борьбу рабочих за социальное страхование партия большевиков постоянно ставила в связь с общими классовыми интересами и задачами пролетариата. Эту борьбу нельзя было вести оторванно от борьбы трудящихся за свержение царизма и уничтожение капиталистического строя. РСДРП(б)

¹ См. Par Padomju varu Latvijā 1918.—1920. g., Rakstu izlase, LVI, 125. lpp.

подвергла резкой критике царский закон 1912 года о социальном страховании, так как обоснованные требования рабочих были удовлетворены лишь частично.

В. И. Ленин в то время, как известно, разработал программу страхования рабочих, которая была принята в 1912 году на Пражской конференции и включена в резолюцию конференции «Об отношении к думскому законопроекту о государственном страховании».¹

Составленная В. И. Лениным программа вошла в историю рабочего движения России, как ленинская программа социального страхования, и ее основные принципы позднее, в годы Советской власти, были творчески воспроизведены при дальнейшем развитии системы социального страхования также в Советской Латвии.

Социальное обеспечение было одной из тех проблем, которые Советское правительство Латвии должно было разрешить в срочном порядке, так как было много нетрудоспособных, не имевших средств к существованию.

Существовавшее положение, что законы о социальном страховании при капитализме были крайне несовершенны и страхование было осуществлено частично из зарплаты рабочих и только частично за счет сверхприбыли, вызвало тенденцию отказаться от этого понятия «страхование». «Мы должны начать с того, к чему своими последними мероприятиями пришло и Советское Правительство России. С всеобщего социального обеспечения, а не страхования. То есть с общественного обеспечения во всех случаях, когда человек еще или уже не способен к труду».² (Перевод мой. О. З.).

В законодательных актах, принятых в 1919 году в Советской Латвии, речь шла не о социальном страховании, но вообще о социальном обеспечении, поскольку в них, наряду с мероприятиями по социальному страхованию трудящихся, были предусмотрены мероприятия по охране труда, охране здоровья и т. д.³

Для правильной оценки высокого уровня законодательства 1919 года по вопросам социального обеспечения мы должны учесть существовавшее в то время экономическое положение и задачи, которые ставило Советское правительство.

В этой связи П. И. Стучка писал: «Еще до рождения ребенка его мать получит питание и достаточное пособие, а в первое время жизни ребенка — даже в усиленном размере,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 426—429.

² P. Stučka. Par Padomju varu Latvijā 1918.—1920. g. Rakstu izlase, LVI, 1958., 127. lpp.

³ Известия Социалистического Советского Правительства Латвии, 1919, № 14, стр. 1 (10 марта).

потом ребенок перейдет или может перейти в общественный детский дом, причем мать не теряет права материнства. Затем школа — бесплатное обучение и питание. Каждый взрослый, если он по болезни, из-за увечья или за отсутствием работы не занят трудом, получает достаточное питание. И, наконец, когда трудовой путь завершен, человеку гарантируется спокойная, обеспеченная жизнь, он оказывает посильную помощь только там и тогда, когда это необходимо и возможно».¹

Законодательство РСФСР по вопросам социального обеспечения явилось образцом при разработке актов по социальному обеспечению в Советской Латвии. Например, среди законодательства, регулировавшего в Советской Латвии в 1919 году социальное обеспечение, видное место занял «Декрет о социальном обеспечении»² от 26 февраля 1919 года, в котором подробно были регламентированы вопросы социального обеспечения рабочих и служащих. Этот декрет о социальном обеспечении в целом соответствовал декрету РСФСР, различия имелись только в деталях. Например, в Латвии не предусматривались вычеты страховых платежей из зарплаты рабочих, ввиду низких ставок зарплаты. Как временное мероприятие, была предусмотрена выдача частичной пенсии матерям, имеющим детей в возрасте до 8 лет.

Центральным органом, руководившим делами социального обеспечения, был Совет Социального обеспечения и Просвещения Латвии. Совет распределял работу по социальному обеспечению между комиссариатами Социального обеспечения, Здравоохранения и Просвещения.

В уездах социальным обеспечением ведали отделы Социального обеспечения и Народного образования местных Советов.

Источником средств для социального обеспечения был особый налог социального обеспечения на имущество и доходы, а в необходимых случаях средства выделялись государством, денежные суммы, внесенные для нужд социального обеспечения, являлись неделимым фондом социального обеспечения. Этим фондом ведал Совет Социального обеспечения и Просвещения и использовался он в соответствии с Инструкцией, разработанной этим Советом.

Декретом были предусмотрены следующие виды обеспечения:

¹ П. Стучка. За советскую власть в Латвии 1918—1920, Сборник статей. Латв. госуд. изд. 1964, стр. 148.

² Известия Социалистического Советского Правительства Латвии, 1919, № 14 (10 марта).

- 1) медицинская (врачебная) помощь, лекарства и т. п.;
- 2) в случаях болезни (временная утрата трудоспособности), независимо от причин болезни (общее заболевание, беременность, роды, увечья и т. п.);
- 3) в случаях постоянной утраты трудоспособности, в связи с увечьем, болезнью, старостью и т. п.;
- 4) в случаях безработицы, не по вине безработного;
- 5) обеспечение детей.

Широко была развита бесплатная медицинская помощь. Кроме медицинской помощи были предусмотрены также разные денежные пособия и пенсии. Пособия и пенсии выдавались в целях обеспечения необходимыми средствами существования лиц, утративших полностью или частично доходы в связи с нетрудоспособностью или безработицей.

Минимальная норма пособия была установлена в размере самого низкого тарифа заработной платы, какой был утвержден Комиссариатом труда для данной местности. Нормальное пособие определялось в размере среднего заработка в местности, где проживал обеспечиваемый. Максимальная норма пособия определялась в размере наивысшей тарифной ставки зарплаты в данной местности.

Таким образом, размер пособия или пенсии в каждом конкретном случае устанавливался с учетом низшей и высшей заработной платы в данной местности, а не из размера заработной платы и стажа работы обеспечиваемого лица.

Обеспечению подлежали все проживающие в Латвии, не имеющие других средств существования, если они не использовали чужую рабочую силу. Не имели значения продолжительность и место работы — работал ли он в государственном, национализированном, общественном, или в частном предприятии, учреждении или в хозяйстве, или у отдельных граждан, или самостоятельно.

Исключение было для лиц, временно утративших трудоспособность; им выдавалось пособие в размере ранее получаемой зарплаты.

Не предусматривалось также деление на несчастные случаи, профессиональное заболевание и т. п. Стаж работы также не имел значения при определении размера пособия.

Пособие выдавалось до восстановления трудоспособности обеспечиваемого, или же это лицо признавалось инвалидом и ему назначалась постоянная пенсия.

В задачу органов социального обеспечения входило также издание директивных указаний соответствующим предприятиям и учреждениям о проведении необходимых мероприятий по охране труда (например, по борьбе с заболеваниями, увечьями и другими повреждениями здоровья). Необходимо

было также следить, чтобы эти указания своевременно и точно выполнялись.

«Инструкцией отдела Социального обеспечения Уездных исполнительных комитетов»¹, изданной Комиссариатом социального обеспечения 1 марта 1919 года, были упорядочены вопросы организации деятельности социального обеспечения. В соответствии с этой Инструкцией отделы Социального обеспечения разделялись на подотделы: обеспечения семьи, нетрудоспособных, безработных и т. д. Каждый из этих подотделов выполнял работу по социальному обеспечению в порученной ему отрасли.

Латвия после долгих лет войны, немецкой оккупации и в результате бесхозяйственной и расточительной деятельности буржуазного временного правительства находилась в бедственном положении — предприятия и хозяйства были разрушены, поля не обрабатывались, продовольствие было вывезено, а Советское правительство в то время (в марте 1919 года) еще не успело восстановить народное хозяйство и улучшить положение.

В связи с этим Совет Социального обеспечения и Просвещения признал,² что, ввиду крайне неблагоприятного хозяйственного положения в Латвии, каждый должен временно ограничивать свои потребности и потребление, и в принятом решении указал, что:

1) размер выдаваемого одному лицу пособия или пенсии вместе с заработной платой не должен превышать минимального размера пособия;

2) безработным выдавать пособие только в половинном размере;

3) инвалидам, утратившим 30% и менее трудоспособности, пенсию не выдавать.

Эти правила вступили в силу с 1 марта 1919 года, но существовали недолго.

В связи с изданным Правительством Советской Латвии 9 мая 1919 года Декретом о повышении зарплаты, Комиссариат Социального обеспечения Латвии дал указание всем отделам Социального обеспечения увеличить с 1 мая пенсии больным и беременным, временно утратившим трудоспособность.

Общественное воспитание детей при существовавших обстоятельствах не могло быть введено в достаточно широких

¹ Известия Социалистического Советского Правительства Латвии, 1919, № 15 (11 марта).

² Известия Социалистического Советского Правительства Латвии, 1919, № 19 (15 марта).

размерах, поэтому заботы о детях ложились, главным образом, на мать ребенка, которая в связи с этим должна была находиться дома и не могла работать, и двое членов семьи должны были существовать на заработок одного лица (мужа). В связи с этим и учитывая, что еще не было достаточно широко организовано общественное воспитание детей, Правительство Советской Латвии 10 мая 1919 года издало «Временные дополнительные правила об обеспечении семей».¹

Работницам — матерям, мужа которых работали в советских предприятиях или учреждениях и которые принадлежали к классу трудящихся и единственным источником средств существования которых была заработная плата, в порядке социального обеспечения устанавливалось пособие в следующих размерах:

- 1) матери, имеющей ребенка в возрасте до 3 лет — $\frac{1}{2}$ средней зарплаты;
- 2) матери, имеющей ребенка в возрасте от 3 до 7 лет — $\frac{1}{4}$ средней зарплаты.

Распоряжением Рижского Совета депутатов трудящихся от 14 апреля 1919 года было установлено, что безработные, получающие пособие от отделов социального обеспечения, на время безработицы освобождаются от квартирной платы.²

Из этого краткого обзора законодательства видно, что социальное обеспечение было организовано в широких размерах, охватывало все виды обеспечения при потере трудоспособности и по безработице.

*

В 1919 году Советская власть в Латвии просуществовала недолго. Укрепление Советской власти в Прибалтике беспокоило реакционных правителей стран Антанты и вождей местной буржуазии. В. И. Ленин так характеризовал положение Советской власти в Латвии: «Теперь немцы идут на Двинск, чтобы отрезать Ригу. С севера им помогают эстонские белогвардейцы на деньги, которые посылает Англия, при помощи добровольцев, которых посылают шведы и датчане, насквозь подкупленные миллиардерами Англии, Франции и Америки. Они действуют по совершенно ясному для нас общему плану, пользуясь тем, что в Германии они кровавыми подавлениями ослабили движение спартаковцев и революционеров. И хотя они чувствуют, что дышат на ла-

¹ Известия Социалистического Советского Правительства Латвии, 1919, № 66 (10 мая).

² Там же, 1919, № 47 (16 апреля).

дан, они все же сочли момент достаточно удобным для использования, для того, чтобы предоставить Гинденбургу часть войск и усилить натиск с запада на истерзанную, измученную Латвию и угрожать нам».¹

В 1919 году Советское правительство Латвии приняло ряд нормативных актов, которые регулировали трудовые отношения. Это обстоятельство ярко свидетельствует о том, какое большое внимание было обращено на трудовое право в Советской Латвии в 1919 году.

Нормы трудового права содействовали осуществлению задач Советской Социалистической Республики Латвии, закреплению 8-часового рабочего дня, обеспечивая высокий уровень охраны труда и социального обеспечения, укрепляя вместе с тем социалистическую организацию труда в государственных социалистических предприятиях, ограничивая жесткими рамками эксплуатацию труда в частнокапиталистических предприятиях и способствуя тем самым вытеснению капиталистических элементов. Нормами трудового права был предусмотрен ряд положений, направленных на повышение производительности труда, укрепление трудовой дисциплины и проведение социалистического принципа оплаты по труду.

22 мая 1919 года пала Рига, но революционный дух пролетариата Латвии не был сломлен. Пролетариат Латвии продолжал вести героическую борьбу за свержение ига капиталистов. В этой связи П. И. Стучка писал: «Но пять месяцев коммунизма в Латвии не прошло даром и новое развитие начнется ровно там, где его прервал набег объединенных (хотя и враждебных друг другу) англо-немецких империалистических банд».²

Советское правительство Латвии в январе 1920 года прекратило свою деятельность, вместе с тем прекратилось и дальнейшее развитие законодательства о труде.

Славная борьба за Советскую власть, за новую, социалистическую организацию труда под руководством Коммунистической партии в 1917—1919 годах и великий пример Советского Союза вдохновляли трудящихся Латвии на дальнейшую упорную борьбу, которая увенчалась восстановлением Советской власти в Латвии в 1940 году.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29 изд. IV, стр. 231—232.

² П. Стучка, Пять месяцев Социалистической Советской Латвии, ч. 1, 1919, стр. 187.

**ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОГО
И ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
СОВЕТСКОЙ ЛАТВИИ**

Технический редактор А. Яисон
Корректор Я. Кроманс.

Сдано в набор 28 января 1965 г. Подпи-
сано к печати 24 марта 1965 г. Формат
бумаги 60×90^{1/16}. 9,75 физ. печ. л. Тираж
500 экз. Цена 70 коп. Издательство «Звайг-
зне», г. Рига, ул. Пилс.

Отпечатано в 23-й типографии Управления
полиграфической промышленности Госу-
дарственного комитета Совета Министров
Латвийской ССР по печати, г. Елгава, ул.
Райниса, 27. Заказ № 505. ЯТ № 05118.

433845

LATVIJAS UNIVERSITĀTES BIBLIOTĒKA

0510004842

1, -

70 коп.

44/5969